Автоном

Номер 33
Осень 2011

журнал движения "АВТОНОМНОЕ ДЕЙСТВИЕ"

ГЛАМУРНАЯ СКАЗКА КАПИТАЛИЗМА

"ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ"

"ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ ПАРТИЗАНЫ"

ЯРОСЛАВ ГАШЕК

ДЖОН ЛЕННОН

ЛИБЕРТАРНОЕ ПОНИМАНИЕ ЛЖЕДМИТРИЕВ

АНТИЭКСТРЕМИЗМ ДЛЯ СТРАУСОВ

ПСЕВДОБОЛЬНИЦА ДЛЯ ПОДРОСТКОВ

ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ СТУДЕНТОВ

ПОВСТАНЧЕСТВО ДЛЯ РЕВОЛЮЦИИ

МИКСФАЙТ ДЛЯ АНАРХИИ

ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ МОДЕРНИЗИРОВАННЫХ РАБОВ

Цифровое оружие пролетариата

Отстаивание трудовых прав с помощью анархизма и интернета

Начальник оскорбляет вас, заставляет работать сверх нормы или каждый раз уверяет, что зарплата будет «завтра»? Вам не предоставляют оплачиваемый больничный или отпуск? Вас штрафуют за опоздание? Босс домогался вас? Вы работаете при +40? Все это – прямые нарушения ваших трудовых прав. В России, к сожалению, это почти норма. И, надо признаться, ситуация такова, что предпринять что-либо для защиты от беспредела руководства очень тяжело.

Что же делать наемному сотруднику для защиты своих прав?

Первое что приходит на ум – пойти в профсоюз и рассказать о свое нелегкой судьбе. В 90% случаев профсоюз – это формальная структура для получения билетов в театр, с лояльным начальству активом. Если профсоюза нет, вы можете попробовать его создать, а если есть – сместить унылых бюрократов, чтобы сделать ячейку боевой и революционной (например, как IWW – Индустриальные рабочие мира) всем в пример. Это достойный путь, для борцов, но надо понимать, что тем самым вы станете мишенью номер один для руководства. Нынешнее трудовое законодательство вам, как активисту профсоюза, лишних прав не дает – вас могут уволить, как и любого другого работника, а если руководство будет готово к этому, оно все сделает аккуратно – собрав все бумаги, со ссылками на все нормативы.

Можно пойти «бумажным» путем и забрасывать инспекцию по труду, суд и другие инстанции различными кляузами. Но имейте в виду, что если вы работаете не 100% легально (то есть с выплатой всех налогов, без зарплаты в конверте) – то вас, очень вероятно, проигнорируют. Все это может длиться месяцами, вы будете бегать из одной инстанции в другую с кипой бумаг, пока в итоге не сядете в коридоре одного из государевых домов и не пошлете всё к черту. Однако, если вы юрист или у вас есть друг-юрист – можно попробовать. Не забудьте прислать нам отчет.

Можно организовать какое-либо действие «дико», никого не спрашивая – например, итальянскую забастовку – когда все делается максимально по правилам, тут даже не надо ничего объявлять публично, руководство само поймет, что коллектив ополчился против него. В наших реалиях руководству сложнее бороться с этим – формально забастовка не происходит, кто организатор не ясно, что делать непонятно. Для воплощения этого варианта нужно иметь сплоченный коллектив, а это встречается крайне редко.

Результативно атаковать репутацию компании. Как показывает опыт нашего сайта (antijob.anho.org) – боссы очень волнуются о своей репутации. Даже невинный текстовый отзыв в интернете доставляет им немало переживаний, они пишут нам и требуют или упрашивают снять эти отзывы. Но если Вы сделаете видео- или аудио-запись с компрометирующей информацией и пришлете нам на сайт, то поверьте – у вашего босса зашатается кресло и нервы. Например, наглый лысый начальничек из ОАО «Лебедянский» вылетел со своего уютного места за видео скрытой камеры, где он кричит: «Зарплаты вам?! ***УЙ ВАМ, А НЕ ЗАРПЛАТА!**» Мы считаем, что это один из способов борьбы армии наемных работников за свои права в информационном обществе.

Присылайте нам свои материалы о нарушении ваших прав и методах борьбы – пусть все знают о нечистоплотных работодателях!

Наш мейл – antijob@anho.org

Коллектив antijob.anho.org

ПЕРЕДОВИЦА 33

Тридцать третий раз мы отправляем в типографию журнал «Автоном». Номер получился довольно эклектичный: в нем вы прочтете о репрессиях против анархистов в Беларуси и студенческом движении в Украине, о сексистских стереотипах и борьбе с уплотнительной застройкой. Об арабских революциях и фабрикации уголовного дела против нашего тюменского товарища. О миксфайте и детской псевдобольнице. Узнаете мнения наших авторов о роли школы и Интернета, дискурсе гламура и противниках бесплатного проезда в метро. О Ба Кине, Ярославе Гашеке, Джоне Ленноне, «Электрических партизанах» и «Военном положении». О методологии анархизма вообще и анархизме повстанческом, о деле против Никиты Тихонова и Евгении Хасис и феномене Лжедмитриев, о либертарно-коммунистическом шабаше и цифровом оружии пролетариата.

Свежие либертарные новости и мыследетонирующие тексты вы всегда можете найти на портале «Автономного действия», avtonom.org. В журнале же мы пытаемся дать срез событий, чаяний, опасений и мнений, бытовавших в нашем движении с момента выхода предыдущего номера «Автонома». Все последние его выпуски получаются эклектичными, как, в общем, и само состояние нашего движения: анархистов, вроде, не так и много, они дезорганизованы, но большинство политических групп в России еще в большей заднице. Государственные антиэкстремисты свели практически к нулю возможности для легальной борьбы, но, как показал арабский мир, сегодня для организации революции может хватить и твиттера. Россияне заметно раздражены тем, что уровень жизни не восстановился с начала кризиса, власть не способна обуздать коррупционеров и беспредельщиков с погонами, мигалками и корочками, но о массовых протестных движениях в нашей стране пока говорить рано.

Анархисты до сих пор не оправилось от пресса по Химкинскому делу, за последние месяцы появилось и несколько новых уголовок на либертариев и близких нам антифа. Между тем, в разных городах действуют старые и появилось несколько перспективных новых легальных либертарных инициатив, антифа продолжают портить жизнь наци, сформировались и анархистские группы, ведущие подпольную борьбу.

«Автономное действие» не связано с вооруженной борьбой: пока это еще возможно в России, мы будем заниматься публичной, открытой пропагандой анархизма, пытаться формировать массовое либертарное движение.

Мы всегда рады новым людям, готовым помогать проектам, связанным с «Автономным действием», готовым помогать в выпуске журнала: писать тексты и оформлять их, содействовать распространению. Всегда рады полезным идеям и действиям во благо Нашей революции.

Валерий Листьев

Содержание

В Диких условиях ..... стр 2

Школа рабства и послушания ..... стр 4

Дискурс гламура как знаковая система социальной реальности ..... стр 8

Арабская Весна ..... стр 12

Анархия в университетах ..... стр 14

Под снос ..... стр 18

«Либком 2011». Закулисье..... стр 20

Интервью с Хирургом ..... стр 22

Не Сдавайся 3 ..... стр 24

Репрессии против белорусских анархистов..... стр 26

Интервью с матерью Игоря Олиневича..... стр 30

Список заключенных анархистов ..... стр 32

Власть занимает позицию страуса ..... стр 34

Об анархизме и насилии ..... стр 37

Малый Нюренберг в Мосгорсуде ..... стр 39

Не спешите попасться в эту сеть!..... стр 42

Либертарная многогранность ..... стр 46

Повстанческий анархизм ..... стр 50

Фотоотчет о прошедших событиях ..... стр 54-63

Ба Кин..... стр 64

«Очень приятно, царь...» Либертарный взгляд на историю Смутного времени ..... стр 68

Красно-черный Гашек ..... стр 70

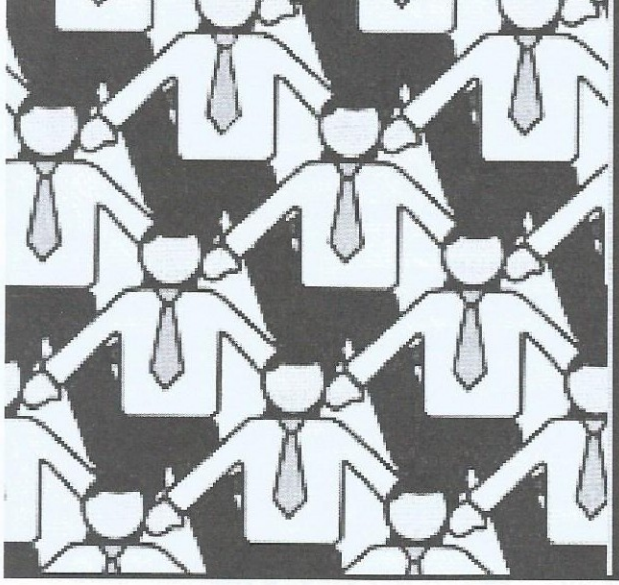
Власть - народу! Потерянное интервью с Джоном Ленноном и Йоко Оно ..... стр 72

«Электрические Партизаны»..... стр 76

«Про пабы» больше не поем..... стр 80

М и Ж..... стр 82

Корпункты..... стр 86



ОБЩЕСТВО

В Диких условиях

Заведение для свободно перемещающихся несовершеннолетних

«Больницы, психушки, и тюрьмы - настоящие музеи утешения для тех, кого страх оказаться там заставляет радоваться тому, что снаружи»

(Р.Ванейгем «Революция повседневной жизни»)

- Раздевайся.

- Чего?!

- Раздевайся, говорю, одежду сюда. Ценные вещи сюда. Телефон, деньги, документы. Не волнуйся, звонить сможешь в любое время, вещи свои брать тоже.

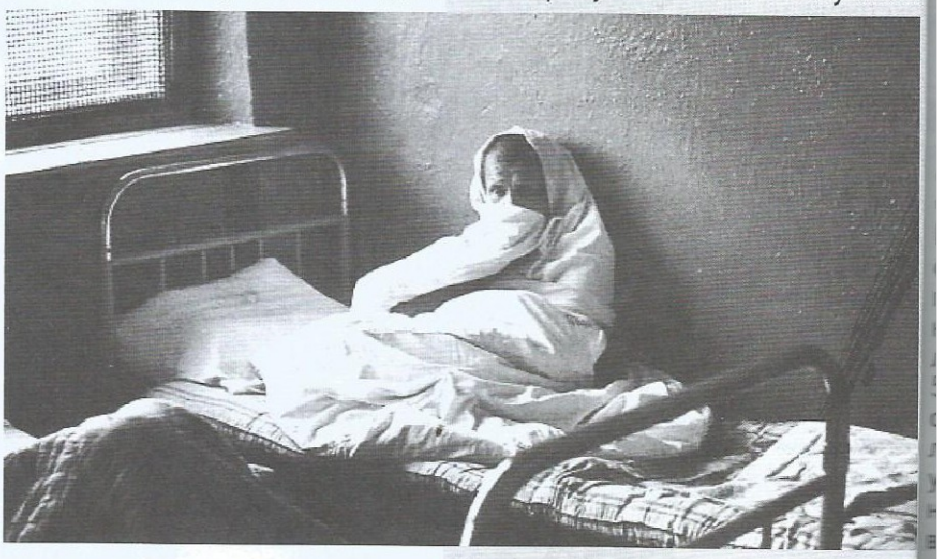
- А это точно больница?

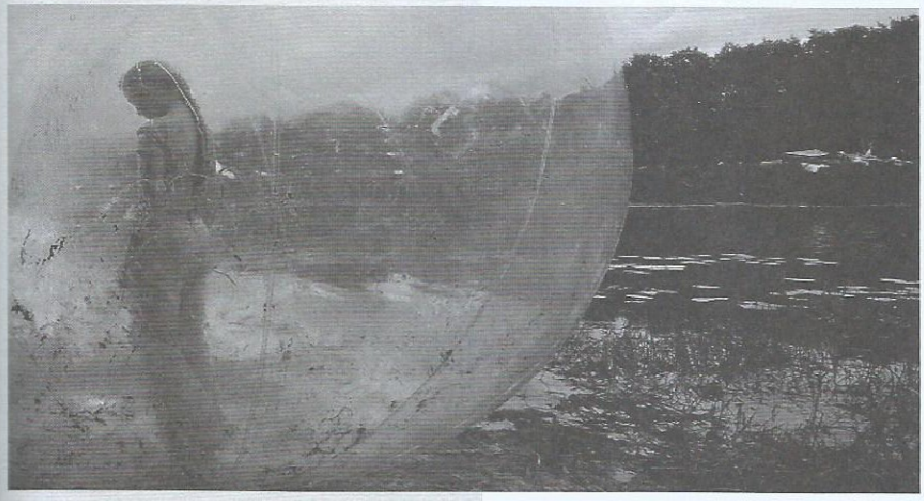
Насчет телефона и звонков был на*б откровенный, не первый и далеко не последний, но поняла я это позже. Началось же все с настойчивого предложения пройти в отделение и посмотреть Уголовный кодекс, чтобы нам стало ясно, что мы нарушаем. После того, как мой друг оказался на асфальте, скрученный двумя свиньями, я решила все-таки пойти с человеком в форме, который грозно поведал мне, что в отношении меня тоже могут применить силу. Почему с «человеком в форме»? Потому что представиться и показать удостоверение никто из них троих так и не удосужился. Заходим в отделение. Я не унималась: «А как Вас зовут? Скажите, чтоб я знала, как к Вам обращаться, можете даже по имени отчеству или по званию, мне без разницы. А вы нас до часу отпустите? Мы на метро не успеем, а нам домой еще ехать надо. Вы будете документы проверять? А меня разве можно забирать, я несовершеннолетняя? Нельзя ведь». «О как. Сейчас инспектору ПДН напишешь объяснительную и отпустим. Уедешь, успеете».

Вот он, на*б номер два. Дальше обещали отпустить после того, как поговорю с инспектором, потом как приедет скорая помощь (я еще долго доставала их расспросами, причем тут скорая помощь и какая-то там больница, периодически мелькавшая в разговоре), затем, что приеду в больницу, и там отпустят. Инспектором оказалась истеричная девушка лет двадцати пяти, которая все отказывалась разговаривать с моим отцом по телефону. «У меня есть конституционное право свободно перемещаться по территории РФ». «Тебе 18 нет вообще-то». «И что, у меня паспорт с 14, я полноправный гражданин. Или конституция несовершеннолетних не защищает?»

Короче, оказалось, что того, что я (несовершеннолетняя) находилась в другом городе без родителей, достаточно, чтобы меня заперли на семь суток в заведение, которому мне сложно подобрать название. Назвать его больницей – Детской Городской Больницей 21 – язык не поворачивался. Привезли туда на машине скорой помощи. Первый этаж был вполне цивилен, несмотря на то, что их требования сдать все свои вещи, переодеться в их одежду и то, что у меня забрали телефон, оставались за гранью моего понимания. Поднимаемся на второй этаж. Со словами, – «Я вам чистенькую девочку привела, определите ее в пятую», – дверь в бокс, напоминающий аквариум из-за застекленных (радует, что хотя бы только наполовину) по периметру стен, была заперта на засов. В тот момент я и поняла, куда попала. Четыре кровати, стол – интерьерное решение в духе минимализма. Раковина с холодной водой, туалет. На окнах – решетки, ставни обиты металлическими полосками. Итак, весь первый день я приходила в себя, по сему не ела ничего, лежала, уперев взгляд в стену.

Второй день. Духота. На второй-третий дни от этой духоты чуть не падали в обморок. Воды нам практически не давали. То есть можно было конечно постучаться, поорать, чтобы дали стакан воды, но старались особо не выступать, потому что нужно было еще сходить в душ, а упрашивать тоже приходилось долго, и попытаться пробиться вниз к телефону. Из боксов выпускали





неохотно, поэтому приходилось расставлять приоритеты. Душ, кстати, отдельная тема, вообще жили в антисанитарии, не было никаких средств личной гигиены, потому что просто не разрешили их пронести, сполоснуться можно было холодной водой в ванной, голову помыть зеленоватой жижей, которая гордо именовалась «Лопух». Мыло у нас появилось в боксе только после того, как кто-то из наших стащил его у медсестер. Сколько времени мы тоже не знали, определяли только по тому, во сколько нас кормили.

Во второй день ко мне заселили соседку. Красивая ухоженная загорелая блондинка, да и выглядит лет на 25. Как она-то сюда попала — непонятно. Оказалось, у нее мама 1,5 года назад умерла от рака, отца нет, жила с отчимом и братом младшим, которого, к слову, тоже забрали в подобное заведение. Отчим напился, пошел в органы опеки и сказал, чтобы они ее забирали, она ему, мол, не нужна. По документам он ей был никто. А они словно этого только и ждали, послушали пьяного в умат(!) мужика, приехали к ней домой, сказали, что нужно заехать в участок милицейский, что-то там с документами посмотреть, она отказывалась сначала, потом уступила и поехала. Вуаля — оказалась со мной на соседней койке. Вообще, все попадали сюда после долгой серии на*бов со стороны представителей власти. А до 18 ей осталось 5 месяцев всего. Вообще, все мы считали, сколько и кому осталось до 18 лет, ибо тогда никто уже не мог тебя закрыть в больнице, просто так забрать, в 18 выпускали из детдомов и давали квартиру. Вторая роковая цифра — 7. 7 дней максимум можно находиться в этой так называемой больнице, после чего, если тебя не забрали родители, ты отправляешься в приют, оттуда в детдом. Забрать же могли только родители или официальные опекуны. То есть мою новоявленную соседку забрать было некому.

К вечеру нам заселили еще одну. Она свое 17-летие справляла в больнице, с нами. Попала тоже весьма любопытным путем: пришла писать заявление в участок об утере паспорта, дело было после 22:00, а после 22:00 у нас, как известно, комендантский час. Но это повод, причина — в другом. У нее мать есть, которая через пару дней позвонила и сказала, что написала от нее отказ, и было очевидно, что для того, чтобы ту отправили в приют, тогда ее смогут заставить написать отказ от ее дочери в пользу бабушки. Дочери год. После того звонка рыдала и кричала что не хочет ее отдавать и не отдаст, что сбежит и заберет дочь, будет жить с ней, воспитывать ее сама, но отказ писать не будет.

Третий день. Подселили 13-летнюю девочку. В отличие от нас всех, она была тут уже не в первый раз. В этот раз ее забрали из-за какой-то драки. Да, возможно по делу. Но то, за что забрали ее в прошлый раз, год назад, не укладывается в моей голове никак. Весна, 5:00 утра. В школу ехать на метро и автобусе, автобус приходит в 5:15. Она сидит на остановке ждет его. К ней подходят свиньи и со словами: «Ты чего тут ночью гуляешь, комендантский час вообще-то», увозят в участок, а потом и в 21-ую. Забрать мать смогла ее лишь через несколько дней, так как работала в ночную смену, а поначалу вообще не знала, потому что они не сообщают, когда ребенок у них уже находится. То есть, конечно, должны, но это как-то упускается. Я родителям только на третьи сутки дозвонилась, упросила главврача разрешить позвонить с сотового. Потому что в больнице можно звонить только на городской номер по Москве, только родителям и в присутствии охраны. Все это время они меня искали, не знали где я, хотя по словам того же главврача, им на следующий ж день должны были сообщить где я.

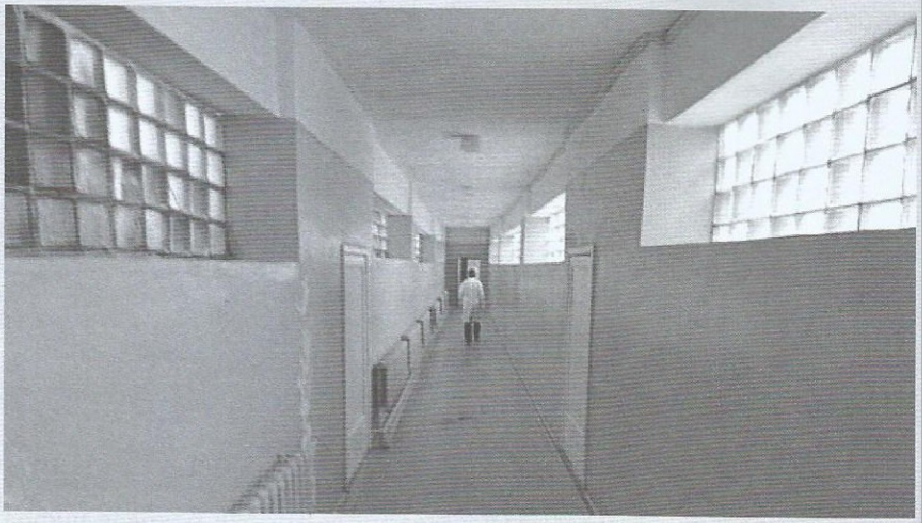
В соседних боксах находились люди с подобными же историями.

Через стенку от нас был изолятор. Там мальчик лежал, лет 5-6. Двое суток, с того момента, как его привезли он ревел не прерываясь, кричал что к маме хочет, что ему страшно и что он маму любит. Медсестры и охрана орали на него, вместо того чтобы успокоить, мальчик был не русский, чем его постоянно упрекали. Вообще, ксенофобия в этом заведении процветала. Даже мне с этого досталось, ибо я отказывалась есть мясо, и потом была одновременно для них и мусульманкой, и сектанткой, и хиппи. А мальчик все ревел. Мы просили врачей перевести его к нам, когда было свободное место, чтобы хоть как-то его успокоить, ну или хотя бы посидеть с ним в его боксе, они наотрез отказывались. А он там был один. Через щель между стеклами мы с ним разговаривали, он на время успокаивался. Ему страшно было очень, он не понимал, где находится, и что происходит, все звал маму.

Два дня прошли относительно спокойно, хотя было ясно, что бежать надо. Не мне (у меня документы были все внизу, без них я не могла уехать), но большинству. Большинство ждал приют и прочие неприятности. Из уст в уста передавались истории о том, кто и как бежал уже их этой больницы и чем это грозило, а так же истории о том, каково это жить в детдоме, да и вообще, много говорили о том, как это оказаться без родителей и переходить практически в собственность государства, ко-

торому до тебя, понятно, дела нет никакого. Итак, начали думать, как и что. Мой план был самым, кажется, грандиозным, и на удивление встретил бурную поддержку. В основе его лежала простая идея — нас больше. Всего и мальчиков и девочек было 50 человек на две медсестры и двух охранников. Четыре человека из одного бокса могли улучить момент, когда охранники оба внизу, когда дают ужин или обед и дверь открыта, выйти, затолкать персонал в тот же самый бокс, закрыть на засов, и открыть всем остальным. Толпу же в 50 человек два охранника сдержать не смогли бы, и огромный полюс — можно было забрать внизу вещи и документы. Возможно, слишком утопично, но если бы получилось, шуму мы наделали бы много. Многие согласились, но нагрянули выходные, и вместо 50 нас осталось человек 15. Это все кажется глупым и смешным, но подобные разговоры, рассуждения о том, как это было бы весело и здорово, было тем немногим, что разряжало вечно гнетущую обстановку. Каждый ведь понимал, что он попал, что он на данный момент никто и прав у него нет никаких, решетки на окнах злили и давили с каждым днем все сильней.

Провал этой идеи, которой я малость гордилась, спровоцировал бурный выплеск энергии и эмоций, поэтому спустя мгновение, у меня в руках был кусок той металлической полосы, которой были обиты окна. Стоит обмолвиться, что нам не давали ни ножей, ни вилок, ели мы исключительно ложками, который выдавались по счету, и присвоить себе столь полезный в быту предмет было невозможно, то же касалось ручек и карандашей, которых нам вообще в руки не давали. Железку эту всю ночь затачивали о бетонный пол, разворотили половину шурупов за две ночи, которыми окна были прибиты. Решетка держалась на одной лишь проволке, второй этаж был не такой высокий, простыни мы давно уже разорвали и связали, забор отделявший больницу от внешнего мира, преодолеть тоже не составляло особого труда. Единственным препятствием были приколоченные насмерть окна. Бонус — нельзя



было шуметь, и магический срок 7 суток истекал. Поняли, что все открутить не успеем. За последние два-три дня вообще было много попыток убежать, перепробовано было немало способов. Не успели. Мне повезло — я уехала домой, в последний момент меня все-таки успели забрать, а что стало с остальными, я не знаю, их не ждало ничего хорошего, последний шанс убежать — когда тебя сажают в машину чтобы везти в приют, либо выпрыгнуть из этой же машины на ходу. Мы друг другу за эти пару дней как родные стали, поддерживали друг друга, обменялись всеми телефонами, чтобы тот, кто выберется раньше остальных, обзванивал эти номера и пытался вытащить оставшихся. И ведь дозванивались, помогали всем, чем могли. Вот вам и солидарность.

Когда забирала документы свои, мне дали справку о том, что я прошла курс лечения от ОРВИ. И все, никакого упоминания милиции и всего прочего.

Фраза, врезалась в память надолго, думаю: «Кристин, ты чего у окна весь день стоишь?» «Я хочу быть хоть как-то поближе к дому».

В каких-то 20 метрах от нас ходили люди с работы, на работу, просто так, с колясками, собак выгуливали. А мы липли к окну, завидовали им. Они же нас не замечали.

Эпилог. С отцом в машине по дороге домой:

- Выводы сделала?

- Да.

- Правильно, не нужно больше мотаться в другие города и со своими анархистами там тусить.

- Нет, другие выводы.

- Какие же?

- Что от свиней надо бегать, и что никому нельзя верить.

Маша Иванова

Школа рабства и послушания

Ключ к загадке души современного человека, или как вырастить конформиста

Государство всеми силами пытается испортить жизнь людей - это факт. Мусора, армия, чиновники, патриотическая пропаганда, поп-культура, единороссы, нефтедобыча, 282-я статья - это все как щупальца огромного монстра, который опутал всех россиян и тянет из них жизненные силы. При этом государственная машина весьма тупа - она, как любой примитивный организм озадачена лишь насыщением своих органов, не заботясь о том, что душит и уничтожает население, которое по сути и дает жизнь этому монстру. Опутанные щупальцами, россияне мрут в муках сотнями тысяч ежегодно, но делают это тихо и сосредоточенно, не высказывая почти никакого протеста (анархов сейчас я не считаю, так как их

в общей массе крайне мало). Может возникнуть резонный вопрос: почему так? Причины разными людьми называются разные - начиная от власти капитала и заканчивая происками «жидовствующих». По моему же мнению, одна из причин безропотности российского человека кроется совсем в другой области - в системе российского образования, которое из всех «щупалец» государственного организма является самым незаметным в политической жизни, но при этом и самым опасным. Об этом и пойдет речь.

ЧЕМУ НА САМОМ ДЕЛЕ УЧАТ В ШКОЛЕ?

С начальной школы любой ребенок слышит в свой адрес высказывания туповатой учительницы: «Миша, отвечай давай, а то поставлю двойку в дневник». Учительницу совершенно не волнует, что для Миши это, возможно, новый и сложный материал, и он не может ответить сразу, а, может быть, просто не готов сегодня из-за проблем дома. Все, что остается Мише — смотреть в пол, изображать из себя виноватого и клянчить всеми способами «ну хотя бы троечку». Уже к окончанию начальной школы в ребенке формируется тончайшее свойство характера: пресмыкаться перед старшими и потакать учителю, что в дальнейшем окажется незаменимым навыком при общении с начальством. Но это лишь начальная стадия формирования личности. Дальше идут классы постарше. Начинаются уроки литературы, где школьников учат писать «свои мысли» в сочинениях. При этом чем сильнее эти мысли отличаются от мыслей, прописанных в учебнике, тем ниже будет отметка. Ну а если ученик по незнанию выскажет в сочинении что-нибудь совсем откровенно, то ему не миновать приглашения родителей к директору. Что бы он там себе не думал в действительности, но каждый двенадцатилетний шкет обязан показать свое лизоблюдское восхищение Пушкиным, Гоголем и Лермонтовым, даже если школьник вообще не понял, о чем эти ребята писали. Цель такого образования — научить ученика хвалить кого-то по команде, даже если этот кто-то совершенно омерзителен. Ведь понятно же, что каким бы гением ни был Гоголь, в 12 лет ожидать от ребенка искреннего восторга его творчеством, как минимум, нерационально. Значит, либо в Министерстве Образования сидят совсем невменяемые идиоты, либо это делается специально с целью подавления свободомыслия.

При ответе у доски ситуация примерно такая же: все тот же сдавленный командирскими комплексами учитель смотрит на любого ученика презрительно, требуя ответа под угрозой двойки. К этому моменту у учащихся уже начинают вырабатываться дополнительные «гражданские инстинкты»: если к тебе обращается старший по званию, то ты обязательно должен сказать что угодно, но обязательно сказать. Не важно, что ты даже не понимаешь о чем тебя спрашивают, главное хоть как-нибудь отмазаться, соврать, но во что бы то ни стало избежать командирского кнута. А дальше можно ничего не делать опять несколько месяцев, потому что, когда спросят за выполненную работу, можно снова что-нибудь придумать или наврать. Тоже полезный навык, который всем знаком из общения с начальством и чиновниками. И вот к моменту получения аттестата человек уже становится вполне полноценным гражданином Российской Федерации. Любой начальник, мент, прапорщик, просто чиновничье быдло, может совершенно без зазрения совести вытереть ноги о человека, и максимальной реакцией гражданина будут кухонные сплетни, а при открытом конфликте гражданин будет до последнего изображать из себя сожаление по поводу того, что не подготовился в этот раз к встрече с ментом, и стараться как можно более мягко задобрить зарвавшегося чиновника, суя ему взятки и тошнотворно лыбясь.

Однако обучение в школе не все проходят одинаково успешно, как известно. Есть такие, которые не научились качественно лизать жопы учительниц — это хулиганы-двоечники, отстающие неформалы и прочие «ненадежные элементы». Эти ребята ведут себя плохо, огрызаются, и поэтому система выбирает самый разумный путь — пихает их в самую вонючую шарагу или армию, чтобы в дальнейшем они пошли работать на самую низкооплачиваемую и неуважаемую работу, а то и вообще в МакДональдс.

Потому что, если системе образования не удалось сломить человека морально, надо сделать его тогда натуральным физическим рабом, который будет рад работать за пачку доширака, и просто побоится высунуться с протестом, боясь потерять последний кусок хлеба.

...И В ВУЗЕ

Тем же, кто курс обучения в школе прошел успешно, система образования дает шанс продолжать учиться, чтобы стать чиновниками. Их берут в институт — это уже образование совсем не шуточное. Если в школе учитель хотя бы пытался изображать из себя авторитета для детей и какое-то подобие интеллектуала, то институтский препод часто склонен к поведению прапора в армии. Такое явление как «завалить» на экзамене — в порядке вещей. Единственная цель этого «завала» — указать студенту на его место, втоптать в грязь, заставить ползать на коленях, умоляя поставить тройку и не отчислять. Нередки угрозы, вроде: «Если ты сейчас мне не ответишь, то можешь забирать документы и идти в армию». Правда, многие студенты переносят это стойко и грамотно умеют отмазаться от любых нападок преподавателя, так как уже получили необходимые навыки в школе: потупить глазки, поводить носком ботинка по полу и сочинить на ходу хоть какие-нибудь связные предложения — лишь бы он отстал и разрешил пересдать. Причем сам преподаватель все отлично понимает, но он вполне удовлетворен. Он видит покорность, ему приятно, что перед ним стелятся и хотят его ублажить за тройку.

Причем, если школьники еще как-то возмущаются действиями учителей, то в институте это возмущение уже проходит. Профессор-алкаш с сексуальными поползновениями в отношении студенток считается в порядке вещей. Преподаватель математики, заставляющий заучивать наизусть формулировки из лекций, и не признающий никаких других формулировок, даже из уважаемых учебников — тоже студента совершенно не смущает. Студенты не пишут жалоб, не устраивают забастовок — вообще ничего. Да, впрочем, что там забастовки! Если смотреть на школьника, то он пусть и не выскажет в лицо учителю все, что о нем думает, но хоть по крайней мере выйдет за двери класса и смачно промат ерится. Потом, когда встретит учительницу, конечно, снова будет выдавливать улыбку — лицемерие тоже полезный навык в России, которому учит школа. Студент же вполне уверен в правильности системы и в том, что образование именно так и должно строиться, и никак иначе.

Вообще студент — это уже полноценная академическая проститутка, готовая на все ради оценки. Он не способен возмущаться даже в кругу других студентов. Он примерно как «петух» на зоне. Его насилуют ежедневно и унижают, но он даже помыслить не может о том, чтобы выразить протест, лелея лишь мысль об освобождении. Точно так же и студент готов ежедневно терпеть беспредел и унижение, лишь бы получить диплом, ведь потом можно будет пойти на нормальную работу, например, тем же чиновником. Только вот, если тебя пять лет подряд ежедневно топчут ногами, то нормальным человеком со своей независимой точкой зрения и с минимальным чувством

достоинства ты уже никогда не станешь, так и прожив до старости рабом. Пусть даже и в должности чиновника, офисного планктона, либо какого-нибудь еще менеджера среднего звена. Рабскую психологию уже не исправить. Зато, когда институт будет закончен, этот идиот будет говорить на сборищах бывших одногруппников о том, что институт дал ему образование и научил думать головой. И совершенно не важно, что учился он на математика, а в результате продает телевизоры. Главное, что думать он научился, ага.

А потом проходит время, и вчерашние школьники уже сами ведут своих детей в первый класс. Но, если при Совке была пропаганда образования и научными достижениями гордились, то спустя поколения, прочувствовав на своей шкуре что такое школа и ВУЗ, молодые родители не особо-то стремятся внушать своим детям благоговение перед наукой и уважение к учителям. Сегодня любой дошкольник знает, что учителя могут быть идиотами, но с ними не надо спорить, и с каждым поколением такое отношение лишь укрепляется в обществе. В итоге с каждым годом ученики все меньше и меньше уважают образование, а учителя отвечают все более жесткими репрессиями. В СССР даже подумать было нельзя, чтобы учитель довел школьника до суицида. Сейчас такие новости уже появляются. Если тенденция сохранится, то лет через 10 это будет такой же нормой, как и мусорской беспредел. Совершенно точно вам говорю.

А причины такого положения просты: единственный нормальный путь для образования и творчества — это путь свободы. Свободного обсуждения, свободного высказывания смелых идей. О том, чтобы в российской школе высказать на уроке литературы смелую идею, даже подумать страшно — могут ведь и от занятий отлучить вообще. Или, например, попробуйте прочитать в книге математическое определение и предъявить его учителю. Двойка за это обеспечена. В таких условиях мозг человека совершенно не способен развиваться или вести исследовательскую деятельность. И пока ВУЗы зависят от государства, которое навязывает идиотскую программу, пока существуют дипломы и научные степени, пока существуют отметки, зачеты и экзамены в виде карательных мер (на осень/пересдавать/отчислить/пропустить) — ничего хорошего от российской системы образования ждать не приходится — это будут лишь фабрики по штампованию румяных дебилов без мозга.

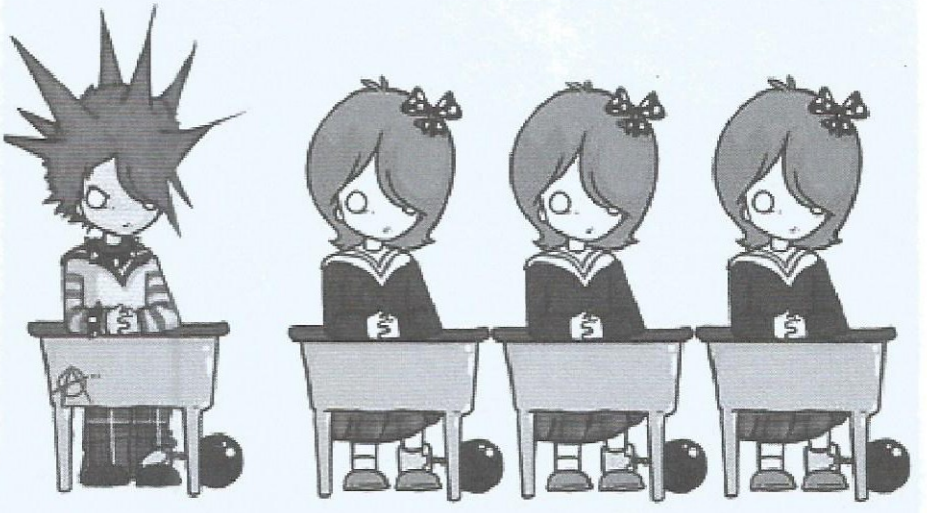
ЧТО ДЕЛАТЬ?

Россия — это, пожалуй, единственная страна (кроме Северной Кореи), которая в принципе не знает, что такое студенческие забастовки. Я не помню ни одного случая, чтобы российские студенты брали в руки транспаранты и срывали занятия, высказывая протест. У нас занятия срываются только для того, чтобы студенты от профкома поехали на какой-нибудь митинг ЕдРа, и пока эта ситуация не переломится, никаких надежд на изменение климата в стране быть вообще не может. Никакая агитация, никакие революции, никакая отставка Путина не исправит главной проблемы — рабской психологии русского человека, сформированной несколькими поколениями школьников и студентов. А пока это так, любое протестное движение обречено быть уделом небольшой группы людей, которые непонятно почему не стали такими же рабами, как все.

Как исправить эту ситуацию, я лично не знаю. Глядя на людей вокруг, я не могу ни за что уцепиться, чтобы поверить в возможность каких бы то ни было позитивных перемен. Тем не менее пытаться стоит, я считаю, как минимум, надо эти проблемы обсуждать и демонстрировать несогласие. По крайней мере будет совесть чиста. Ну и как бы там ни было, если все же затевать какие-то перемены, то затевать их нужно именно со студенческих движений против порядков в ВУЗах, так как именно в этих учреждениях вырастают люди, которым предстоит формировать общество будущего.

P.S. Я знаком с некоторым количеством замечательных ученых, очень умных студентов и прекрасных преподавателей. Конечно же, написанный мной текст не имеет к ним никакого отношения, и я не хочу задеть никого из тех, кто действительно пытается в меру возможностей честно учить школьников и студентов. Я не хочу, чтобы они принимали этот текст на свой счет — к ним я, напротив, питаю глубочайшее уважение, и хочется сказать им спасибо за то, что они делают, и за то, что встретились мне на пути. Вот только очень мало таких людей.

Тов. Хеллер



ДИСКУРС ГЛАМУРА КАК ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Тоталитаризм образа

В числе феноменов, наиболее концентрированно заполонивших сегодняшнее реальное, медийное, виртуальное и индивидуальное пространства — феномен «гламура» — понятия, так часто теперь употребляемого в повседневном языке, не сходящего с обложек журналов. Понятия с крайне неопределенным значением, но все же отсылающего к совокупности неких признаков, указывающих на особый способ восприятия окружающего мира и взаимодействия с ним.

Можно ли считать дискурс гламура влиятельной знаковой системой, или же, напротив, он представляет собой мимолетную иллюзию массовой культуры, случайное явление преходящего характера, никоим образом не вписанное в действительный механизм культуры и в общественное сознание?

В русском языке слово «гламур» является заимствованием из английского и французского языков и переводится как «волшебство», «чары», «роскошный», «шикарный». К «гламурным» обычно относят стандарты одежды и жизни, рекламируемые в «женских» и «мужских» глянцевых журналах. Сам факт русификации этого слова свидетельствует о появлении в мышлении новой категории (или целой системы категорий), прежде не существовавших именно в этой форме.

Спектр употребления этого странного словечка широк: от архитектуры, до политики; от живописи до экстремизма. При этом речь идет, что важно, не только о спросе на роскошь, но и о гламуризации исторических событий, литературных произведений, СМИ, насилия и наркомании, учебных процессов, курения и даже населения. Однако что подразумевает под собой слово «гламур», «гламуризация» в русском языке? К каким атрибутам и характеристикам оно отсылает?

НЕЕСТЕСТВЕННОСТЬ

Начнем с рассмотрения наиболее очевидной области проявления гламура — области эстетики. Метаморфозы в представлении о прекрасном, произошедшие за последние десятилетия на Западе и в России послужили фундаментом для формирования нового понимания красоты, ее предназначения, задач и смысла. И хотя элементы того, что сейчас принято вкладывать в понятие «гламур», существовали и во многих прежних эпохах, несомненной остается их принципиально новая интерпретация именно в современном обществе — интерпретация, прочно вошедшая в современную трактовку эстетического.

По вполне очевидным причинам, связанным со спецификой человеческого восприятия, **в наибольшей степени «гламуризации» подверглась сфера визуального: фотографии, архитектуры, живописи, костюма, кинематографа** и проч. Слово «гламур» синонимично слову «глянец», в связи с чем именно «глянцевость» становится присущей большинству картинок современной культуры как новый признак эстетического. Проявления «глянцевости» обнаруживают себя, в первую очередь, в подходе к человеческому лицу и телу, а именно в стремлении приблизить их к безупречному состоянию преодолённой природы — к образу, свойственному синтетическим материалам, для которых характерна идеальная гладкость, яркий цвет, способность блестеть, и тому подобное.

Биологическое и живое мимикрирует под синтетическое и искусственное: в фотографии и кино графические редакторы позволяют придать телу и лицу безупречно гладкие литые формы, схожие с формами, которые способен принимать лишь пластик — именно пластик диктует создание нового идеального лица, идеального тела, идеальной кожи, идеального цвета глаз и волос: по своему подобию. Максимальное соответствие свойственным ему формам и фактурам предстает в качестве канонического и становится заглавным мотивом в деятельности разрастающейся индустрии косметологии и пластической хирургии, что, в свою очередь, напрямую отсылает нас к очевидной экономической природе вопроса.

И в самом деле, для достижения этого идеала человеку необходимо неоднократно бегать к различным специалистам, покупать кучу всякого хлама, следовать целому ряду императивов, позиционирующих себя как гарантию успеха, счастья и красоты. Мы видим: приближение к идеальному облику представляет собой сложную систему дорогостоящих ритуалов, выполнение которых обещает человеку, что он непременно будет восприниматься как красивый, успешный, уважаемый — иными словами, нормальный, а потому будет иметь все шансы на успехи в карьере и личной жизни.

Такое положение вещей можно было бы счесть иллюзорным и объяснить субъективными заблуждениями тех, кто стремится ко всем этим идеалам, но такой взгляд едва ли выдержит серьёзную критику: гламурный образ в сознании большей части общества с недавних пор ассоциируется именно с нормальностью, а потому те, кто ему не соответствуют, будут скорее восприниматься как отклонения от нормы, и, следовательно, вызывать сомнения относительно своей ценности. В этом отношении шансы их на успех действительно могут снизиться: круг замыкается. Так, состязание в приближении к пластику уже само по себе выходит за рамки моды, которая всегда представляла собой лишь господствующие тенденции в области фасонов, форм одежды, цветов, причесок, но не более.

В этом заключается первый пункт преодоления гламуром

границ «просто моды»: если изначально кукла создавалась как отдаленное подобие человека, использовавшееся, например, в целях социализации ребенка, и лишь впоследствии обретшее относительное сходство с ним, будучи отображенной в фарфоре, а затем в пластике, то теперь происходит обратный процесс: идеальная пластиковая кукла становится эталоном для человека, который усердно работает над своим сходством с ней (и на свое сходство с ней), стремясь приблизиться к ее образу настолько, насколько это вообще возможно для живого существа.

Очевиден мотив этого стремления: желание быть «нормальным», пригодным для симпатии и восприятия другими — разделяющими эту норму. При этом, находясь в процессе беспрерывной и навязчивой, многообразной и повсеместной саморекламы, порой закрывающей собой целые фасады зданий в крупных городах, гламур с легкостью обеспечивает преобладание согласных с этой нормой над не согласными с ней при помощи несложных и очевидных психологических приемов внушения.

В архитектуре происходят аналогичные перемены: господство идеальных и безупречно искусственных и гладких поверхностей пластика, стекла и бетона вытесняет природную текстуру камня и дерева, а вместе с ними — и излишние декоративные элементы, неровности, все, что не оптимизирует темп жизнедеятельности человека, все, что отвлекает и задерживает на себе взгляд, способствует размышлениям, все, что не является стерильным и выходит за рамки минимально необходимого и идеально практичного.

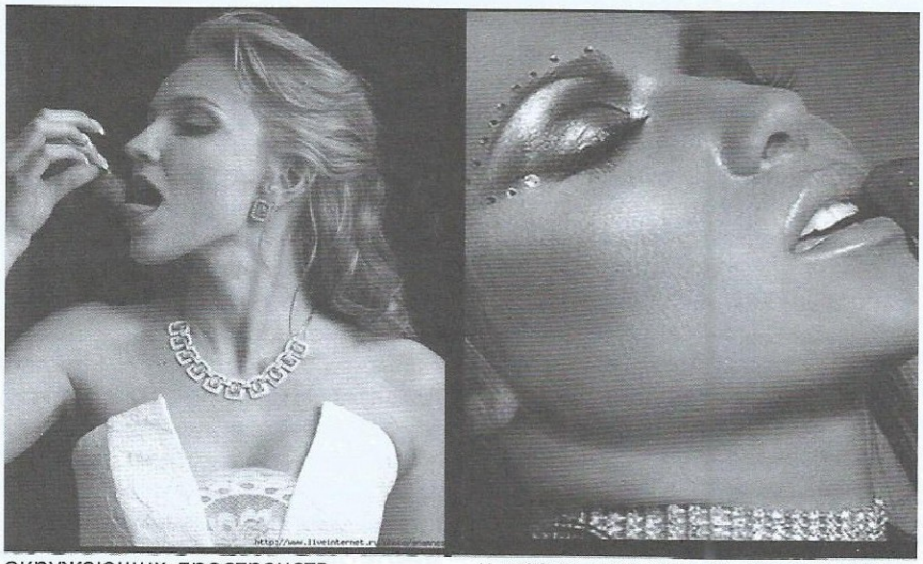
Так, значительная часть жилых зданий, учреждений и ставших столько многочисленными торговых комплексов уже на сегодняшний день как снаружи, так и изнутри гораздо больше напоминает макет или компьютерную графику, нежели пространство, в котором существует и жизнедеятельствует человек. И, несмотря на то, что эти тенденции изобретают себе названия наподобие направлений в искусстве — «минимализм», «хай-тек» и прочие — в действительности, они едва ли вызывают ассоциации с чем-то помимо изначального своего предназначения — служить пространством для беспрепятственного движения финансовых потоков, а также отдыха и бесхитростного досуга человека, деятельность которого заключена в том, чтобы обслуживать это движение, и едва ли могут служить еще каким-то задачам. Таким представляется единственный вывод, который можно сделать, проанализировав предметы и элементы новых помещений и специфику внешнего вида «гламурных» зданий.

Создание гламурной архитектуры не может не повлечь за собой формирования нового типа личности — с принципиально новыми качествами. И если гламурная эстетизация тела захватывает внутренний мир человека лишь в том смысле, что фокусирует его на этом единственном стремлении — соответствовать, отграничивая от многих прочих и отнимает колоссальное количество времени, сил и материальных средств, то гламуризация архитектуры с неизбежностью влияет на внутренний мир человека непосредственно: на ценности, представления, взгляды и на восприятие себя и окружающего мира в целом.

БЕЗЛИЧНОСТЬ

При этом, эстетические представления человека также деформируются — но уже не только относительно должного образа себя и других людей, а относительно должного образа внешнего мира и надлежащих способов бытия в нем. И этот универсальный для всех эпох механизм мог бы быть не так опасен, если бы не направляющие его в случае гламура безличные коммерческие доминанты — в качестве главных ценностей во главе его угла, в качестве анонимной власти, которая лишь в той мере заинтересована в человеке, в какой он является потребителем предлагаемых и навязанных ею благ, а значит — лишь в одной из частей человека, которую она готова беспрестанно стимулировать и охранять от других его сторон вплоть до их полной редукции к этой одной.

Одежда не в меньшей степени претерпела такие же изменения. На первый взгляд, в этих переменах сложно обнаружить что-либо, кроме обычных и издавна влиятельных тенденций моды: бутафорные элементы и нефункциональные детали давно уже никого не удивляют, как не удивляют и футуристические материалы, синтетические ткани и прочие продукты технологической эпохи, не несущие в себе никакой особенной смысловой подоплёки и ставшие привычными в повседневной жизни как естественный результат технического прогресса. Однако господство «химических» цветов с одной стороны, и странных тематических мотивов (об этом ниже) с другой, позволяет провести параллель с гламуризацией тела и



окружающих пространств.

Известно, что первые показы мод начали проводиться в конце XIX века. Пожалуй, именно с этого периода и следует отсчитывать историю зарождения, формирования и становления гламура в моде: **вышедший на первый план костюм, надетый на манекенщицу, затмил с неизбежностью ее собственный образ,** концентрируя всё внимание на себе, а на ней — лишь как на приложении к костюму, как на том необходимом, без чего он не может явить себя. Женщина, а впоследствии и мужчина — постепенно становились заложниками образов, и без их личности целостных и сконструированных в полной самодостаточности, от них же требующих лишь соответствующих жестов, движений, выражения лица, позы — для того, чтобы через все это мог предстать во всей своей законченности костюм.

Манекенщик все больше утрачивал свои отличия от манекена — за исключением, разумеется, возможности преподнесения одежды в движении. Костюм, надетый на манекенщика, как мы уже сказали, самодостаточен (в отличие от простой, обычной одежды), а человек лишь является способом его явления, используя скудный набор поз, жестов и выражений лица (никакому реальному состоянию, как правило, не соответствующие и, если приглядеться, выглядящие достаточно странно), то, воспроизводя подобный образ, люди воспроизводят и статус личности относительно костюма: второстепенный, необходимый лишь для того, чтобы этот костюм обыграть и мотивировать. За это костюм им даёт шанс на хорошую характеристику и право называться гламурным — нормальным.

Костюм в процессе гламуризации становится не просто тенденцией в одежде, но самодостаточным явлением, требующим в свою сторону разнообразных реверансов от того, на кого он надет, а именно: готовности исполнять некоторый набор движений, выражений лица и позы (отказавшись от собственных, присущих самому человеку), и, таким образом, полностью обслуживать созданный костюмом образ. Характерно, что этот образ вообще крайне редко вписывается в окружающую реальность, больше подходя для какой-нибудь студийной фотосъемки с ничего не означающими однотонными фонами, для пустых или наполненных такими же бутафорными «значимостями» пространств.

ПСЕВДОНОРМАЛЬНОСТЬ

Гламуризация костюма представляет собой не просто временно преобладающую тенденцию в области фасонов одежды, но сведение естественного для действительности поведения и самоощущения человека к обслуживанию созданного образа (зачастую нелепого, ни к чему реальному не относящегося) путем приведения себя в соответствие с ним (выражением лица и тела). И даже столь распространенное сегодня заигрывание с эстетикой других эпох («ретро», 50-х, 60-х, 80-х и проч.), которое, на первый взгляд, можно истолковать как поиск, как обращение к истории, в действительности представляет собой ни что иное, как реминисценцию опустошённых форм — форм, очищенных от культурно-исторических реалий эпохи, от ее эмоциональной специфики, атмосферы, от ментальной обстановки в обществе, и, тем самым, от причин и предпосылок формирования именно такого облика, именно таких форм одежды и обуви — форм, предлагаемых сегодня в застывшем виде для механического копирования по частям, освобожденного от представлений об их некогда реальном содержании.

В противовес этой линии гламуризации внешнего облика человека возникает другая линия, преподносящая себя как «антигламур». Основной ее спецификой является предложение цветов, форм, аксессуаров и фасонов, полностью противоположных общепринято гламурным, и в этом смысле «антигламур», несомненно, претендует на своего рода диссидентство, на то, чтобы вернуть человеку его утрачиваемую уникальность, личность, на то, чтобы быть средством, при помощи которого можно бросить вызов гламуризации и массовому потреблению гламура.

Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидной однородность антигламура и гламура, их глубинная взаимосвязь — не только на лексическом уровне: формирование «антигламурной» индустрии происходит по тому же сценарию, что и формирование гламурной, и впоследствии первая предлагает столь же ограниченный набор образов, выражений лица, поз, как и вторая, — но с противоположным знаком.

Эпатаж, свойственный антигламуру, в этой связи остается не более чем эпатажем формы, ее удовлетворенным любованием собой, идеей которого является якобы состоявшийся протест против массовой культуры и общепринятых представлений о красоте тела, одежды, архитектуры. Эта иллюзия на сегодняшний день пленяет всё большее количество людей, находящихся в процессе зачастую неосознанного самопоиска — как правило, молодых и очень молодых людей.

Впрочем, едва ли в ней возможно найти нечто большее, чем путаницу кричаще протестных и провокационных образов — лишённых, в действительности, содержания. В точности так же, как на форме и продуманных многочисленных

деталях внешнего образа концентрирует личность гламур, концентрирует ее на них и антигламур, превращая ношение одежды и элементов образа в ритуал.

Отличие заключено лишь в коннотациях: гламур заставляет стремиться к нормальности, столь желанной для большинства людей, антигламур преподносит себя как ненормальность, якобы гарантирующая уникальность личности. Именно отсюда берет свое начало столь распространенная на сегодняшний день, переходящая в культ «антигламурная мода» на патологии.

Но в обоих случаях неизменной является фиксация внутреннего мира человека на стремлении максимально точно соответствовать образам и эстетике одного из этих полюсов, называющих себя достаточными для того, чтобы быть жизненной позицией и способом самовыражения. Между тем, вариативность такого «творчества» состоит лишь в возможности комбинирования уже готовых образов (шаблонов), цветов и минимальных добавлений «от себя». Минимальных — потому как гламурная система неизменно замкнута и существенное отступление от ее рамок чревато выходом из нее.

КВАЗИИДЕЙНОСТЬ

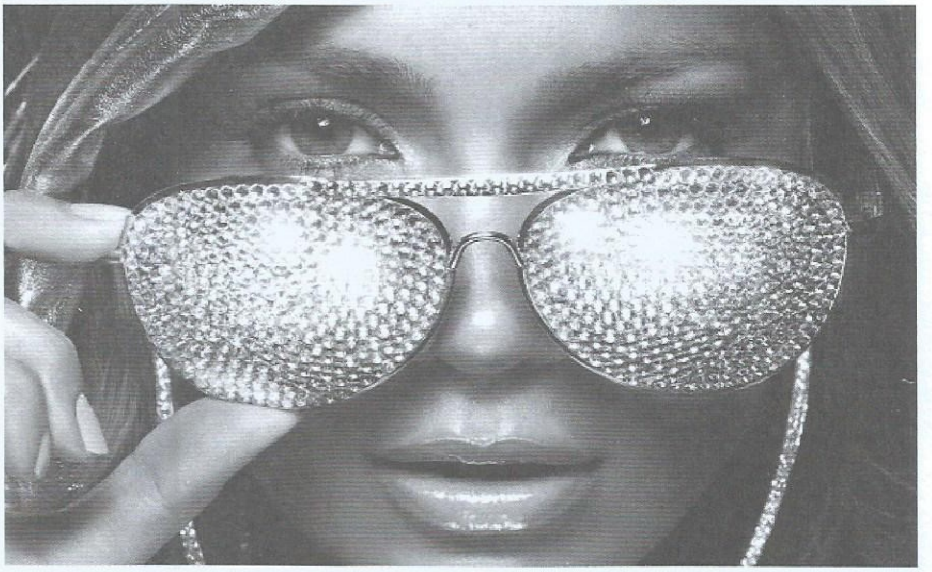
Однако наибольшую опасность представляет даже не столько эта в конечном итоге тоталитарная замкнутость повсеместно проникающих императивов гламура — антигламура, но свойство их выходить за рамки эстетики как таковой. Аналогичным образом обстоит дело и с гламуризацией идеологической тематики. Об этом свидетельствует появление такого понятия, как «гламурный фашизм». Гламуризация фашизма представляет собой точно такое же исчезновение содержания из формы: от фашизма остаются костюм, атрибутика, и некоторая степень агрессии, которой положено выражаться в лице и позе человека, демонстрирующего костюм. Образ становится как бы застывшим, потому как естественная динамика исчезает вместе с содержанием, обусловленным историческим сюжетом и культурным контекстом эпохи. Образ начинает любоваться собой, своей законченностью, имея в распоряжении лишь небольшой набор движений и мимических вариаций, предположительно имевших место в эпоху самого фашизма.

Схожим образом осуществляется гламуризация (и даже эротизация) коммунизма, терроризма, тоталитаризма, войны, полиции, оппозиции, революции. Особенно травматичной стала гламуризация антикапиталистической и антиглобалистской тематики: именно она — главное орудие дискредитации направлений, предположительно способных преодолеть диктат гламура, все с большей очевидностью предстающего в качестве продукта капитализма. Между тем, тиражирование портретов социалистов-революционеров на бутылках с кетчупом, джинсах и прочих предметах обихода — первый симптом дискредитации идей, направленных на преодоление дискредитирующего начала — гламура, а потому, в наибольшей степени для него уязвимых.

Кроме того, и в этой оппозиционной области начинается формирование индустрии специфической «атрибутики революционера» - явление, красноречиво обещающее скорую гибель оппозиционных капитализму содержаний, а значит, и стиранию оппозиции. Многообразная атрибутика создает все тот же законченный и «тематизированный» образ — гламурный образ. В длительном процессе приведения себя в соответствие с ним человек с неизбежностью фокусируется на собственном облике, что само по себе опасно для идейной заряженности направления, порывающего, казалось бы, с культом внешнего. Гламуризация оппозиционных капиталистической системе образов приводит, в конечном итоге, к характерной для гламура деградации содержания в пользу кристаллизации всего внешнего. Здесь, очевидно, срабатывает одно из значений самого слова «гламур» — «чары», то, что уводит от изначальной полноты смысла. А поскольку процесс этот в опасно существенной степени коснулся оппозиционных движений по всему миру, вопрос об их дальнейшей состоятельности остаётся открытым и не вызывает оптимистических прогнозов. Напротив, перспективы гламура в этой связи предстают в крайне благоприятном свете.

Выходит, гламуризация касается не только эстетики, не только внешних форм массовой культуры, но и областей идеологии. Однако что, в таком случае, служит основой самого гламура и его широкомасштабного дискурса? Все эти особенности, свидетельствующие об организованной функциональности гламура, указывают на его идеологическое (а отнюдь не случайное эстетическое) происхождение: основательное формирование нового типа человека — в самых фундаментальных областях его взаимодействия с миром — базовая задача гламура как знаковой системы. Так, гламуризация представляет собой не только существенный феномен современной реальности, но, в первую очередь, тактику самосохранения и самообслуживания капиталистической системы.

Никита Михалков



АРАБСКАЯ ВЕСНА

От буржуйской революции к буржуйской бойне

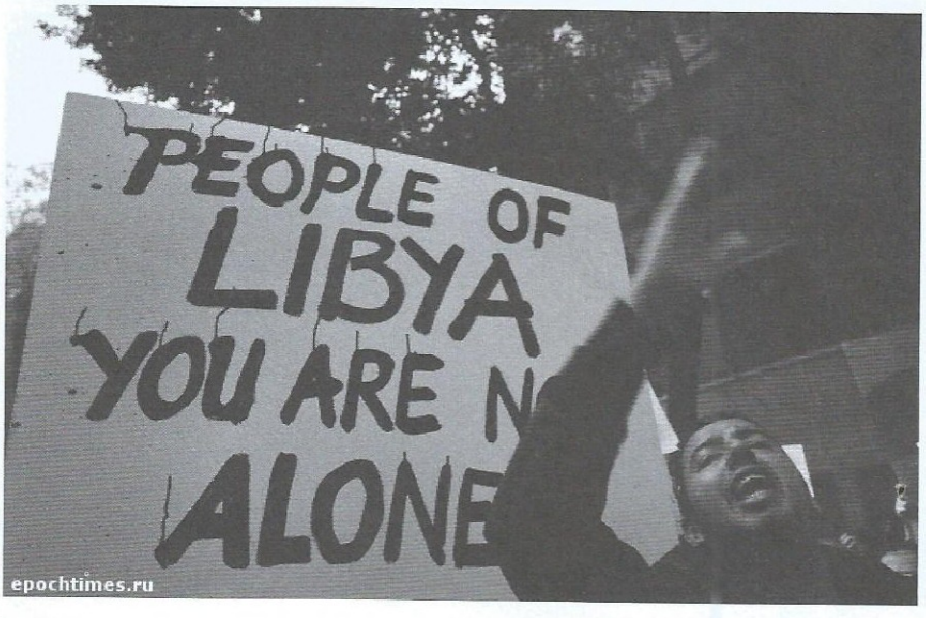
Весной 2011 года надежды и оптимизм революций арабского мира на наших глазах преобразовался в ливийское месилово, где обе стороны конфликта день за днем превосходят друг друга в мерзости и отвратительности. На расстрел безоружных демонстрантов сторонниками Каддафи повстранцы отвечают расстрелом безоружных гастарбайтеров, которые просто требовали, чтобы их отправили домой. Идет «соревнование», чей полицейский аппарат расстреляет больше «подозрительных», какая сторона сольет в интернет более отвратительные съемки с пытками. Меньше чем за полгода до этого, в ночь с 2 на 3 февраля, я не смог отвлечься от интернет-телевиденья «Аль Джазира», которое вещало прямо с площади Тахрир в Каире, где шли ожесточенные бои. Именно в эту ночь народ одержал победу над сторонниками власти.

Оставим морализм о «недостаточной радикальности событий» сектантам и обсудим, как мы, либертарные коммунисты, должны поступать в подобной ситуации. Ведь, на самом деле, у режима в России довольно много общего с авторитарными режимами арабских стран, гораздо больше, чем с государствами западной Европы. В Тунисе все началось с протестов против ментовского беспредела — вопрос, который в России уж совсем наболел. Фактически все восстания «развитых» или близких к ним стран последних 30 лет произошли именно под «демократическими» лозунгами. Эти революции можно разделить на три категории по признаку жесткости реакции власти на народный подъем:

1. Плавная передача власти, низкий уровень конфронтации — к этой категории относятся практически все «цветные» революции последних лет (кроме киргизской), события во время распада восточного блока, в том числе в России в августе 1991 года (кроме Румынии и Чечни).

2. Передача власти имела насильственный характер, но конфронтация была скорее между фракциями элиты, чем между государством и структурами народной самоорганизации. К этой категории относятся события в Румынии, Чечне и Киргизии, а также в Тунисе.

3. Конфронтация, в ходе которой государственные структуры полностью заменяются структурами народной самоорганизации. К этой категории относится только восстание против военной хунты в Южной Корее, в городе Кванджу, в мае 1980 года, которое было жестоко подавлено. События в Ливии относятся ко второй категории даже гораздо более явно, чем события в Тунисе. Однако до третьей категории далеко, и судя по всему, это во многом из-за резкости и стихийности событий и быстрого успеха восстания — многие государственные структуры просто перешли на сторону восстания нетронутыми. Мы всегда должны адекватно оценивать ситуацию: каков уровень легитимности власти, и какая степень изменения режима будет одобрена народом.



epochtimes.ru

Мы должны всегда быть чуть впереди «масс» в плане радикальности, но если мы убежим слишком далеко вперед, мы просто будем маргинализованы и сразу же уничтожены. Первое, что анархисты должны сделать в случае подобных волнений, это добавить к демократическим требованиям еще и социальные. Если демократические перемены могут оставить устройство общества фактически нетронутыми, то любые социальные требования всегда ему угрожают. Я с радостью читал об ужасе египетской элиты, когда нищие появились в их кварталах.

Но когда уровень конфронтации повысится, у нас будут шансы преобразовать теорию в практику. Речь идет именно о захвате ресурсов. И самые первые — это ресурсы коммуникации. Много говорят о твиттере, социальных сетях и интернете в целом, но это все фуфло — польза от них может быть только на самом начальном этапе, и, как показывает пример Египта, они могут быть быстро отключены.

Следует разработать другие, более децентрализованные системы цифровой передачи информации. Во время событий в Москве в 1993 году Фидонет играл большую роль в распространении информации о происходящем. Может, будет у него новая жизнь? В Египте стационарные телефоны вообще не отключили, возможно, каждый революционер должен задуматься о том, чтобы установить себе такой, со старым добрым dial-up, возможно даже BBS. Также следует задуматься о спутниковых телефонах — если не о покупке, то по крайнее мере о том, откуда можно такой стырить в случае необходимости. Интересные варианты доступа в мировую паутину предоставляет такой гаджет, как Kindle. Ну и в таких условиях, несомненно, будут возвращаться и бумажные медиа.

Следовательно, когда анархист устроится на работу в офис, он в первую очередь должен задуматься о том, как при необходимости оттуда можно вынести ксерокс. Покупка ризографа имеет смысл и в контрреволюционные времена, но во время восстания он становится вообще незаменимым. И еще должен быть план добычи огромного количества бумаги. Все эти средства коммуникации нужны не только для выдвижения именно анархических требований, но также для организации протестов в целом.

В случае массового подъема анархисты должны, в первую очередь, уходить от бессмысленных массовок, которые служат только

амбициям политиков на подиуме, и выдвигать идею организации на рабочих местах (если удастся, то заявить о всеобщей забастовке — идея, которая редко нравится политикам), у себя на районах или хотя бы на отдельных баррикадах. И структура подобной организации — всеобщий совет, который работает на принципах прямой демократии.

Но почему в Ливии все произошла иначе? Что же происходило в Ливии? Истинное народное восстание, или реализация давно запланированного заговора западного империализма? На самом деле, скорее всего, происходило совершенно обычное дело — кооптация народного протеста, и преобразование его в рознь между властными фракциями.

Когда сначала в Бенгази, а потом и в других городах массовые протесты вышли из-под контроля, и власть начала расстреливать народ, перед каждым полицейским и солдатом встал выбор — на чью сторону встать. Когда значительное число рядовых полицейсих и солдат перешло на сторону повстанцев, то за ними потянулись их командиры — дело дошло до министров и офицерского корпуса. Собственно они теперь и являются руководителями повстанцев, следовательно, никакие перемены производственных отношений нас не ожидают. И повстанцы-то машут флагами времен реакционной монархии.

Но также очевидно, что столь масштабный заговор, как нам его пытаются показать сторонники диктатора был бы невозможен. Эта война буржуйская, поскольку обе фракции капиталистические. Сам я согласен с Бакуниным, который писал, что даже самая гнилая республика всегда лучше, чем власть даже самого просвещенного автократа. Бредовые идеи современных «ультралевых» о том, что фашизм не хуже парламентского капитализма, мне даже лень комментировать. Следовательно, касательно событий в Тунисе и в Египте, мне очевидно, кого поддерживать.

Однако когда речь идет о кровопролитии в таких масштабах, как это сейчас происходит в Ливии, вопрос приобретает дополнительную сложность. Готов ли я убивать или умирать, чтобы заменить диктатора на какого-то бывшего министра внутренних дел, экономики или просто миллионера? Вряд ли. Я считаю, что анархическое движение должно участвовать в разборках между власть имущими, если это предоставляет нам значительные дивиденды. Так это было в Испании в 1936-ом году — когда анархисты выступали против попытки захвата власти фалангистами, что позволило им экспроприировать землю сторонников переворота и создавать коммуны на этих землях в Арагоне и в меньшей степени в других регионах.

Если бы анархисты просто сидели и «не вмешивались в разборки буржуев», то этого ценнейшего опыта просто не было бы. Это следует учитывать, несмотря на то, что участие анархистов в правительстве республики никак не почетно. В Ливии, однако, нет никакого анархического движения, которое могло бы получить подобные дивиденды от свержения Каддафи. Какие могут быть выводы от ливийского провала?

Во-первых, милитаризм и революция вещи несовместимые. В условиях современных военных технологий, энтузиазм народных масс может помогать против государственных армий в течение несколько дней, в лучшем случае, в течение нескольких недель, но ни в коем случае в течение нескольких месяцев. Время тачанок в прошлом. В течение последних 60 лет любые сражения партизан с регулярной армией вели к многократным потерям первых по сравнению с потерями вторых — как это было во Вьетнаме, в Афганистане в 1980 х годов и там же сегодня. Исключение — лишь Чеченская война, и исключительно из-за развала российской армии. И даже в Чечне регулярная армия в итоге одержала победу — сейчас взрывают и стреляют в основном в соседних с Чечней республиках. Мало вероятно, что революция будет совершенно не кровавой, но совершенно не реалистично ожидать, что сотни тысячи людей готовы жертвовать собой в длительных боях с технологически превосходящим противником. Следовательно, мы можем рассчитывать только на быструю победу — какими были победы в Тунисе и Египте.

Во-вторых, многие ультралевые марксисты и повстанческие анархисты испытывают иллюзии о «естественной» направленности любых восстаний против капитализма. И во время ливийских событий, самые различные либертарные группы успели совершенно некритично поддерживать повстанцев, и теперь они испытывают трудности объяснить, почему же все там преобразовалось в такой кал. Но, вопреки всех теорий ультралевых о латентном коммунизме масс, у революций не бывает никакого единого закономерного направления. То есть, при исчезновении власти в любом географическом пространстве, ее может заменить что угодно. И даже самые мелкие остатки любых альтернативных существующему строю идей, от монархизма и фашизма до либертарного коммунизма, сразу же начинают стремительно завоевать популярность. И побеждают идеи, у которых в самом начале были самые благополучные позиции, и последователи которых знали, как поступать.

Следовательно, если сражения между альтернативами не выигрывают либертарии, то побеждают монархисты, националисты и авторитарии, как это случилось в Ливии. И так может произойти вне зависимости от классового состава движения. Сейчас либертарии со скепсисом обсуждают «возможности революции» в течение нашей жизни, но на самом деле все может начаться хоть завтра. И если мы этот шанс пропускаем, то каждому из нас будет стыдно, что мы вообще родились.

Сахарный Холм

АНАРХИЯ В УНИВЕРСИТЕТАХ

Опыт украинского профсоюза «Прямое действие»

Недавно по Украине прокатилась волна студенческих демонстраций против коммерциализации образования. На улицы различных городов вышли около 20 000 студентов. И, немало важно, что одну из ключевых ролей в этих событиях сыграл либертарный профсоюз студентов "Прямое действие". Ниже "Автоном" публикует рассказ украинских товарищей об опыте студенческой борьбы, истории профсоюза, их методах и стратегии.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Честно говоря, когда мы задумывали создать студенческий профсоюз, то даже не особо представляли, чем придется заниматься. И уж тем более представить не могли, насколько бурные события ждут нас впереди. Мы просто знали, что классовая борьба — это круто.

В далеком 2007 году мы видели лишь гнилую действительность — импотентные профкомы, которые только и занимаются оформлением проездных или распространением флаеров на дискотеки. Студенческое самоуправление? О его существовании рядовые студенты даже не подозревали. А если и слыхали, то как о кружке бюрократов и карьеристов. Конечно же, просматривая новостные сюжеты о студенческих бунтах во Франции, приходило понимание: существующие профкомы никогда не выведут нас на улицы. Да о каких улицах могла идти речь? Персонажи из этих профкомов элементарно не вступятся за студента, если у того возникнут проблемы.

Вот так у нас — юных анархистов — и зародилась идея создать свою студенческую организацию. По-настоящему боевой профсоюз. Анархический синдикат, если угодно.

Над названием долго не раздумывали. "Прямое действие" — так называли себя наши предшественники. Дело в том, что в 90-х годах киевские анархисты уже пытались заниматься чем-то подобным: создали студенческий профсоюз, поднимали учащихся на борьбу, организовывали студенческие демонстрации. Они были первыми, а "Прямое действие" образца 2000-х стало, так сказать, "вторым поколением". Почти как у РАФ.

ПОЧЕМУ СИНДИКАТ?

"Фу, профсоюз. Это ж бюрократия: бумажки там всякие, печати, контакты с государством. Где здесь анархия?", - воротит носик прожженный уличный активист. И, на первый взгляд, он окажется прав. Да, наш профсоюз легализован государством. Да, у нас есь устав, печать и даже формальные руководящие органы. Впрочем, это еще не означает, что мы подали руку Левиафану. Быть может, кто-то удивится, но легальную основу имели едва ли не все значительные анархо-синдикаты — начиная от легендарной испанской CNT и заканчивая современной CGT, которая в наши дни ведет ожесточенные бои на улицах Парижа и Марселя.

Зачем, спрашивается, легальная основа? Увы, обычному студенту Политеха не интересны пламенные речи о либертарном коммунизме. В общаге протекает кран, в его тесной комнатушке живет десяток людей, на факультете дерут взятки, а осенью отправляют чистить улицы "за спасибо" — вот проблемы, с которыми студент живет ежедневно. И доказывать ему необходимость борьбы, нужно конкретными делами. В том числе "мелкими", рутинными делами: защитить общагу от уплотнения, не допустить повышения оплаты, вступиться за студента, которому грозит отчисление. Если показываешь пример, добиваешься побед, тогда люди будут готовы бороться дальше, в том числе и за новое общество.

Профсоюз — это борьба, непосредственно касающаяся студентов. Борьба прямо на их "рабочем месте". Это широчайшая возможность для пропаганды в стенах университета. Грешно упускать такую возможность.

И все же легальность. Она дает возможность закрепиться в университете. Теперь вы не пацаны с улицы, а конкретное студенческое объединение, с целым рядом прав, гарантированных тем же государством.

Можно ли без легальности обойтись? Возможно ли не прикасаться к прокаженному телу государства и юриспруденции? Возможно. Поднять студентов на бунт по какому-либо острому вопросу не так уж и сложно. Правда, после бунта студенты опять разойдутся по домам смотреть последний сезон Comedy Club. И что делать, когда стипендию выплачивают регулярно, а сантехнику уже поменяли? В такие моменты бунт невозможен, а движение как-то должно продолжаться. Задача же профсоюза — борьба в любой период — будь то спад или подъем движения, он продолжает действовать, постепенно продвигая свои окопы вперед. В этом его основное преимущество по сравнению со стихийным движением. В отличии от бунта, синдикат — это борьба на каждый

день. Та самая перманентная революция, о которой писал классик.

СОПРОТИВЛЕНИЕ

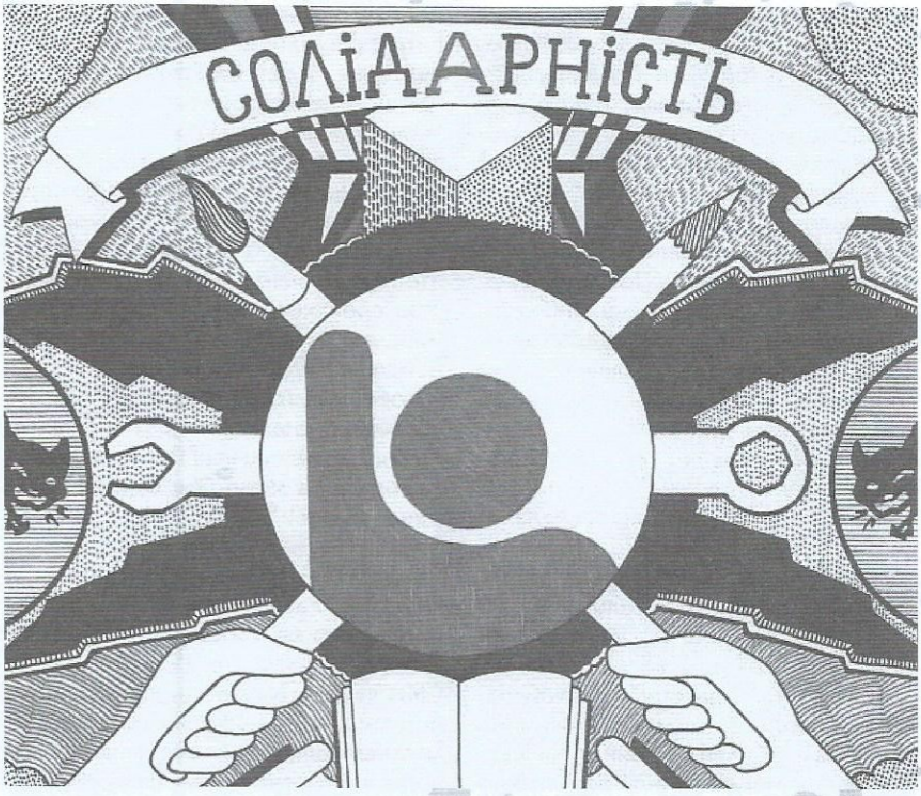
Первая акция "Прямого действия" состоялась на следующий же день после учредительного собрания профсоюза. Летом 2008-го мы вышли под стены Минобразования в знак солидарности с ровенскими студентами, которым повышали стоимость контракта. В это же время в Ровно студенты объявили голодовку. Совместными усилиями нам удалось преодолеть ректорат и добиться пересмотра решения. Стоит ли говорить, победа вдохновляла.

Дальше был выпуск стартового номера газеты. И первые репрессии со стороны Службы безопасности Украины...

Накануне летней сессии правительство разрешило вузам вводить целый ряд платных услуг: плату за спортзалы, интернет, библиотеки, пересдачи экзаменов. А лишать стипендии позволялось при наличии хотя бы одной тройки. Терять время было нельзя. Распространение листовок, проведение массовых встреч со студентами, оккупации аудиторий — вся эта нелегкая, и в чем-то рутинная работа принесла плоды. Совместно с ближайшими союзниками нам удалось поднять Всеукраинскую акцию протеста. Результат — убоявшись более массовых студенческих выступлений, кабмин на экстренном(!) заседании отменяет свое решение. Такого исхода не ожидали даже самые неисправимые оптимисты. Смогли, преодолели. Нагнули правительство! Это была первая крупная победа.

За последние два года можно вспоминать многочисленные пикеты, акции солидарности (в том числе и с российскими товарищами). Студенческий референдум в Киево-Могилянской академии. Борьбу против нового трудового кодекса, урезающего практически все права наемных работников. Кампанию против ментовского беспередела, вызванную убийством 19-летнего киевского студента.

Огромным опытом для нас стала забастовка студентов-художников в Институте им. Бойчука, где "Прямое действие" приняло активнейшее участие. Студенты желали добивались свержения ректора, который за год правления довел вуз до плачевного состояния. Нам приходилось организовывать многочисленные митинги около министерства образования, помогать контактами с прессой, поддерживать боевой дух протестующих. Пиком забастовки была резо-



нансная блокада института. Чтобы разогнать собравшихся студентов, руководство даже взывало наряд "Беркута" (украинский аналог ОМОНа). Но все завершилось более чем благополучно: требования студентов выполнили, ректор ушел в отставку. Опять победили!

Бывали нелегкие дни: на активистов профсоюза неоднократно нападали нацисты, а давление со стороны СБУ усиливалось с каждым месяцем. И если с террором нацпридурков мы жили уже не первый год, то откровенное запугивание спецслужб было в новинку. В ответ на давление нами была объявлена кампания за изгнание спецслужб из вузов. "Прямое действие" дало пресс-конференцию, в ходе которой все накопившиеся факты репрессий были преданы огласке.

Также мы призвали заграничных товарищей проявить солидарность с профсоюзом. И каково было наше удивление, когда со всего мира к нам посыпались письма поддержки, а в шести странах (включая Россию) состоялись акции солидарности. В конце мы пошли на беспрецедентный шаг, осмелившись устроить массовый пикет у стен серого здания СБУ. В итоге, руководство спецслужбы дало обещание больше не преследовать активистов. И вот уже полгода как давление прекратилось.

ВОНЙА ЗА ALMA MATER

Говоря о профсоюзной борьбе, нужно отличать две основные тактики: сопротивление в публичном пространстве и борьбу "на предприятии". Первая предполагает уличные выступления против каких-либо антисоциальных мер центральной государственной власти. Вторая — отпор непосредственно власти университетской. И если деятельность в публичном пространстве нам удавалась без особых проблем, то с борьбой в вузах все оказалось куда сложнее. Ведь именно здесь происходят наиболее острые классовые схватки.

В чем состоит главная сложность? Не секрет, что современные вузы невероятно закрыты и консервативны. Здесь все "чинно и благородно". Задача администрации — делать бизнес, задача студентов — ходить на пары и не мешать начальству получать прибыль. Соответственно, все университетские схемы заточены под этот механизм. Студсоветы проводят КВН, профкомы занимаются "одобрямсом", все довольны. И когда в дряхлый организм университета привносится некое инородное тело — к примеру, независимый профсоюз — руководство вуза приходит в бешенство.

Так произошло и в нашем случаи. Первым объектом для профсоюзной интервенции был выбран Киевский национальный университет им. Шевченко. Главный вуз страны, визитная карточка украинской системы образования. Здесь располагается самая сильная и наиболее массовая ячейка "Прямого действия". И вот пришло время заявить о своем существовании.

Конечно, мы знали: начальство

будет не в восторге от появления независимого профсоюза. Но даже помыслить о том, что "Прямому действию" открыто объявят войну — а это слово не раз звучало из уст проректоров и деканов — мы не могли.

Начинать деятельность с конфликта было нелогично. Это означало бы похоронить инициативу, так и не дав ей развиться. Поэтому сперва мы потребовали самый минимум, который полагается по закону каждому профсоюзу — помещение для собраний и агитационные стенды. Во всем этом нам отказали.

Дальше больше. На философском факультете мы открыли киноклуб, где показывали социально-критические фильмы. Не прошло и нескольких показов, как всех организаторов киноклуба стали таскать в деканат, запугивать и лишать помещения. "Анархисты создают ячейку на нашем факультете!" - сокрушались господа в кабинетах. Именно тогда нам объявили войну. На сессии наших людей валили под любым предлогом, а через месяц киноклуб и вовсе запретили.

Бороться "на предприятии" оказалось сложнее, чем нам казалось. Ведь, в отличии от массовых акций, твой классовый враг расположился не в далеком здании правительства, а здесь, в соседнем кабинете. Он с легкостью распоряжается судьбами студентов, вызывая "на ковер" или подписывая приказ об отчислении. И на протяжении всей учебы тебе приходится сталкиваться с ним в самых обычных учебных ситуациях. Это действительно сложно. Прежде всего психологически — учиться, пребывая в положении войны, означает находиться в постоянным стрессе.

К чему это все? А к тому, что борьба за право на собственное существование — стала одной из главных задач профсоюза. За право получить хотя бы то, что полагается студентам по законам. Право привносить альтернативу... Каждому анархисту известно: свобода не есть возможность выбирать из предоставляемых вариантов, свобода — это возможность быть субъектом, участвовать и самим менять действительность. Этого мы и пробуем добиваться, борясь за существование в вузах независимого профсоюза. Иными словами, речь идет о том самом автономном пространстве: быть ему в университете или нет.

В конце концов, не все так уж пессимистично. Даже в таком нелегком положении у профсоюза всегда есть свой козырь в рукаве — публичность. Именно публичности больше всего боится университетская власть. Порой деканы и ректоры любят называть себя "отцами", а студентов своими "детьми". И если администрация — отец, то это определенно отец-педофил, который время от времени насилует своих детей, а потом приговаривает: "Давайте никому об этом не скажем, это будет наша маленькая тайна". Так происходит регулярно. Например, летом 2010-го, когда "Прямое действие" помогало жителям одной из общаг того же Университета им. Шевченко бороться против "уплотнения" поселенцев. "Протестовать и выходить на митинги стыдно. Мы же одна семья..." - распинался перед студентами декан.

Ну уж нет, нужно рассказывать! Поэтому "да" публичности. Стоит выносить сор из избы. Стоит "портить имидж университета". Привлекать СМИ, давать пресс-конференции, писать статьи. Публичность пугает местных князьков, поскольку кресла под ними могут зашататься.

Когда мы стали действовать публично, администрация по-настоящему испугалась. Львиную долю посетителей профсоюзного сайта сейчас составляют чиновники вузов. Они — самые благодарные читатели, изучающие наши публикации с неподдельным интересом. В их кабинетах аккуратно сложены и подшиты все статьи об университете. Бывало, деканы собственноручно собирали профсоюзные листовки, разбросанные по факультету. Они боятся. Значит наша борьба на учебных местах дает результаты.

"ЗНАНИЯ НЕ НА ПРОДАЖУ!"

В 2010 году, с приходом новой власти, началось тотальное наступления на все социальные права. Рано или поздно это должно было коснуться и образования.

И вот, в конце августа правительство Николая Азарова принимает постановление о платных услугах в университетах. Да-да, такое же как и год назад принял Кабмин Тимошенко, и отмены которого нам удалось добиться. Правящий класс последователен. Какая бы группа буржуазии не находилась у власти, она все равно желает переложить образовательные расходы на плечи беднейших классов - студентов и их родителей. Словом, ничего нового, just capitalism.

"Прямое действие" вновь принялось готовить кампанию протеста. И неизвестно, что бы у нас вышло, если бы не одно событие. Еще до вступления постановления в силу, ректор одного из симферопольских вузов решил огласить новый прейскурант платных услуг. Доходило до абсурда: пересдача экзамена профессору оценивалась в 900 грн. (более $100). Это была их фатальная ошибка! Ведь именно здесь, в Таврическом национальном университете, действует мощная ячейка одной из леворадикальных организаций...

Уже через несколько дней полтысячи студентов — а это внушительное число для любого вуза — вышли на марш протеста. Репортажи на центральных телеканалах, комментарии аналитиков. "А ты слыхал про Симфер? Вот это круто!" - жадно обсуждают новости в университетских курилках по всей стране. Но при всем успехе крымской акции

все понимали: нужно что-то более масштабное. Дата назначена, 12 октября. В этот день должна пройти Всеукраинская акция протеста.

В нескольких центральных университетах "Прямое действие" объявляет публичные студенческие сходки. Администрации в панике. Студсоветы во всю пытаются отговорить учащихся от массовых собраний (к тому же нелегальных). Как это знакомо! Впрочем, остановить движение уже практически невозможно. Студенты сами начинают распространять информационный вирус об акции протеста.

В сложившейся ситуации запаниковала даже центральная государственная власть. Информация о приближающихся студенческих бунтах попадает на стол президенту. Понимая, что с обозленными студентами шутки плохи, Янукович вызывает к себе премьера, и приказывает ему отменить платные услуги. Азаров играет роль плохого ученика и повинуется. Делается все, чтобы студенты не вышли на улицы. Но, к счастью, попытки власти оказались тщетны.

И вот день акции. 15 городов по всей стране — от Луганска до Ужгорода — подключились к протесту. Наиболее массовое демо во Львове: 7 тысяч человек. В Харькове около 700, столько же в Житомире. Но главное — конечно же Киев. Здесь собралось больше тысячи недовольных студентов. Треть из них - студенты Киево-Могилянской академии, которая еще несколько лет назад слыла оплотом национализма. "Свобода! Равенство! Студенческая солидарнорсть!" - скандирует колона. Тем временем вспыхивают файера — все как во Франции.

Даже провокация двух десятков неонацистов, которые принесли на марш антисемитские плакаты про министра образования Табачника, не испортила погоды. В этот день и нацисты, и власть, и политические партии остались не у дел.

Апогей демонстрации — у подножья здания Кабинета министров. Такой масштабной и организованной колоны, заполонившей всю министерскую стоянку, здесь не видали давно. С нескрываемым удивлением чиновники высовываются из собственных окон, перешептываются, снимают демо на свои iPhone.

Несколько активистов взбираются на гранитный парапет кабмина, превратив его в импровизированную трибуну — подобного нахальства не ожидала даже милиция. "Миша, ну слезь. Ну, пожалуйста", — упрашивает активиста тучный подполковник. Другие полицаи пытаются хватать ребят за ноги и стянуть их вниз. "Подойдите ближе! Оттесните милицию!" — взывают в мегафон профсоюзники. Десятки студентов бросаются заграждать проход к парапету, и одинокие менты растворяются в толпе. Милиция бессильна. "Беркут" не рискуют вмешиваться, а некоторые сержанты из оцепления даже несмело аплодируют ораторам... Последний марш-бросок к Администрации президента. Отбросив всяческий страх, демонстранты перекрывают обе полосы улицы, движение заблокировано. На улице Банковой, где обитает президент, студенческие речевки отбиваются от стен, создавая потрясающий эффект. Еще десять минут, и студенты, полные оптимизма, расходятся по домам.

Результат акции — частичный пересмотр злосчастного постановления. Мы добивались большего, требовали полной его отмены. С юридической точки зрения, победа всего лишь частичная... Но важно другое: невиданная за все времена независимости мобилизация студентов. Их подъем на борьбу за свои классовые интересы. И, похоже, это только начало.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Вопреки "пророчествам" потсмодерных скептиков, синдикализм работает. И на вопрос "что делать?" мы отвечаем просто: создавать боевые независимые профсоюзы. Создавать синдикаты, построенные на горизонтальных принципах. Возможно, это именно та живая струя, которой не доставало украинским анархистам (да и левому движению в целом) за последние десять лет.

В отличии от многочисленных анархистских сект и тусовок, по-настоящему боевые и массовые синдикаты всегда становятся фактором реальной политики — власть попросту не может с ними не считаться. О их существовании знают, их бояться (взгляните хотя бы на Францию).

Пора понять: либертарное общество не возникнет в акте непорочного зачатия. И родится оно не из осколков дорогих витрин или запущенного в полицейский участок коктейля Молотова. Анархия создается здесь и сейчас — в студгородках и заводских цехах, в учебных аудиториях и рабочих столовых.

Поэтому, как бы банально не звучало, нужно идти к людям — проводить массовые сходки, распространять агитацию, объяснять, казалось бы, очевидные вещи, пробовать понять их. Нужно привлекать этих людей к борьбе за их же социальные интересы. И чтобы они остались в строю (всерьез, надолго) как раз и нужны синдикаты.

Провозглашая лозунг "революция — дело каждого", мы должны оглянуться по сторонам. Кто этот каждый? А это обычные люди. Обычные студенты, живущие в соседней общаге. Простые преподаватели, с их нищенской зарплатой. Представители нашего общего класса. Да, чтобы вырвать большинство этих людей из их комфортного мещанского мирка, придется приложить колоссальные усилия. Но без них, без их участия революция не состоится.

Андрей Саркози

ПОД СНОС

Варианты сопротивления антинародной застройке

Что общего у гаражного кооператива, сквера в глубине хрущевских дворов, садоводства и исторического здания в центре города? Кроме того, что все это является результатом труда многих людей, все они попадают в сферу интересов крупных компаний и купленных ими чиновников различного ранга. Любые нормы, как писанные (закон), так и неписанные (к примеру, необходимость сохранить гражданам пространство для жизни) зачастую ничего не значат для желающих набить свой карман потуже. Уплотнительная застройка, принудительная реставрация, снос собственности граждан давно стали в России нормой, с которой большинство, к сожалению, не готово бороться пока эта порочная практика не касается лично его. И тут в силу вступает очередной парадокс современного российского общества: непривыкшие к солидарности люди, раз за разом наступают на одни и те же грабли. Те, кого проблема уже касалась, не считают нужным передать свой опыт для последующих протестов, а те, кого еще не коснулась, не хотят видеть, что завтра могут прийти и к ним. Это позволяет конфликтам проходить по одному и тому же сценарию раз за разом. Как это приблизительно бывает?

Компания замечает лакомый для себя кусочек и начинает стараться заполучить его. При этом интересы других людей, заинтересованных в данном объекте, не учитываются. Правдами и неправдами компания скупает объект и начинает воплощать свои проекты, часто с нарушением закона. Другие заинтересованные лица (например, граждане), осознав угрозу собственности (личной или общественной), начинают формировать инициативную группу, которая приступает к действиям. Обычно начинают они с бумаги. Подают запросы, протесты, пишут письма, подают в суд. Когда это не срабатывает по причине того, что судьи в большинстве случаев выносят решения в пользу компаний, а письма и протесты остаются без ответа, жители начинают переходить к прямым действиям: сносу забора, блокаде техники и далее по списку. Тут в дело вступает либо охрана из ЧОПов, чаще всего действующая неудачно, или подкупленный начальник местного УВД или выше. Обычно активистам сначала удается одержать ряд незначительных побед, после которых атакующие берут паузу, чтобы либо ослабить бдительность и нанести внезапный удар, либо взять измором, что тоже отлично работает. Количество участвующих со стороны защиты падает, и компании удается осуществить первые шаги и укрепиться. После чего деморализованной группе уже редко удается чего-либо достичь. Объект обносится забором, выставляется круглосуточная охрана, и деморализованная группа зачастую распадается. Наиболее активные в ряде случаев переходят к мести в виде порчи строительной техники и прочего оборудования, что хоть и полезно в смысле нанесения убытков компании, но общей ситуации изменить уже не может. Конфликт проигран. Левые активисты, зачастую участвующие в этих конфликтах, к сожалению, не вносят в них никакой новизны и на прошлых ошибках не учатся.

Мы отнюдь не претендуем на знание уникального рецепта «как отстоять свое», но некоторые направления работы определить все же попробуем на примере положительного опыта предыдущих протестов.

- Бумажная работа. Как только оформилась инициативная группа, ей незамедлительно нужно связаться с юридически грамотными людьми. Сделать это можно через интернет, поискав информацию о предыдущих конфликтах и их участниках. В большинстве крупных городов число оных превышает сотни, а то и тысячи. Скорее всего, где-то есть люди, разбирающиеся в проблеме и готовые помочь. При помощи таких людей нужно найти максимальное количество нарушений и недостатков в работе компании. Подать иски в суд. Грубо говоря, иметь в запасе как можно больше бумаги, она может пригодиться.

- Работа с населением. Как только наметилась проблема, нужно попытаться втянуть в ее решение максимально возможное число сочувствующих людей. Обойти тех, кого это затронет, разъяснить им суть проблемы, возможные пути ее решения, привести положительные примеры того, как людям удалось отстоять свои права. Лучше всего начать со своих знакомых и через них все больше расширять круг заинтересованных, причем предпочтительнее использовать личные встречи, а не телефон (по телефону люди менее охотно воспринимают информацию). Чем больше людей вы заинтересуете, тем больше шанс на успешное прямое действие. Также имеет смысл связаться со всеми группами, уже работающими по данной проблеме у вас в регионе.

- Прямое действие. Его нужно начинать сразу, как только в распоряжении будет достаточное количество людей. Снос забора, препятствие проходу техники обычно хорошо работают. Главное, чтобы действие стало регулярным, а не разовым. Забор, к примеру, должен сноситься каждый раз, когда его вновь устанавливают. Тут надо быть готовым к активному противостоянию защитников интересов компании в лице ЧОПов или милиции, но обычно удается избежать серьезных проблем. Так же стоит сразу устроить несколько акций у офисов компаний и ведомств, ответственных за решения. Следует поднимать как можно больш

шума, используя интернет и СМИ.

- Работа со СМИ. Надо обязательно помнить, что компании и обслуживающая их администрация заинтересованы в том, чтобы как можно меньше информации о конфликте вышло за его пределы. Поэтому надо с самого начала попытаться заинтересовать средства массовой информации. Это могут быть местные СМИ, которым может быть интересен такой локальный конфликт, ведь зачастую у них не так много материала и, особенно при наличии красивой картинки, они с удовольствием осветят проблему. Не стоит также забывать и о «народных СМИ». В последнее время блоги стали очень сильным средством распространения информации, а социальные сети могут помочь в мобилизации.

- Нелегальное прямое действие. В том случае, если технике уже удалось начать свою работу, очень болезненной для компании является ее потеря. К примеру, несколько раз удавалось уничтожать экскаваторы и другую технику, стоящую не один миллион рублей, что для не очень крупной компании может оказаться серьезным ударом, а для некоторых и тем, после которого «встать» они уже в ближайшее время не смогут. Таким образом, несколько точечных ночных вылазок могут решить исход всего противостояния.

Безусловно, ситуации везде слишком разные: где-то компании платят ЧОПу, и милиция может не вмешиваться, где-то сразу вмешивается милиция, и тогда «стражи» просто задерживают активистов, но, повторюсь, даже в разных городах конфликты проходят на редкость одинаково. Учитывая предыдущий опыт и учась на ошибках других, мы сможем эффективнее противостоять власти и капиталу. Но главное, что хотелось бы подчеркнуть — не стоит надеяться только на себя, всегда и везде есть люди, готовые помочь, солидарность — наше главное оружие. Вместе мы сможем все!

Тов. Жуков

«ЛИБКОМ 2011» ЗАКУЛИСЬЕ

Записки либертарного завхоза

Здесь речь пойдет о том, что происходило после 52 секунд рекламного видео-ролика «Либкома». В лагере было много отдельных положительных моментов, но анализировать нужно весь проект. Бессмысленно из года в год проводить мероприятия и не учиться на своих ошибках. Этот развернутый отчет об ошибках и недостатках, поэтому вам может показаться, что все мероприятие было полным провалом. Нет. Недостатки описываются с той целью, чтобы в следующий раз у нас все получилось еще лучше. У самих организаторов «Либкома 2011» не стояла задача кому-то что-то доказать, заинтересовать и завербовать, цель была достаточно банальной — получение навыков организации подобных мероприятий на основе анархических принципов.

«Либком 2011» сильно отличался от «Либкома 2010». Определение данного мероприятия трудно сформулировать: форум, фестиваль контркультуры, шабаш, спортивный слет или еще что-нибудь. Но автор остановится на варианте лагерь «Либком 2011». Такая форма проведения мероприятия демонстрирует наш уровень самоорганизации, и это главное. Не наш уровень дискуссий, а именно нашу социальную способность к самоорганизации.

Стоит понимать, что если мы не можем обустроить быт лагеря так, чтобы было время нам всем между собой дискутировать, то это и есть насущная проблема анархического движения. Мы можем спорить и дискутировать из года в год, но это не продвинет движение вперед. Формат лагерей необходим, чтобы мы учились между собой взаимодействовать и самоорганизовываться без разделения труда и функционерства.

Организовывая мероприятие без посторонней помощи (и финансовой тоже), можно оценить, на каком мы уровне самообеспечения. Это хороший пример, воплощающий «ортодоксальный» анархический принцип преимущества коллективной деятельности. Чем меньше зависим от «третьих лиц», а больше от своих желаний, тем больше свободы действиям и дискуссиям.

Спортивная часть, это была в новинку, но важной и необходимой. Все же одно дело дискуссии, но мы не сможем бить противника диссертациями. Так что объединение в лагере физической и умственной деятельности было важным в преодолении разделения труда. Только спортивная часть и дискуссии не должны идти параллельно. Также стоит, мне кажется, спортивные мероприятия проводить как соревновательные, а не тренировочные.

Слеты необходимы разных форматов и в разное время, чтобы налаживать взаимные контакты, обмениваться мнениями или просто подпитываться зарядом социальной борьбы от тех, кто не отчаивается изо дня в день сражаться. Конечно, можно ездить по городам и налаживать дружеские отношения, но намного рациональней съезжаться периодически в одном месте.

Достоинством мероприятия было то, что в организационный коллектив мог войти любой, чья деятельность не противоречит анархическим принципам. Любой мог оказать посильную помощь, даже приехать заранее и помогать в разворачивании лагеря, так как людей для подготовки катастрофически не хватало.

Были предоставлены большие возможности для самостоятельного регулирования дискуссий, участники сами определяли их продолжительность, в зависимости от интереса к теме. Самостоятельность некоторым людям не нравилась, ведь все предыдущие анархо-мероприятия до этого регулировались и контролировались организаторами от и до. В этот раз некоторые темы организаторам казались неприоритетными, но на деле получилось, что большинству людей именно они и были важны.

Недостатком является отношение к организаторам. Их воспринимали как менеджеров, которые должны удовлетворить потребности участников или ими управлять. Организаторы — это временный коллектив, задача которого создать все условия для функционирования мероприятия. То есть они обеспечивают безопасность, продукты питания, прочие расходные материалы, но сам лагерь должен функционировать на основе самоорганизации участников. Человек должен помогать налаживать быт и стараться сделать его лучше там, где он считает необходимым или исправить причину дискомфорта.

Никому не мешали ставить палатки там, где была возвышенность и сухая земля, а не на низменности возле пруда. Никто не воспротивился бы, если бы обустроили нормально туалет, положили бревна, сделали настил. И так далее. Большинство вещей, которые считают за косяк организаторов, на деле просто результат безынициативности людей.

Но у организаторов, конечно, тоже были ошибки. Всем, кто проводит подобные мероприятия, нужно понимать — оно должно подготавливаться не менее полугода. Все должно быть точно и определенно. И тут в действительности всем большие извинения за то, что заранее не был разведан альтернативный маршрут от железнодорожной станции до места назначения. Тут надо было честно говорить, сколько идти и сколько будет перевалов. Но то, что до лагеря альтернативный маршрут составил три часа — это не проблема, а спортивная часть. ;-) Зато после такого марш-броска у людей отбилось желание шляться в город за алкоголем или еще за чем, подрывая безопасность и подставляя лагерь под угрозу срыва, а ведь виноватыми были бы тогда организаторы.

Была проблема с подвозом продуктов питания и необходимых вещей. И тут очередные извинения перед теми, кто нес продукты на своих плечах. С автомобилями на выходные дни не получилось, так что альтернативный вариант можно было продумать с использованием велосипедов: два-три велосипедиста перевезли бы все в несколько заходов, не вызвав подозрения у жителей. Была и нехватка некоторых вещей, например, тентов и топоров. Погода была благосклонна к анархическому мероприятию, тем самым все прошло благополучно.

УЧАСТИЕ

Стоит понимать, что ниже речь пойдет не о конкретных людях, а о наших взаимоотношениях. И все же те, кто не принял участие, пропустили мероприятие года, а те, кто приехал, приобрели намного больше опыта и представлений о насущных проблемах самоорганизации. Продолжу критиковать.

Первое — безответственность участников. Анкеты собираются не ради любви к бюрократизму или пересчету, а для того, чтобы иметь конкретное преставление, какими финансами мы будем обладать и на скольких людей закупать продукты и как организовать безопасное ме-

роприятие и так далее. То есть нужно подходить ответственно. С другой стороны, если участник заполнил анкету и не смог приехать, мог бы за день-два предупредить организаторов. Продукты были закуплены на столько людей, сколько заполнили анкеты, в результате продуктов было больше, чем необходимо. Половина взносов была потрачена на еду. Если бы заранее уведомили о том, что не приедут, то организаторы могли бы приобрести пару тентов, а не столько еды.

Второе — отсутствие самоорганизации. Все оставалось в рамках «организаторы устроят дискуссию, покормят и спать уложат». Вот вам и маленькое зачаточное государство. Причина в том, что многие стремились переложить функционирование лагеря на организаторов. То есть они предоставили другим людям распоряжаться расписанием быта в лагере.

Как выше было написано, люди вполне могли благоустроить лагерь так, как им хотелось. Вообще в таких мероприятиях стоит отходить от принципа разделения труда. Пока кто-то рубит дрова, готовит еду, другие чешут пузо и обсуждают как плоха эксплуатация. Подходя и спрашивая, например, когда будет готова еда и, если не успевают приготовить по расписанию, стоит задавать вопрос: «Чем я могу помочь, чтобы ускорить процесс?»

Общее собрание нужно не для того, чтобы распределять обязанности, а для того, чтобы обозначить направления деятельности и проблемы. То есть отправляться на поиск сухих дров (а не гнилых, которые плохо горят и тем самым дольше готовится еда), пока одни ищут и таскают дрова, другие могут тут же рубить и пилить. Чтобы не создавать столпотворение, понимая, что на дровах много людей, принять участие в нарезании овощей для готовки, или например, строить туалет. Каждый принимает участие там, где считает необходимым, создавая удобный и комфортный быт. И вставая утром, мы должны сделать все возможное, чтобы после завтрака спокойно могли побеседовать, перед обедом все подготовить, чтобы потом подискутировать. Не нравится или что-то не устраивает — исправь и сделай сам так, как считаешь нужным.

Инициатива была, но на очень низком уровне, и чаще всего ее проявляли те, кто уже имел опыт участия в подобных лагерях. И все же очень разочаровывает, что иногда приходилось призывать к помощи в контексте: «Нужно помыть котлы, а то останемся без обеда», «не будет дров, не будет ужина» и так далее.

Третье — пренебрежение культурой безопасности. Многие спрашивали, а зачем это нужно, кто за нами будет следить. Предполагалось, что семинар, который проводили товарищи из Белоруссии, это прояснит, но увы, не все поняли связь между семинаром и безопасностью, которую организовали в лагере. Сейчас за вами не следят, а когда будут следить, уже будет поздно, именно поэтому организаторы прививают культуру безопасности заранее. Возникла проблема с тем, зачем выключать телефон или вытаскивать батарею из него. Дело не в том, лишне или не лишне, может ли выключенный телефон сигнал подавать или только без аккумулятора он не работоспособен. По хорошему необходимо было, чтобы все оставили свои мобильники дома, в лесу они вам ни к чему, но так как это не было выполнено, то вытащить батарею не составит труда. Нужно понимать, вопрос состоял не в том, какой вред и опасность наносят технологии, а в общепринятой культуре безопасности. Если вам наплевать на свою безопасность, то другим нет, и извольте не подставлять товарищей. Четвертое — «зона деградации» необходима. То есть место где, предполагалось, будут вечером распивать алкогольные напитки. Из-за не хватки рук по обустройству лагеря, она не была реализована так, как планировалась, вдали от палаток, где люди спят. Зона демонстрирует, кто из нас кто. В лагере не был введен сухой закон, для того чтобы каждый участник мог себя проявит,ь и мы могли вполне оценит друг друга. Да и два часа езды от Москвы, три часа ходьбы до лагеря — кто захочет ехать туда пить, курить и куролесить?

ВОСПРОИЗВОДСТВО

Данный текст не ставит целью принизить анархическое мероприятие, или участников, или организаторов. Стоит понимать, что уровень дискуссий, которые из года в год проводят анархисты, не влияет на развитие анархического сообщества. Общество — это и есть функционирования людей в быту. Социально мы плохо способны взаимодействовать на принципах самоорганизации и коллективности. Мы продолжаем в своем быту и в своих мероприятиях воспроизводить общественные изъяны. Только тогда, когда анархисты смогут съехаться и временно, на определенной территории создать в анархическое сообщество, анархическое движение стартанет вперед. А так мы можем продолжать размышлять, дискутировать и спорить, но этим можно заниматься и 10, и 20, и 50 лет безрезультатно.

Что стоит сделать, чтобы такое не повторилось. Участникам разных регионов стоит проводить свои «лагеря анархии» в 10, 20 или 30 человек, звать на встречи активистов с соседних регионов. Это необходимо, чтобы каждый участник понимал, как функционирует лагерь. Ведь если 10-20 человек не могут самоорганизоваться, то что говорить, когда их соберется 115?

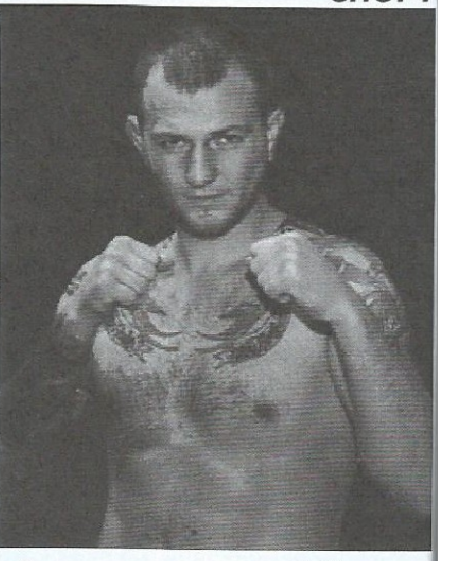
Разгильдяйство — это не поведение свободного человека, а людей, которые привыкли жить под кнутом хозяина. Реализовывать коллективную эффективность в своем быту. Ведь если мы будем скидываться, чтобы провести данное мероприятие, или товарищи помогут отправить на слет друга, то это наглядный пример людям того, как можно жить без государства и банка. Да и мы становимся менее уязвимыми. Ведь когда мы обеспечиваем себя сами, то тяжело нами манипулировать. Так что меньше грантов, больше взаимопомощи. И главное всегда задавайтесь вопросом: «Что вы можете сделать, чтобы жизнь стала лучше?!»

Надеюсь, увидимся в лагере «Анархия 2012» и совместно забьем первый гвоздь анархии. А проведение его зависит от вас и нашей общей готовности

Один из организаторов, участников и тусовщиков не то шабаша, не то форума «Либком 2011».

«ВЫСТУПАТЬ ПЛАНИРУЮ, ПОКА ХВАТИТ ЗДОРВЬЯ»

Хирург рассказал об антифашизме, околофутболе и миксфайте



Роман «Хирург» Мироненко, участник антирасистского суппорта ранее — ФК «Арсенал» (Киев), а теперь — ФК «Партизан» (Минск)(Бывшее «МТЗ -Рипо») выиграл турнир M1 Selection — Беларусь в 2010 году. И рассказал о себе «Автоному».

- Здорово. Прежде всего, позволь тебя поздравить с победой, это важный шаг для тебя лично и для всего антифашистского движения в целом.

- Спасибо. :)

- Расскажи немного о своей спортивной жизни, как начал заниматься, какими видами, чем занимаешься сейчас?

- В детстве занимался академической греблей, где неплохо физически окреп. Позже, в 11 классе пошел на вольную борьбу, прозанимался 6-7 лет. После переезда в Минск начал занимался тайским боксом и выступать в М-1. Сейчас намерен дальше выступать по ММА, поэтому совмещаю тренировки по тайскому боксу и боевому самбо.

- Почему ты решил выступать именно в ММА? - В борьбе я себя чувствую уверенно, а уровень ударной техники не такой хороший, как хотелось бы. ММА

— это вид спорта, в котором можно совмещать борьбу и ударную технику. Тут нужно подстраиваться под соперника и пытаться навязать ему «свою игру». Нравится, в общем, мне. :)

- Как ты в целом оцениваешь свою победу? Тяжело было?

- Как готовился, так и выступил. Старался, на тренировках выполнял все указания тренера. Финальный бой был самым тяжелым. Желания победить было много, но техники не хватало. Много пропускал, но в конце второго периода перевел бой в партер, там его и закончил.

- Ты планируешь продолжать бойцовскую карьеру и выступать в М-1?

- Выступать планирую, пока хватит здоровья.

- Я знаю, что ты не профессионал, то есть зарабатываешь на жизнь другим способом. Тяжело совмещать работу с тренировками?

- Для того чтоб кормить семью, приходится работать. Работа в офисе не так выматывает как физический труд, но усталость присутствует всегда. Работа забирает много времени, и получается тренироваться всего 1 раз в день. Для профессионального спорта этого не достаточно.

- Нет планов стать профессионалом, сделать бои и хобби, и работой? Или тут есть какой-то принцип?

- Если бы у меня была возможность зарабатывать боями хотя бы половину тех денег, которые я сейчас зарабатываю, я, скорее всего, с удовольствием бы сменил профессию. Но увы... Получать по 100 у.е. за бой, после которого 50 ты тратишь на восстановление, это смешно.

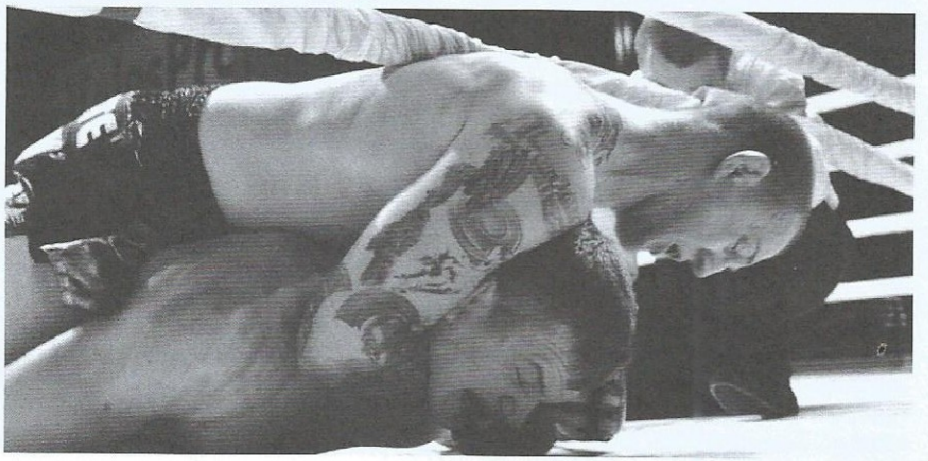
- Ты вегетарианец, это не мешает тебе заниматься спортом? Что ты в принципе можешь сказать людям, которые считают, что вегетарианство — помеха для спортсмена?

- Своим примером я опровергаю миф, что все вегетарианцы тощие слабаки. Мясо — для слабаков. Вегетарианство ни капли не мешает мне тренироваться и чувствую я себя гораздо лучше. 1 год был веганом, было сложно и пришлось перейти на вегетарианство. Я считаю веганов сильными людьми, но я против веганства во вред здоровью. У меня просто не хватало времени готовить себя здоровую, правильную еду. У нас в зале не только я не ем мяса, другие парни тоже показывают неплохой результат, являясь вегетарианцами.

- Ты стрейтэджер, расскажи, как ты пришел к этому и что для тебя лично значит быть sXe? - Занимаясь спортом еще со школы, я не пил и не курил лет 7-8. Не зная, что такое стрейтэйдж. Потом пару раз была трава и пиво. В один прекрасный момент я просто сел и задумался. Что оно мне дает? По сути ничего полезного. Ведь я обходился почти всю свою жизни и без этого яда. Я выбрал для себя такой путь и буду твердо стоять на своей позиции.

- Ты участвуешь в околофутбольной сцене Белоруссии, расскажи немного об этом. Почему ты решил вписаться в ОФ? Как это случилось? Ты считаешь антифа-ОФ важной частью движения?

- Вписался в ОФ я благодаря своему товарищу П-ху, потом было все остальное. Именно с ОФ я начал перевоплощение из пацана с района:) Антирасистский ОФ очень важен для СНГ. Нужно открыто противостоять правым ублюдкам как на стадионе так и за его пределами. У меня был разговор с одним парнем, которого не туда занесло: «Ты правый?» «Да». «А почему?» «Я же фанат». «И что?» «Ну



все фанаты правые, так принято». Так вот, своим примером мы показываем что расизму нет места как в жизни, так и на трибунах.

- Расскажи вкратце про самую веселую и запоминающуюся ОФ-мутку. - Веселые не припоминаются. Самая запоминающаяся это выезд во Львов.. Был хороший состав, и мы отлично угорели. Видео желающие смогут без проблем найти в интернете.

- Как сейчас обстоят дела с правым движением в Белоруссии? - Вся их активность сводится к околофутболу. В Беларуси нет «проблем» с иммигрантами. С кем они борются, я не знаю. Наверное, сами с собой. Среди них хватает и евреев и кавказцев, и они не чувствуют в этом ничего странного. :)

- После репрессий, связанных с последними выборами Лукашенко на пост президента, антифашистская активность не пошла на убыль?

- На убыль не пошла, но заставила много переосмыслить и сделать соответствующие выводы. - Какие, если не секрет?

- Доверяй единицам или вообще не доверяй не кому. Все обдумывай несколько раз.

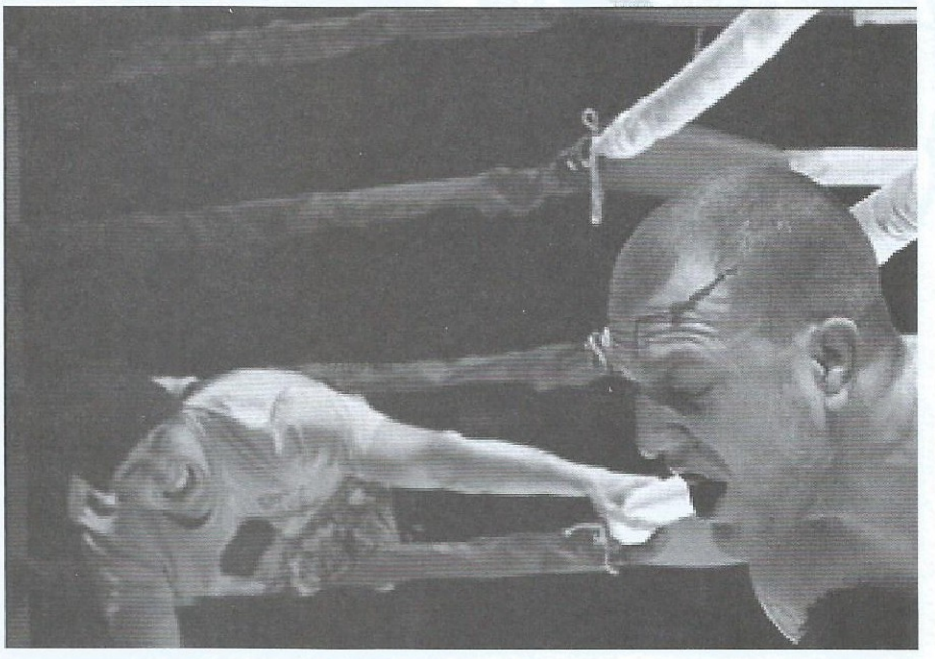
- Ты считаешь, занятия спортом важны для антифашистов? Существует мнение, что после появления ножей и пистолетов на улицах рукопашный бой потерял смысл.

- Не знаю как в России. В Беларуси и Украине занятия спортом очень важны. Оружие применяется крайне редко и это не может не радовать. Рано или поздно боевые навыки пригодятся в жизни, и если ты умеешь только стрелять, а травмата под рукой не будет, вряд ли ты защитишь себя и свою семью. Надоел стереотип худого антифашиста, который только и делает что бухает. Есть другая сторона медали — парни, которые работают часами в зале, не только для того, чтоб применять навыки на соревнованиях.

- Спасибо за интервью. Желаем тебе дальнейших побед на ринге и в жизни. Скажи что-нибудь бодренькое напоследок. :)

- Спасибо Вам за возможность донести пару строк до читателей. Занимайтесь спортом, ставьте перед собой цели. И если Вам это действительно нужно

Беседовал Тов.Жуков



НЕ СДАВАЙСЯ 3

Состоялся очередной турнир по миксфайту среди антирасистов

В этом году, совсем накануне международного дня солидарности трудящихся — 30 апреля — в Минске прошел уже третий по счету турнир по смешанным единоборствам среди антирасистов «Не сдавайся!». Первый турнир этой серии был организован в Москве и с тех пор стал регулярно собирать антирасистов из бывшего СНГ с целью популяризировать спорт среди нашей молодежи. Хочется отметить высокий уровень организации мероприятия. Начало взвешивания было назначено на 10 часов, и оно началось точно по графику (хотя даже на крупных соревнованиях задержки иногда бывают до нескольких часов). В итоге никакой суматохи. Все поединки проходили один за другим без сбоев и путаницы. Такому уровню организации может позавидовать даже сам «Отец Белорусской нации». ;) К сожалению, время турнира было выбрано не очень удачно, ведь многие потенциальные участники не смогли приехать из-за необходимости быть в своем городе 1 мая, в результате приехало всего лишь около дюжины бойцов из других стран, и турнир больше напоминал чемпионат между фирмами ФК «МТЗ-Рипо».

Порадовало отсутствие проблем с местными мусорами. Видимо, спорт все еще легален в РБ. Из-за четкой организации турнир закончился вовремя, и все участники успели поболеть за самый лучший белорусский футбольный клуб — МТЗ.

Всем известно, что младенцы в Дагестане рождаются в борцовском трико, ну а если говорить о Минске, то, конечно, в тайских шортах и прошедший турнир стал этому подтверждением: абсолютная гегемония ударной техники в стиле «рука-рука-лоукик» показала предпочтения большинства участников турнира. Видимо, по этому же почти никто не отказывался от использования шлема, ведь получить поставленный удар в лицо без него куда хуже, чем с ним, а вот бороться в шлеме — очень неудобно, что и показало обилие «мертвых» гильотин, одинаково бесполезных для атакующего и защищающегося, но высвободится из них было практически невозможно именно из-за шлема. Обилие ударной техники, как водится, порождает обилие травм, и несколько человек после турнира отправились в больницу. Надеемся, ненадолго. Бои проводили по системе «на вылет», два раунда по 2 минуты, в случае ничьи — третий дополнительный раунд длинной в минуту. Один судья на ринге и трое вне его. Система судейства, на мой взгляд, еще не отработана и на данный момент полностью зависит от мнения судьи, что иногда рождает споры. Но, как сказал один хороший человек, выигрывайте досрочно, и споров не будет. Участников на третьем турнире было больше, чем на предыдущих, и в некоторых категориях для занятия призового места нужны было выиграть три, а то и четыре боя. Тут уже нахаляву, «на дурака» не выиграешь, что говорит о все растущем уровне турнира. О том же говорит, на мой взгляд, и уровень мастерства бойцов. Выезжающих лишь на напоре и воле к победе становится все меньше, а подготовленных бойцов все больше, что не может не радовать. Молодые люди состязались в шести весовых категориях, девушки в одной абсолютной, где показали отличную подготовку, не уступающую по уровню парням.

В общем, хочется сказать спасибо организаторам, устроившим все на высоком уровне, бойцам которые участвовали в турнире, и зрителям пришедшим поддержать своих. Такие турниры очень полезны для антифашистского движения, так как кто бы ни победил, в итоге все равно побеждают антифашисты. Надеюсь, после этого турнира еще больше людей пойдет заниматься спортом, так как это необходимо для полноценного развития личности анархиста. Увидимся на «Не Сдавайся-4»!

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ММА (MIXED MARTIAL ARTS —СМЕШАННЫЕ БОЕВЫЕ ИСКУССТВА)

По наиболее распространенной версии, первым турниром по смешанным боям был греческий «панкратион», введенный в олимпийскую программу на 33-й олимпиаде в 648 году до н.э. Его правила были схожи с современными, однако бойцы иногда даже погибали во время схваток. Позднее «универсальные» единоборства существовали во многих странах, например, вале тудо в Бразилии, или джиу-джитсу в Японии, у каждого из них были свои особенности, но универсальность была присуща всем.

В нашей стране, как известно, лучшее достается всегда верным слугам государства, и универсальные боевые искусства не исключение, ведь до девяностых такие отечественные ММА, как боевое самбо и армейский рукопашный бой были доступны только силовым структурам. В настоящее время существует огромное количество универсальных стилей: укадо кудо, ушу-саньда и многие другие. В полноценное шоу ММА оформились в девяностые с появлением легендарного чемпионата UFC (Ultimate Fighting Championship).

Организаторам этого шоу показалась интересной идея свести на одном ринге бойцов двух различных стилей, чтобы выяснить наконец, «чье же кунг фу круче». Зрители с большим воодушевлением восприняли новинку, ведь во-первых, споры из серии «а кто победит, борец или боксер» велись всегда, а во-вторых, от этого зрелища веяло чем-то подпольно-запертным, нелегальными боями, как в голливудских боевиках, можно было почувствовать себя их героем. Железная клетка ставки, бойцы, бьющиеся до сдачи или нокаута (по крайней мере так казалось), что же еще нужно для успеха боевого шоу? Отличная забава для тех, кто вырос из реслинга и кому поднадоел бокс. После первого турнира UFC, планировавшегося, как разовое зрелище, организаторы, окрыленные его успехом, решили не останавливаться и продолжать начатое. ММА стал набирать популярность появилось много организаций

правила смягчились в угоду политикам, недовольным «чрезмерной» жестокостью UFC, и MMA окончательно окультурились, и, перестав шокировать обывателя, заняла место рядом с уже прижившимися спортивными гигантами. В России более-менее хорошо организованные турниры состоялись уже в новом веке, под эгидой организации М-1.

Если на первых турнирах UFC действительно сводили на ринге представителей совершенно разных стилей, то к настоящему моменту MMA оформилось уже как действительно некий «коктейль» из самых эффективных приемов различных стилей. Хороший боец должен быть развит во всех трех основных ипостасях. Ударной технике, борьбе в стойке, и борьбе в партере. Разумеется, свои «коронки» есть у всех, но сейчас сложно представить, что кто-либо сунется на MMA турнир без знания хотя бы основ всех трех направлений. Среди молодежи MMA пользуется особой популярностью из-за приближенности к реальной уличной драке: чувство готовности «надрать задницу», когда это будет необходимо, заставляет все больше и больше молодых людей уделять внимание MMA. Хотя, если задуматься, то в реальной уличной ситуации гораздо полезнее будет та же крав мага, в которой отсутствует спортивная составляющая и все внимание направленно на эффективную самооборону против одного или нескольких противников.

Особый успех MMA в России можно связать с именем многократного чемпиона нескольких федераций Федора Емельяненко. Ведь коллективная ответственность за его победы делится на всю великую нацию, не правда ли?:)

Вообще, с либертарной точки зрения UFC, М-1 и т.п. — такая же капиталистическая гадость, как Microsoft, «Топ-модель по-американски» или MTV. Но, как и в шоу-бизнесе, в миксфайте тоже нашлась своя Chumbawamba: Джефф Монсон, анархист и миксфайтер с мировым именем. Джефф согласился дать «Автоному» интервью, так что в следующем номере, надеемся, вы узнаете о «кровавом спорте», как говорится, изнутри.

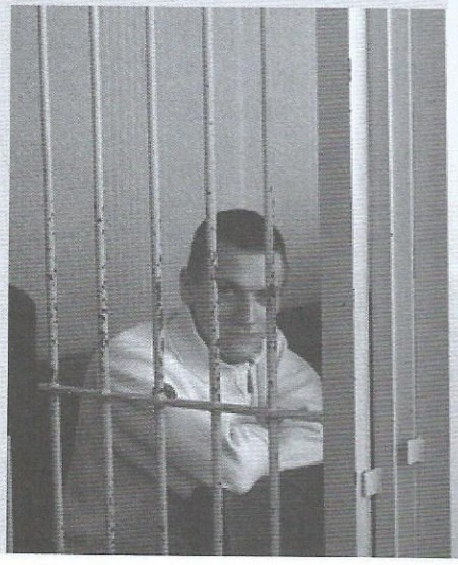
Тов. Жуков

ЧЁРНЫЙ

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ белорусских анархистов

Наверное, сложно найти на территории СНГ анархиста, который не знает о гнусных судилищах в Беларуси над местными либертариями, боровшимися против тиранического режима Лукашенко методами прямого действия. 15 мая троим пленникам (Евгению Васьковичу, Павлу Сыромолотову и Артему Прокопенко) судья Павел Каркинин вынес обвинительные приговоры — по 7 лет тюремного заключения за поджог здания бобруйского КГБ (белорусская «охранка», сохранив советское название, остается также верна своим сталинским традициям). 26 мая судья Жанна Хвойницкая также дала не менее изуверские сроки: Игорю Олиневичу — 8 лет, Николаю Дедку — 4,5 года, Александру Францкевичу — 3 года; некоторое снисхождение от карающего меча белорусской «законности» получили лишь активно раскаявшиеся (признавшие вину и настучавшие на товарищей) Максим Веткин (4 года в колонии-поселении) и Евгений Силивончик (1,5 года в колонии-поселении). Эти приговоры были вполне предсказуемыми, тем более, что Жанна Хвойницкая ещё до этого «отличилась» вынесением беспрецедентно жёстких приговоров представителям мирной либеральной оппозиции.

Одного из обвиняемых белорусские силы безопасности задержать так и не сумели, он вынужден скрываться, это Дмитрий Дубовский. Кроме того, несколько бывших товарищей обвиняемых под угрозами увольнений, отчислений и пыток — предали их, дав свидетельские показания. Отметим, что нет никаких сведений о том, чтобы к этим людям следователи применяли сколь бы то ни было жесткие насильственные меры. Пожалуй, имена предателей так же должны быть названы. Это Захар Конофальский, Юнес Акдиф, и еще ряд других, о которых пока мы имеем меньше информации. Как уже было сказано, к сожалению, со следствием активно сотрудничали двое осужденных: Максим Веткин и Евгений Силивончик.



Таким образом, не слишком многочисленное антиавторитарное движение Беларуси получило тяжелейший удар, лишившись значительной части своих активистов. Дальнейшая судьба движения в этой стране неясна. Движения в России и Украине, близкие белорусскому, в данный момент находятся на распутье — в состоянии поиска эффективных способов пропаганды и борьбы.

Корни сегодняшней ситуации лежат в том времени, когда участники белорусской ячейки «Автономного Действия» предприняли попытку сначала теоретически разработать, а затем и воплотить на практике новые для стран СНГ и, как они надеялись, более эффективные способы организации и методы борьбы. Мотивом их тактических поисков стало осознание бесперспективности прежнего активистского арсенала, ограниченного субкультурными мероприятиями, благотворительными акциями («Еда вместо бомб»), политизированными перформансами и силовым антифашизмом. Первым результатом этого поиска стал свод принципов так называемого «милитант анархизма», созданный на рубеже 2007/200

КРЕСТ

РЕЗУЛЬТАТЫ

причины, выводы

годов. Его суть заключалась в создании активной и дисциплинированной организации, ведущей анархистскую пропаганду и борьбу на систематической основе, а не «по настроению», что являлось (да и является) характерным для большинства либертарных активистов СНГ.

Один из принципов милитант анархизма, впоследствии получивший широкое развитие, гласил: «Заниматься прямым действием, словом и силой противостоять врагам Анархии». Это подразумевало расширение сферы прямого действия (то есть действий, связанных с физическим противостоянием, либо ущербом собственности) за пределы антифашистской борьбы. Впервые (из известных автору случаев) данный принцип был реализован 5 декабря 2009 года, когда символической атаке (лампочки с краской и фаер) анархистов подверглось роскошное минское казино «Шангри Ла» – сияющий вертеп местного барства посреди нищей страны. Ещё раньше, в сентябре того же года, в Минске анархистами было организовано антимилитаристское шествие против российско-белорусских войсковых учений «Запад-2009». Тогда в сторону здания минского Генерального штаба из группы демонстрантов полетела самодельная дымовая шашка. С этих акций началась череда эпизодов нынешнего уголовного «дела анархистов» в белорусском суде. И именно с этих пор наиболее активная и организованная часть анархистов Беларуси стала рассматривать радикальные акции, в том числе и символические, как способ привлечь внимание своих соотечественников к социально-политическим проблемам и анархистским идеям, а также развеять миф о всесильности репрессивных органов государства. Впоследствии, некоторые из них указали, что недостаточная развитость коммуникации с остальным обществом стала одной из причин, по которым анархисты в итоге оказались один на один с репрессивной машиной, без какой бы то ни было заметной поддержки широких слоёв населения.

Отметим, что местное «Автономное действие» как организация не принимало участия в радикальных акциях, оказывая им информационную поддержку и используя их для ведения пропаганды. Впрочем, само по себе существование незарегистрированного политического объединения, согласно законам Беларуси, является уголовным преступлением. В июне 2010 года на базе местного отделения АД была создана новая группа – «Революционное действие». РД унаследовало прежние принципы: дисциплину, ориентацию на участие в «близких народу» социальных конфликтах, стремление сделать анархистскую пропаганду понятной и близкой широким массам белорусского общества, а также – поддержку акций прямого действия. В то же время члены группы приняли решение воздерживаться от личного участия в подобных акциях, поскольку это создавало серьезную опасность быстрого раскрытия и ареста анархо-радикалов. Параллельно с РД в те же месяцы организовалась и подпольная часть движения – в виде малых, но чётко организованных групп близких товарищей, ориентированных на радикальные акции против различных учреждений власти и капитала, в особенности, там, где возникали социальные конфликты.

Действия не заставили себя долго ждать: 9 марта 2010 года анархистами был атакован опорный пункт милиции в Солигорске (разбили окно, внутрь бросили фаер); в ночь на 1 мая 2010 года в Минске были подожжены Федерация профсоюзов Беларуси (за своё безучастное потакание эксплуатации трудящихся) и отделение «Беларусь Банка». В тот же день был взломан официальный сайт Новополоцка: вместо официозного контента, там появилось первомайское обращение анархистов. Несмотря на то, что подобные действия были для Беларуси нонсенсом и произвели весьма широкий резонанс, вплоть до начала осени репрессивные органы сохраняли видимость бездействия. Затем, 30 августа, последовала атака анархистов на посольство РФ в Минске в знак солидарности с репрессированными защитниками Химкинского леса. В результате атаки с применением коктейлей Молотова сгорел один из автомобилей дипломатического корпуса. На фоне обострившихся в тот

момент российско-белорусских отношений, нападение вызвало международный скандал. О совершении акции и ее целях заявила анархистская подпольная группа «Друзья свободы». Сразу после этого разразились доселе невиданные по масштабам репрессии против белорусских анархистов. 3 сентября было задержано семеро анархистов, пятерым из них в итоге так и не были предъявлены обвинения. Уже 6 сентября «Друзья свободы» вновь заявили о себе, атаковав изолятор «Окрестино», где содержали арестованных, и наглядно показав силовикам, что они задержали «не тех». Репрессии продолжились: оставшихся на свободе анархистов, их родных, близких и друзей допрашивали, а скрывшиеся Дмитрий Дубовский и Игорь Олиневич были объявлены в розыск.

Одновременно в белорусском и российском либертарном движении разгорелись острые распри. Одни обвиняли радикалов в подставе всех активистов и даже полицейском провокаторстве (позже выяснилось, что последние обвинения были голословны и не соответствовали действительности). Другие, напротив, резко защищали радикальные методы борьбы, и тех, кто их применил на практике, порой не допуская ни малейшей критики в их адрес... Спустя полтора месяца, в ночь с 16 на 17 октября в здание КГБ в Бобруйске было брошено несколько бутылок с зажигательной смесью... Репрессии продолжились, 4 ноября был схвачен Максим Веткин, предполагаемый участник «Друзей свободы»; по обвинению в поджоге КГБ задержаны ныне осуждённые Евгений Васькович, Павел Сыромолотов и Артём Прокопенко; 28 ноября, в нарушение всех процессуальных норм и российского законодательства, агенты белорусского КГБ похитили в Москве Игоря Олиневича и силой вывезли его в Минск.

Каким же образом стали возможными столь быстрые и точные удары жандармов по анархическому движению, которые за три месяца вывели из дела значительную часть его актива? Точный ответ на этот вопрос до сих пор неясен. Однако кое-что должно быть высказано уже сейчас. Первая мысль, которая может прийти в голову: люди преждевременно перешли к радикальным действиям, не имея никакой массовой поддержки, и поэтому быстро погорели. Для прямого действия слишком рано. Однако опровергается это столь же легко, сколь быстро эта мысль овладевает умами некоторых активистов, привыкших безопасно вариться в собственном соку — анархистской тусовке. Именно против такого инерционного активизма изначально и восстали те, кто теперь в бегах или за решеткой. На самом деле, анархистов постигли репрессии на много лет позже, чем белорусскую либеральную оппозицию. И только потому, что лишь в последние два-три года радикальные и дестабилизирующее авторитарное болото белорусской действительности действия, заставили власть впервые почувствовать «угрозу слева». Выбор простой: либо дальше подвизайся где-то глубоко в маргинальном гетто, либо готовься к репрессиям. Такова реальность любого государства, и заведомо утопичны надежды радикализировать народные массы, не прибегая при этом к радикальным действиям.

Соображение номер два: мы видим, что структура движения, разделенного на две части, подпольную и пропагандистскую, вовсе не является панацеей от репрессий. Идея такого «разделения труда» сейчас очень популярна в русскоязычном анархистском движении. Между тем, она приводит к нарастанию «специализации» активистов, появлению однобокости мышления и, в конечном итоге — углублению пропасти между различными частями движения. Идея о том, что участники пропагандистских, легальных акций и «радикалы» должны быть двумя не пересекающимися общностями, абсолютно нереалистична. Во-первых, только из среды «митинговых активистов» радикалы могут черпать себе пополнения. То есть по факту, «двух разных движений» все равно не получится... И уже не получилось. Вполне вероятно, что задержание многих активистов стало результатом деятельности ментовского стукача, который был внедрён в среду анархистов ещё до их функционального разделения, в результате чего последнее потеряло почти всякий смысл. Автор этих строк, разумеется, не отрицает тот очевидный факт

что наиболее «засвеченным» анархистам, например, организующим митинги или плотно занимающимся юридической поддержкой попавших в плен активистов, не стоит принимать участия в каких-либо экстремальных действиях.

Речь идет лишь о том, что разделение на «легалов» и «нелегалов» нельзя возводить в абсолют, поскольку ожидаемой безопасности оно, как мы видим на белорусском примере, все равно не приносит. Зато в ряде случаев оно может привести к изоляции и замыканию в гетто, еще более узком, чем нынешнее анархистское движение. На самом деле нередко можно найти способы совмещения тех или иных видов «подпольной» и «надпольной» деятельности.

Как бы то ни было, волна задержаний отчасти явилась следствием недостаточно ответственного отношения к конспирации. Судя по всему, сотрудники репрессивных органов на момент поджога посольства уже располагали информацией об участниках всех предыдущих акций прямого действия. Кроме стукачей, причиной утечки информации могли также послужить безразличие к анонимности в интернете, невнимание к камерам слежения и к безопасности внешнего вида (закрытые лица, неприметная, желательно, одноразовая одежда), а также недостаточная культура безопасности в межличностном общении. Однако, как и в случае с двухчастной структурой движения, серьезная проблема состоит в том, как освоить должную конспирацию, и при этом не оказаться в полной изоляции (что, в конечном итоге, неминуемо приведет к поражению)...

В то же время, как утверждают некоторые очевидцы событий из числа белорусских активистов, поначалу у репрессивных органов не было никаких доказательных зацепок и улик (ни вещественных, ни компьютерных). По этой версии, всех, кто был как-то засвечен как анархист взяли «скопом», и лишь затем, из-за предательства некоторых наиболее пугливых активистов, у ментов появились конкретные сведение и дальнейшие направления для разработки. Как бы то ни было, происшедшее в очередной раз ставит ребром ряд важных проблем. Как совместить координацию и автономность, конспирацию и открытость, пропаганду и прямое действие? На эти парадоксальные вопросы участникам либертарного движения еще только предстоит дать ответы. И ответы эти уж точно не должны быть тривиальными.

Итак, на долгие месяцы жизнь анархического движения Беларуси замерла: многие оказались в тюрьме, кто-то скрывается, третьи совершили предательство и оговорили своих товарищей, другие, испугавшись «неприятностей в жизни» и предпочтя личное спокойствие борьбе за свободу, также притихли. Тем не менее, борьба радикалов оказалась ненапрасной: акции прямого действия, предпринятые в 2009-2010 годах, в значительной степени достигли своих целей. Впервые, анархистское движение и анархистские идеи приковали к себе внимание значительной части населения Беларуси. Перестав быть маргинальным на информационном поле, движение получило возможность преодоления своего маргинального положения в обществе в целом.

Радикальный пример оказался заразительным — это доказали акция против КГБ и поджог в ночь на 16 мая 2011 года (за несколько дней до начала суда над анархистами) минского Дома Правосудия. Также еще до завершения репрессивной кампании властей, белорусские анархисты опубликовали брошюру «Анархия 21» , содержащую ряд предварительных выводов из сложившейся ситуации и с набросками возможных принципов функционирования радикальной анархистской группы с учётом прошлых ошибок. Белорусские анархисты не сдаются. Регулярно проводятся граффити-акции в поддержку арестованных друзей, ведётся пропаганда (1 мая 2011 года вышла анархистская газета «Наша Правда», также исправно работает основной рупор «Революционного действия» — сайт http://belarus.avtonom.org). Все это наглядно показывает, что Движение не сломлено. Сделав выводы из сурового опыта, оно имеет все шансы восстановить и преумножить свои силы. Борьба продолжается! Тиранам не спать спокойно!

Сергей Антрополог

МАМОЙ ПОЛИТЗЕКА БЫТЬ ПЛОХО

Интервью с матерью Игоря, Валентиной Олиневич, записано в апреле.

- Что Вы думаете про политическую ситуацию в Беларуси, про настроения в белорусском обществе? Почему так устойчив режим Лукашенко? Многие ли действительно считают, что Лукашенко это лучший вариант для Беларуси, или люди просто не верят в возможность что-то изменить? Благополучна ли Беларусь в социальном плане - ведь это основной аргумент Лукашенко в пользу достоинств его правления? До какой степени в стране есть свободы высказывания и действия?

- Про политическую ситуацию говорить не буду - за это можно срок получить у нас теперь. Даже, если ты - пенсионер. Режим потому и устойчив, что он - режим. Никто уже ни в какой лучший вариант не верит. Всему свое время. Беларусь всегда была благополучна в социальном плане. Но это благодаря трудолюбивому белорусскому народу, а не его правителям. Свободы высказывания, а тем более действия нет никакой. Настроения в белорусском обществе самые пессимистичные.

- Чем занимался Игорь и его друзья в социально-политической сфере? Что он за человек, где учился, работал, чем увлекался? Как пришел к анархистским взглядам? Какие самые яркие составляющие в его мировоззрении Вы можете отметить?

- Я не разделяла его увлечения анархизмом. Считала, что наше общество еще не доросло до восприятия различных философских течений. Иногда это становится опасным (как и оказалось). Хотя, на мой взгляд марксизм оказался намного опаснее, чем анархизм и это подтвердила история. Но почему-то до сих пор никого не преследуют за приверженность марксизму и коммунизму. Насчет социально-политической деятельности Игоря и его друзей знаю только то, что никогда вреда обществу эта деятельность не приносила и принести не могла. Да, принимал участие в антивоенных демонстрациях, выступал против распространения ядерного оружия, выступал против нарушения прав трудящихся. Помню даже, он и его друзья сажали деревья на субботнике около детского онкологического центра, делали посадки елочек на лесосеках. Потом, он всегда утверждал, что в любой стране должно действовать гражданское общество, которое предполагает множество различных партий и групп. Ничего опасного в современном анархизме он не видел. Это - не террористы. Это - люди, которые просят государство вспомнить о своем народе и «не зарываться». Игорь всегда очень увлекался историей. В своем классе (он учился в 87 школе, которую закончил бывший ректор БГУ, а потом политический узник Козулин) его считали лучшим знатоком истории. В выпускном классе он написал научное исследование по жизни Нестора Махно. Закончил Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники. С 1 курса постоянно подрабатывал на стройках. Работал в частной компьютерной фирме, а затем в научно-производственном объединении «Пеленг». Знаю, что работа велась и над российско-белорусским спутником. Между прочим, когда его туда принимали, он проходил специальную проверку специальными органами, и все у него было в порядке. А ведь это было 1 год назад. Очень увлекался ролевыми играми. Особенно историческими. Несколько раз принимал участие в ролевых играх в России. Составляющие его мировоззрения: вера в справедливость; любовь к свободе; альтруизм; честность; неприятие фальши, лицемерия; ненависть к фашизму. Особо хочу отметить антифашизм. Дело в том, что прадеда Игоря, как агента польской дефензивы, расстреляли чекисты в 1937 году. Посмертно, как у нас водится, реабилитировали. Бабушка и дедушка прожили в оккупации всю войну. Бабушкину семью собирались сжечь немцы, но освободили партизаны, и она всю войну провела в партизанском отряде в 30 км от Минска. Не было более благодарного слушателя, чем Игорь. Он считал, что беседы с ними воспитали его как личность. Собирался писать о них книгу.

- Каково быть матерью политического заключенного в Беларуси? Как идет следствие, каковы условия содержания в СИЗО, что могут адвокаты сделать для своих подзащитных в Беларуси? Можно ли рассчитывать на общественную поддержку в таких делах? Как относятся Ваши коллеги, знакомые, друзья к уголовному делу в отношении Игоря?

- Матерью политического заключенного в Беларуси быть плохо. Самое страшное, что ты ничего не можешь сделать и ничего не можешь доказать. В средствах массовой информации идет разнузданная компания, где поливают грязью и чернят самого дорогого для тебя человека. Кстати, это касается не только Белоруссии. На Рен ТВ, телеканале России, тоже позволяются абсолютно непроверенные слухи и выражения типа «банда анархистов». Все это допускается перед судом и, естественно, оказывает серьезное давление на общественность и судейский корпус. Особенно это возмутительно в настоящий момент, после взрыва в метро. Сначала виновными пытаются выставить анархистов и прочих представителей молодежных движений, потом представителей оппозиции и обвинить их во всех проблемах государства. Но они же уже все в тюрьмах. Кто же дальше? Некоторые наивные обыватели не понимают, что следующими, скорее всего, будут они сами. Репрессивная машина только наби-

рает обороты! Каждые две недели собираем передачи и несем в СИЗО КГБ. Сразу было страшнее, ничего не знали. Полная неизвестность. Сидел в одиночке. Женщина в очереди подсказала, что обязательно нужно теплое одеяло, носки. Рыдала, когда вытягивала шнурки из байки и кроссовок. Неужели, думаю, это я и мой любимый образованный, самый лучший и дорогой мальчик. Каждое утро просыпалась и думала: «Это происходит не со мной. Не может быть, чтобы это было со мной и с моим ребенком».Потом я уже помогала другим, когда стали садить «декабристов». Если раньше я думала, что бывают «перегибы», то теперь, я считаю, что по крайней мере в СИЗО КГБ сидят одни невиновные. И не важно политические это или экономические. Всем тяжело. Наслушалась я за это время многое. В стране действует маховик репрессий ничем не уступающий 1937 году. Как идет следствие, нас никто не извещает. Вроде бы Игорь закончил ознакомление с делом. На свидании с отцом он сказал, что думал, что какое-то время его подержат, а потом выпустят за недостаточностью состава преступлений. Но не тут то было. Надо найти виновных. Не важно в чем. Мое мнение такое - эту молодежь используют в своих играх политические силы. Как? Ясно только им. Причем фабрикуются дела, как пирожки лепятся. Грустно то, что люди, которые ведут эти дела в правоохранительных органах, такие же молодые, но, на мой взгляд, готовые на все. Одни обыски чего стоили! Уже четверо адвокатов по надуманным обвинениям лишены лицензии на адвокатскую деятельность. Один из них, Павел Сапелко, защищал одного из фигурантов по этому делу, Сашу Францкевича. Что могут сделать адвокаты в Белоруссии для своих подзащитных? Этот вопрос, я думаю, лучше задать адвокатам. Наш адвокат - весьма уважаемый и грамотный юрист, но я уже убедилась, что наша страна - не правовая, три ветви власти в ней не функционируют, а четвертая - и подавно. Про условия содержания в СИЗО КГБ могу знать только из слов освобожденных. Полная изоляция. Пытки. Люди в черных масках. Адвокату попасть очень трудно. Почти невозможно. Книг и газет передавать нельзя. Нельзя передавать сало, сухофрукты, орехи, сыр, соки, печенье, шоколад и шоколадные конфеты, мед, пастилу, зефир, мармелад и т.д. Проще, наверное, написать, что можно передавать. С каждым месяцем этот список ужесточается. Первый раз от Игоря не было писем почти месяц в январе. Теперь такая же история. С 19 марта не было ни одного письма. Уже думаешь неизвестно что, голова взрывается от разных мыслей. На общественную поддержку рассчитывать нельзя, так как все гражданское общество пересадили в тюрьмы. Остальные уехали и попрятались кто куда. Общество видит, что любому человеку могут «пришить» любое преступление и стараются быть от этого подальше. Наверное, не все так ужасно, так как мои знакомые, друзья и в Белоруссии и за ее пределами очень хорошо понимают «особенности» нашего режима и не верят в виновность Игоря. К уголовному делу относятся с возмущением. И это меня очень поддерживает. Знаю примеры, когда люди вообще переставали общаться с семьями репрессированных. К сожалению, в нашей стране это становится традицией. Но в нашем случае никто от нас не отвернулся. Мы с мужем родились и выросли в Минске. Нашу семью знают только с хорошей стороны. Игорь вырос у всех на глазах и ничего, кроме любви и уважения, у нашего окружения он не вызывал и не вызывает. Всегда отдаст последнюю рубашку, всегда поможет страждущему, всегда защитит слабого и старого. Наша бабушка говорит, что вот...было одно дитя нормальное среди всех.. помогало нам во всем и то не известно где. Те, кто пытается его очернить, еще не понимают, что всякая заведомая ложь и клевета наказуема и рано или поздно повернется бумерангом к тем, кто ее распространяет.

- Что за странные съемки оказались в фильме «Анархия. Прямое действие», на которых Игорь вроде бы выступает в роли лидера националистов? Что Вы думаете об этом фильме в целом и о действиях властей по формированию общественного мнения в отношении анархистов и непосредственно дела Игоря? Если я правильно поняла главную пропагандистскую линию фильма, то анархистов в нем обвиняют в пренебрежительном отношении к безопасности обычных людей (хотя этому противоречит тот факт, что в ходе семи акций не пострадал ни один человек). Кроме того, значительная часть посвящена истории группы из Бобруйска. Как Вы можете это прокомментировать?

- Я думаю, что не только съемки странные, весь фильм странный. Но это не первый такой фильм. Говорят, про «Молодой фронт» и «Железом по стеклу» были еще более странные Не знаю, не смотрела. Я - не любитель чернухи. Мои знакомые тоже не смотрели. Вообще-то мы хотели посмотреть, но пришли милиционеры очередной раз арестовывать

Игоря, поэтому сорвали просмотр. Наверное, план у них по арестам и задержаниям не выполнен, что они по второму разу идут. Но нам все же удалось скачать его из Интернета. В целом, я думаю, что в любой цивилизованной стране за такой фильм его создателей надо было судить. Недаром авторы этого фильма анонимы. Особенно в такой трагический момент после взрыва в метро. Получается, что создатели фильма обвиняют людей, сидящих в тюрьме, во взрывах? Пусть отвечают, откуда у них такие сведения? Говорят «Не буди лиха - пока тихо». Все эти люди до того изолгались, повторяя одни и те же вымышленные угрозы, что эти угрозы в конце концов и материализовались самым страшным образом. Конечно же и здесь они могут взять оппозиционный и «анархистский» след, но ничего не выйдет. Сами же власти разгромили и посадили по тюрьмам людей, представляющих каким - то образом эти движения. Кроме того, официальные должностные лица, которые с телеэкрана заявляют о виновности Игоря, должны быть привлечены к ответственности, т.к они формируют общественное мнение и, в том числе, мнение судейского корпуса в нужном для них направлении. Следует отметить, что только по истечении пяти месяцев отцу дали разрешение на свидание с сыном. А из фильма видно, что целая съемочная группа белорусского телевидения получила разрешение на съемки. Что же это такое? Впечатление от фильма очень странное. Какое-то нагнетание обстановки. И эта бобруйская группа. Кому - то это надо. Ясно, что не анархистам.

Беседовала Анна Сименова

СПИСОК ЗАКЛЮЧЕННЫХ АНАРХИСТОВ

Антифашистские заключенные

Ринат Султанов

В феврале 2011 года Ринат был осужден на 2 года за драку с нацистами в Санкт-Петербурге, которая случилась 4ого ноября 2008ого года. Во время отправки журнала в печать, Ринат находился на этапе, место назначения которого неизвестно. Узнавайте адрес Рината на сайте Анархического Черного Креста - Москвы, www.avtonom.org/abc.

Алексей Бычин

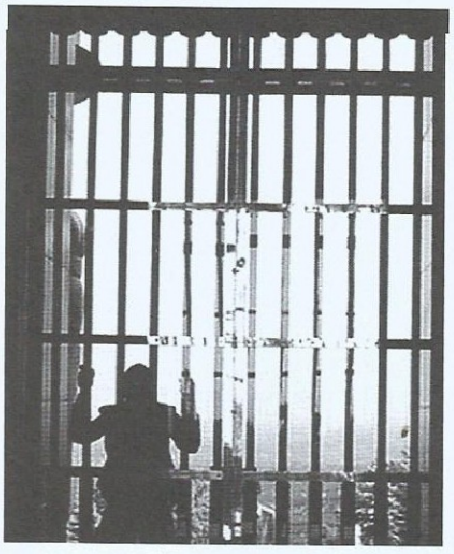
Алексей Бычин из Санкт-Петербурга отбывает пятилетний срок в тюрьме строгого режима за драку с двумя фашистами летом 2009ого года, один из которых оказался также работником милиции.

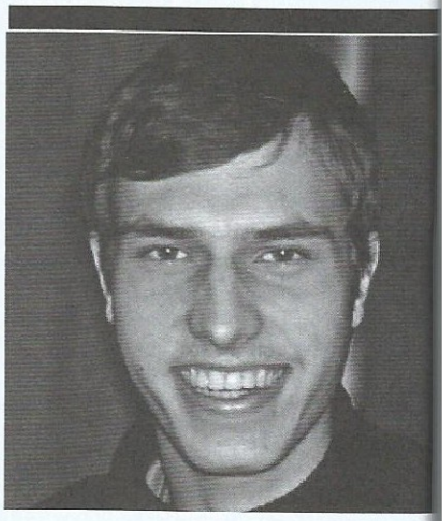
Россия, 618545 Пермский край, г. Соликамск, ул. Карналитовая, д.98, ФБУ

ОИК-2 ИК-7, отряд No.10, Бычину Алексею Александровичу

Беларусские заключенные

В мае 2011 года четыре беларусских анархиста получили тюремные сроки от 3 до 8 лет в ходе судебных процессов, которые нельзя назвать справедливыми и беспристрастными





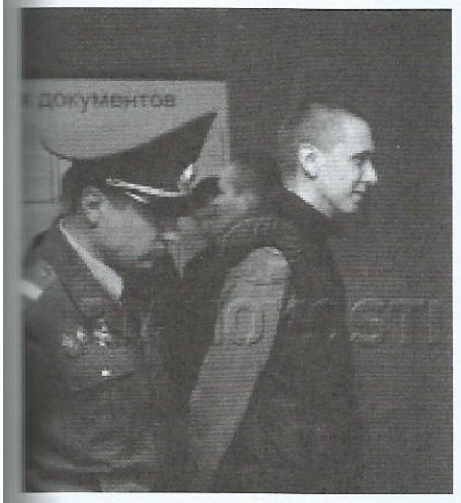
Евгений Васькович

Васькович Евгений Сергеевич Беларусь ИК-15, 213105, г. Могилев, п/о Вейно, Славгородское шоссе, 5 км. КАРАНТИН

Николай Дедок

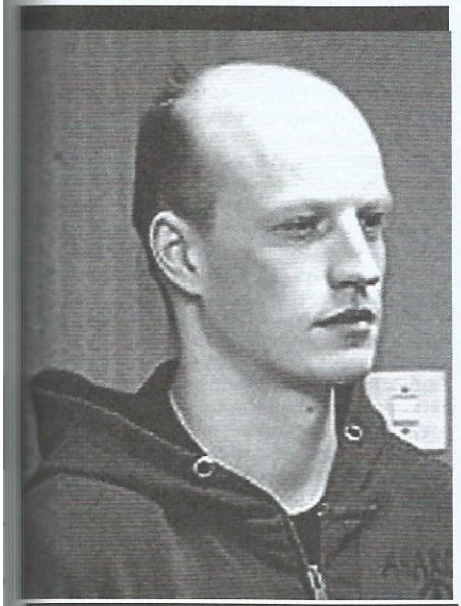
Дедок Николай Беларусь, 213105, г. Могилев, п/о Вейно Славгородское

шоссе, 5 км. ИК-15, КАРАНТИН. Дедку Николаю Александровичу



Александр Францкевич

Францкевич Александр Беларусь, 225295, Брестская область, Ивацевичский район, ст. Доманово, ИК-22, КАРАНТИН. Францкевичу Александру Владимировичу



Игорь Олиневич

Олиневич Игорь Беларусь, 211440, Витебская область, г. Новополоцк, ул. Техническая, дом 8. ИК-10, КАРАНТИН. Олиневичу Игорю Владимировичу

Не бросай товарищей в беде

Наши товарищи, находящиеся сейчас за решеткой, попали в очень трудную ситуацию. Изолированные от своих друзей и привычной жизни, они всеми силами пытаются сохранить свой боевой дух и не поддаться давлению. И мы можем им помочь. Письма с воли со словами поддержки очень бодрят и не дают ребятам отчаяться. Если ты знаешь, что на свободе тебя ждут и твои старания не были напрасны, появляется воля к жизни.

ВНИМАНИЕ

КОГДА ПИШИТЕ ЗАКЛЮЧЕННЫМ, ПОМНИТЕ, ЧТО ВСЕ ПИСЬМА МОГУТ БЫТЬ ПРОЧИНТАНЫ НАЧАЛЬСТВОМ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО ЗАВЕДЕНИЯ. НЕ ПИШИТЕ НИЧЕГО, ЧТО МОЖЕТ НАВРЕДИТЬ ВАМ, ИЛИ ВАШИМ ТОВАРИЩАМ ЗА РЕШЕТКОЙ!

ВЛАСТЬ ЗАНИМАЕТ ПОЗИЦИЮ СТРАУСА

Последнее слово Андрея Кутузова в суде 9 марта 2011 года

14 марта 2011 года Андрей Кутузов, участник АД-Тюмень, кандидат филологических наук и преподаватель университета, был приговорен мировой судьей Е.А. Гариповой к двум годам лишения свободы условно. Его обвинили в распространении на митинге в 2009 году листовок с заголовком «Ментов к стенке». Сам Андрей утверждает, что листовки сфальсифицированы. Тюменский областной суд не удовлетворил касационную жалобу Андрея.

ПРЕАМБУЛА

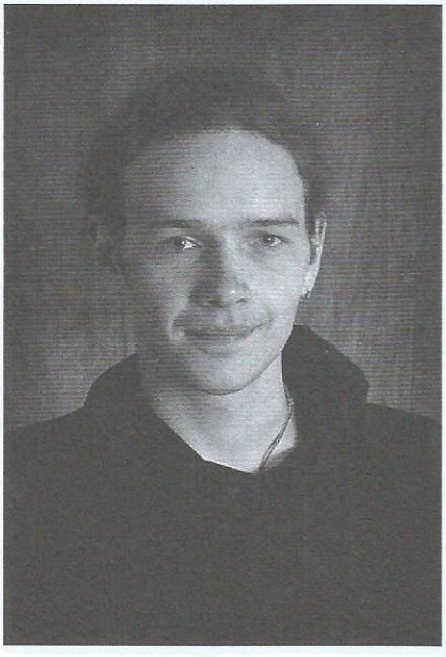
Прежде всего, я еще раз заявляю, что виновным себя не признаю полностью и считаю, что в моих действиях нет ни состава, ни события преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ. Я не совершал преступления, поэтому я не прошу суд проявлять ко мне снисхождение.

Я ни в чем не раскаиваюсь, ни перед кем не приношу своих извинений, и если и прошу суд, то лишь об одном: вынести оправдательный приговор в отношении меня и вынести частные определения по факту совершения целого ряда уголовно наказуемых деяний в период предварительного следствия, по поводу которых уже были сделаны ходатайства и заявления в следственные органы.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ДЕЛА

Итак, меня обвиняют по части 1 статьи 280 УК РФ — «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности». Хотел бы прежде всего сказать несколько слов о самом российском «антиэкстремистском» законодательстве и о понятии «экстремизм». Это слово появилось в нашем юридическом лексиконе не так давно. И я поясню почему.

Сейчас практически по всему миру происходит масштабное сворачивание социальных гарантий, ликвидация так называемого «государства всеобщего благосостояния», которое обеспечивало хотя бы относительную социальную стабильность всю вторую половину XX века. И Россия здесь «впереди планеты всей», особенно последние десять лет. Все мы знаем и видим, что в нашей стране последовательно уничтожаются доступное здравоохранение, общественный транспорт, образование. Это объясняют необходимостью «оптимизировать расходы», как бы «затянуть пояса и всем вместе пережить тяжелые времена». При этом децильный коэффициент, отражающий разницу в доходах между самыми богатыми и самыми бедными, в России постоянно растет и на начало 2010 года эти доходы различались в 17 раз — больше, чем даже в США. То есть, пояса приходится затягивать не всем, а только тем, кто и так в неблагополучном материальном положении.



Нет ничего странного в том, что в такой ситуации в стране появляется социальная напряженность. Социальные гарантии ликвидируются, растет безработица, имущественное расслоение неимоверное: было бы удивительно, если бы этой напряженности не было. Однако, вместо того, чтобы задуматься о причинах социальных волнений, российская бюрократия занимает позицию страуса, прячущего голову в песок и попросту объявляет (явно или между строк) любую критику и любую борьбу за свои права — «экстремизмом», пользуясь лингвистической и юридической расплывчатостью этого понятия. «Экстремистские» статьи в УК и ФЗ-114 «О противодействии экстремистской деятельности», на мой взгляд, намеренно оставляют определение «экстремистской деятельности» чрезмерно широким, чтобы под него попадало любое «инакомыслие». Об этом я еще скажу ниже.

Чем мощнее идет наступление государства и крупных корпораций на общество, чем больше у людей отнимают прав — тем сильнее «борьба с экстремизмом». В этой связи показательно, что Департамент по противодействию экстремизму при МВД России был создан именно в «кризисном» 2008 году, когда мировая экономика трещала по швам, а вместе с ней — и российская. Причины снова экономические — чем хуже людям жить, тем более вероятны волнения и недовольство существующей властью. А чтобы подавлять недовольство, нужна политическая полиция. Такой полицией и стал так называемый «центр Э».

«Антиэкстремистские» подразделения правоохранительных органов и само юридическое понятие «экстремизм» порождены совершенно ошибочным представлением о природе процессов в обществе. По логике российской бюрократии, недовольство властью и социальное напряжение — это продукт деятельности отдельных «экстремистов», маргиналов и диверсантов. Достаточно их изловить и нейтрализовать при помощи разнообразных «специальных» отделов МВД и ФСБ, и тут же настанет мир и благодать, а население страны мгновенно примирится и с имущественным расслоением и с тем, что государство сняло с себя все возможные обязательства по отношению к собственному народу. Между тем, вся история человечества показывает, что социальное напряжение порождают не мифические «экстремисты», а объективное историческое развитие общества. В случае с Россией конца XX — начала XXI веков основной причиной социального напряжения являются действия самой власти, о которых я уже говорил. Чтобы уничтожить это напряжение, власти нужно либо кардинально поменять свою политику, либо фактически начать войну с населением страны. Пока, к сожалению, мы видим, что доминирует второй вариант. Это подтверждается и все увеличивающимся финансированием центров «Э» при сокращении финансирования всей остальной милиции (полиции). Численность внутренних войск уже превысила численность армии, причем вооружают их, в том числе, водометами для разгона демонстраций.

В этих условиях понятие «экстремизм» фактически используется в узких кастовых интересах властвующей «элиты», защищает ее от любой критики. Никто не станет судить за «экстремизм» Владимира Путина, который порой позволяет себе очень резкие высказывания. При этом любой критик существующей ситуации всегда находится под угрозой возбуждения уголовного дела за свои слова. «Что позволено Юпитеру, то не позволено быку». А точнее, «закон на стороне того, у кого сила и власть».

Обвинение по моему делу, фактически, не скрывает такого положения вещей. Прокуратура считает, что даже само по себе мнение гражданина, согласно которому «деятельность центров «Э» Департамента по противодействию экстремизму МВД РФ нарушает права граждан», — это уже «доказательство, подтверждающее обвинение в совершении публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности». Это прямым текстом сказано в обвинительном заключении. Считать что центр «Э» нарушает права граждан — уже преступление или как минимум приготовление к нему. Так считает обвинение. 12 января представитель государственного обвинения спросил меня в судебном заседании «Вы выступали на митинге против центров «Э» — то есть, против государственной власти?» Абсурд очевиден. Во-первых, даже если я и выступаю против государственной власти (например, критикую ее) — это мое право иметь свое мнение и высказывать его. Во-вторых, чисто логически выступление за расформирование центров «Э» совсем не означает автоматически требования упразднить государственную власть. Более того, в России есть множество вполне государственнических движений, партий и общественных деятелей, которые требуют отменить «антиэкстремистское» законодательство и расформировать центр «Э», но при этом ничего не имеют против государственной власти как таковой. А вот факт сращивания в сознании обвинения центров «Э» и государственной власти — очень показателен.

Фактически, отметается любая возможность критики. Что-то не нравится — предатель. Критикуешь — экстремист. Любые неурядицы в обществе объявляются «происками врагов», внешних или внутренних. Это, конечно, гораздо удобнее и проще, чем искать подлинные причины проблем и решать их. Вот только слишком уж напоминает худшие страницы истории Советского Союза, повторяющиеся как фарс. Неудивительно, что многие эксперты считают «экстремистские» статьи УК просто «переизданием» статей 70, 190.1, 142 и 227 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривавших уголовную ответственность за «антисоветскую агитацию и пропаганду».

Подобная позиция обвинения нарушает Конституцию РФ (как минимум, ст.

2 и 29) и все мыслимые международные соглашения о правах человека. Впрочем, хочу порадовать (а может, и разочаровать) обвинение и другие структуры, борющиеся с «экстремизмом». При той политике в области образования, которую ведут наши правительственные структуры, лет через десять у них исчезнет работа, потому что никаких «экстремистов» не будет: школы и университеты просто перестанут выпускать людей, способных адекватно и критически оценивать окружающую действительность. Останется только промывание мозгов казенным патриотизмом да средневековый «синтез магии и науки», подобный тому, что в суде продемонстрировала эксперт обвинения Усова.

Фактически, меня судят не за распространение какой-то листовки (все прекрасно понимают, что я ее не распространял), а за то, что я посмел слишком активно критиковать политику нынешней власти, да при этом еще и не присоединился к какой-нибудь «респектабельной» партии, а честно заявляю о том, что по политическим убеждениям я либертарный коммунист (анархо-коммунист). На всякий случай еще раз напоминаю суду и обвинению, что само по себе наличие у человека таких взглядов и их распространение не преследуется даже по репрессивному российскому законодательству.

Преследование по политическим мотивам подтверждается и словами помощника прокурора области А.М. Капеко в его комментарии газете «Комсомольская правда». Он говорит: «Кутузов стоит на твердых позициях анархиста, отрицает само государство, при этом ему ничего не мешает работать в государственном учреждении, в Тюменском госуниверситете и 1 и 15 числа каждого месяца получать от государства зарплату». Это единственное, что Капеко высказал в качестве позиции обвинения — Кутузов анархист, и этого достаточно.

В порядке полемики напомню, что вообще-то у государства «своих» денег нет по определению, и зарплату я получаю от общества, которое вкладывает деньги в образование посредством налогов. Тем более, большую часть доходов современных российских университетов составляет плата студентов за обучение.

Кроме того, невозможно жить в этом социуме и не взаимодействовать так или иначе с государством. Критическое отношение к государственным институтам не означает немедленного ухода в тайгу к медведям. Может быть, старший помощник прокурора Капеко удивится, но я еще хожу в как бы «государственные» поликлиники, пользуюсь как бы «государственным» общественным транспортом (какой остался) и у меня есть паспорт, выданный государством. Нельзя жить в обществе и быть полностью свободным от него. Тем более, я никогда не призывал к немедленной отмене государства, хотя, безусловно, считаю, что его роль в жизни общества должна постепенно уменьшаться и заменяться институтами низовой самоорганизации людей.

КТО ОБЩЕСТВО?

В моем деле нет потерпевших. По версии обвинения, я как бы совершил преступление по отношению не к конкретному индивидууму, а ко всему обществу в целом. В своей речи в прениях помощник прокурора Капеко особо упирал на «общественную опасность» якобы совершенного мной преступления. Но где же возмущенное общество, которое я, якобы, оскорбил или иначе нанес ему ущерб? Где публицисты, оправдывающие это уголовное дело в своих статьях? Где массовые иски от оскорбленных граждан? Где, в конце концов, в суде публика, которая осознала общественную опасность моего преступления и следит за тем, чтобы меня наказали

по всей строгости закона? Всего этого нет. Если, конечно, не считать возмущенной публикой тех скрывающих лица «статистов», которых в нарушение закона проводили в зал суда в течение трех первых заседаний. Но что-то мне подсказывает, что они присутствовали здесь не по своей воле.

Наоборот — общество различными способами выражает мне свою поддержку. Более шестисот подписей собрала выложенная в Интернете петиция. Ее авторы требуют прекратить уголовное преследование в отношении меня и провести внутреннее расследование в РУ ФСБ по Тюменской области и в Центре противодействия экстремизму при ГУВД Тюменской области. Среди подписавшихся — тюменцы и жители других городов, люди самых разных профессий. Это — оскорбленное общество? За время следствия и суда прошло не менее 15 публичных мероприятий в мою поддержку. Это митинги, пикеты, концерты. География: Тюмень, Москва, Уфа, Калуга, Пермь, Екатеринбург, Ижевск и даже Франция (возле университета Сорбонны прошел пикет). Это — оскорбленное общество? Все новости о судебных заседаниях по моему делу на тюменских интернет-порталах вызывают большое число комментариев. В подавляющем большинстве из них авторы выражают очень критическое отношение к обвинению и поддерживают меня. Не буду чрезмерно удлинять последнее слово их цитированием — все это можно легко найти, например, на тюменских новостных сайтах 72.ru и nashgorod.ru. Это — оскорбленное общество?

Государственное обвинение требует лишить меня права преподавать на два года (на неясном основании). При этом мои коллеги-преподаватели и студенты очевидно не разделяют мнение обвинения, поддерживают меня и подписывают открытое письмо, в котором говорят, что судебный процесс носит откровенно карательный характер. Они не считают, что меня нужно лишать права преподавания и что я вообще в чем-то виновен. Может быть, это оскорбленное общество? Или, может быть, помощник прокурора Капеко лучше знает, кто должен преподавать, а кто нет, чем профессиональный коллектив?

Так кто же у нас общество, для которого я, якобы, опасен — прокуратура и ФСБ или все поддерживающие меня люди? Почему то самое общество ясно видит фальсифицированность и политический, заказной характер этого дела, а обвинение упорно закрывает на это глаза и продолжает защищать общество от него самого, хотя общество его об этом не просило, а совсем наоборот — требует закрыть уголовное дело?

После того, как 1 марта обвинение попросило назначить мне в виде наказания два года реального лишения свободы, одна из моих знакомых (молодая мать) сказала: «Я не хочу больше рожать в этой стране». Неудивительно — мало кто из разумных людей захочет, чтобы его дети жили в стране, в которой человека могут отправить за решетку по очевидно сфальсифицированному обвинению, несмотря на многочисленные публичные протесты. Вот так обвинение «защищает интересы общества».

Нарушение принципа публичного разбирательства

Поскольку в основу всего уголовного дела положена фальсификация, неудивительно, что в ходе следствия и судебного процесса постоянно нарушался принцип публичности.

Это началось еще с вынесения мне следователем Сухаревым подписки о неразглашении, которая позже была отменена судом, и продолжилось в виде постоянных ограничений прав защиты на фотографирование экспертиз или иное участие в следственных действиях, не запрещенное законом. Подобная позиция следствия может объясняться только нежеланием раньше времени расставаться с компрометирующими само следствие материалами.

Нарушение принципа публичности продолжилось и в суде. В течение трех первых заседаний по моему делу — 14 декабря 2010 года, 12 января и 20 января 2011 года — в зал незаконно с нарушением режима проводили подставную публику — по всей вероятности, сотрудников правоохранительных органов. Назовем ее «статисты». Их целью было максимально уменьшить количество реальной публики в зале суда.

14 декабря «статисты» появились в зале во время обеда, когда суд по регламенту должен был быть закрыт. 12 января помощник судьи Петрова ровно в 9 часов утра лично открыла дверь черного хода рядом с залом заседаний и впустила в зал несколько человек из той же компании, что занимала сиденья 14 декабря. 20 января «статисты» неожиданно оказались уже сидящими в зале суда, когда приставы ближе к 10 утра отперли его.

Еще раз повторюсь, что все эти нарушения произошли не случайно, а вполне согласуются с предположением защиты о

сфабрикованности всего дела. Тот, кто совершил преступление, всегда пытается замести следы и сделать так, чтобы все было тихо. Это мы и имеем в данном случае.

Вызов свидетеля Сухарева

Однако, все тайное становится явным, и фальсификация уголовных дел не исключение. Обвинением была сделана особая ставка на компакт-диск, якобы изъятый у меня при обыске 14 апреля 2010. На нем в файле «менты.odt» содержится текст листовки, якобы распространенной 30 октября 2009 года, содержащей призывы к насилию в отношении работников центра «Э».

Но в судебном заседании 17 февраля 2011 года был заслушан специалист, который протестировал этот диск и установил, что запись была произведена не до, а после митинга, когда компьютеры и диски, изъятые при обыске, уже два месяца находились у следователя ФСБ по Тюменской области Анатолия Сухарева. Допрошенный в суде, этот специалист показал, что кроме даты в атрибутах файла, которые легко изменить вручную (в них стоит дата 29 октября 2009 года), программа OpenOffice оставляет в свойствах файла свою отметку о дате последнего изменения и распечатки. И согласно этой отметке, файл «менты. odt» был изменен и распечатан 17 июня 2010 года.

Следовательно, диск (однократная CD-R болванка) также записан не раньше этой даты. Кроме того, прямо в зале судебного заседания было выяснено, что диск записан при помощи программы Nero_Burning_ROM. Эта программа работает только под семейством ОС Microsoft Windows. Следовательно, диск был записан на компьютере с установленной операционной системой Windows. Между тем, на обоих моих компьютерах, изъятых при обыске, стоит только операционная система Linux — это отражено даже в протоколах осмотра, которые составляло следствие.

При таких обстоятельствах, естественно, возникла необходимость задать несколько уточняющих вопросов следователю ФСБ А.С. Сухареву, однако суд отклонил ходатайство о вызове в суд в качестве свидетеля следователя, который, судя по всему, сфабриковал уголовное дело. Не был разрешен и вызов в суд понятых, при которых, якобы, осматривался сфальсифицированный диск. Государственное обвинение поддержало этот отказ, тем самым расписываясь в своем категорическом нежелании рассматривать данное дело объективно и беспристрастно. «Пусть в суде происходит все что угодно, вскрываются любые фальсификации, но допрашивать следователя ФСБ мы не будем ни в коем случае», — так можно описать позицию суда и обвинения.

Более того, старший помощник прокурора Капеко в своем комментарии газете «Комсомольская правда» заявил, что сфальсифицированный компакт-диск — это всего лишь «линия защиты». Совершенно непонятно, что он имел в виду, и как защита могла сформировать эту «линию», учитывая, что фальсификация вскрылась прямо в зале суда, на глазах у судьи и государственного обвинения. Этим своим заявлением (и умолчанием о диске в ходе своей речи в прениях) помощник прокурора Капеко лишь показал, что обвинение продолжает просто игнорировать факты фальсификации, даже не пытаясь хоть как-то объяснить их.

Мое мнение таково: подобная позиция обвинения и суда по факту является укрывательством преступления, предусмотренного ч.2 ст. 303 УК РФ — «Фальсификация доказательств по уголовному делу».

ПОДСУДИМЫЙ — СУМАСШЕДШИЙ?

Вообще абсурдной представляется ситуация, при которой человек или некий коллектив распространяют на митинге листовки одного содержания, а с трибуны говорят речи совершенно другого. Если я раздавал людям листовки с призывом «ментов к стенке», почему я не говорил ничего подобного через микрофон? Объяснить это осторожностью нельзя — ведь тогда бы я и эти листовки незнакомым людям не раздавал.

Единственное логичное объяснение — это то, о котором уже говорил мой защитник. Листовки были сфальсифицированы работниками правоохранительных органов, потому что им было нужно обязательно «навесить» на кого-нибудь из тюменских гражданских активистов «экстремистскую» статью. Конечно, им было бы удобнее и легче, если бы «экстремистские» призывы звучали в действительно публичных речах, благо все оппозиционные митинги фиксируются на милицейские видеокамеры. Но никто из ораторов не доставил желающим отчетности оперативникам такого удовольствия. Речь сфальсифицировать нельзя. Поэтому решили сфабриковать листовки очевидно «экстремистского» содержания, заведомо подпадающие под статьи УК.

Любому разумному человеку ясно, что листовки подобного содержания («ментов к стенке», «разрисовывайте стены центра Э», «бейте стекла машин») могут только дискредитировать организаторов митинга и тех, кто такие листовки раздает. Никакой массовой поддержки населения с ними не заполучить. Раздавать на большом и ответственном митинге подобный абсурд может только сумасшедший. Поэтому, конечно, таких листовок на митинге не было и быть не могло. Разве что в папочках у «сотрудников» в штатском.

Итак, даже события преступления не было.

БАНАЛЬНОСТЬ ЗЛА

Не было раздачи листовок «Долой политические репрессии! Ментов к стенке!» не было их изготовления мною. Полтора года следствия и суда — это огромные бюджетные средства, потраченные на зарплаты следователям и прокурорам, экспертам, оперативникам и судейским работникам. Это тонны израсходованной бумаги и электричества. Наконец, это «мотание нервов» мне, моим родственникам и товарищам, которое вряд ли можно измерить. И все это крутилось вокруг одной очевидно сфабрикованной листовки.

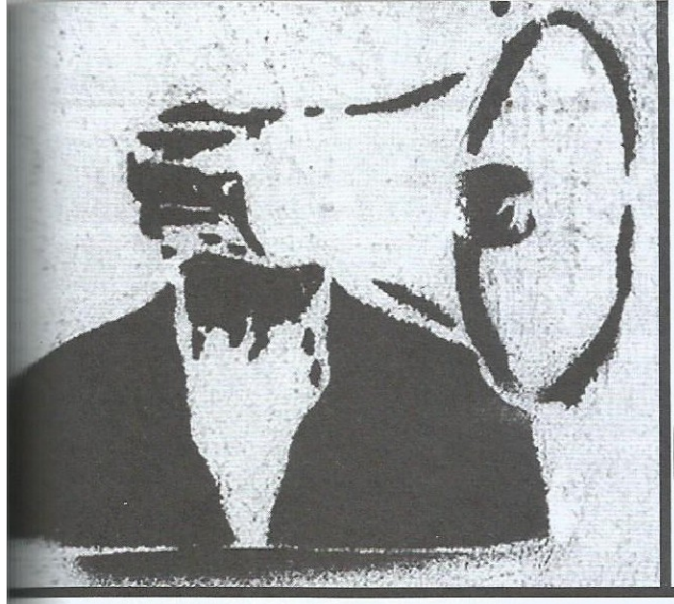
Весь город понимает, что инкриминируемая мне листовка сфальсифицирована. Это понимают все, кто следил за моим делом в других городах и странах через СМИ и Интернет. Теперь по запросу «ФСБ Тюмень» поисковая система Google на первой же странице выдает ссылки с текстами «С помощью РУ ФСБ по Тюменской области государство может быть выпорото публично» и «еще один ученый может быть осужден по, возможно, надуманным обвинениям ФСБ». Таковы результаты «работы» правоохранительных органов.

Думаю, что сфабрикованность моего дела понимают и представители государственного обвинения и судья, хотя, вряд можно, никогда в этом не признаются. Очень многих интересует вопрос — как можно обвинять и судить людей по заведомо ложным поводам, просто по приказу сверху. Я не считаю тех, кто сфабриковал это дело, закоренелыми монстрами. Скорее всего, у себя дома, в семье они ведут себя как вполне нормальные люди. А вот на работе становятся лишь винтиками государственной машины, давящей невиновных. Почему так?

Именно это явление американский философ Ханна Арендт назвала «банальностью зла». Этот выражение часто звучит последнее время при анализе российской бюрократической системы. Когда ложь, несправедливость, зло возведены в систему, они становятся нормой. Люди приспосабливаются к тому, что их окружает. И тогда своя карьера становится важнее, чем судьбы других людей. Тем более, что современное общество все больше навязывает нам модель поведения «иди по голове» и «умри ты сегодня, а я завтра». Ради лишних звездочек на погонах не грех и доказательства по уголовному делу сфальсифицировать.

Верующий человек сказал бы здесь, что лжецов неизбежно настигнет возмездие господа. Но я агностик, и у меня нет достоверных сведений о существовании или несуществовании Бога, поэтому я не буду никому грозить небесными карами. Однако я уверен, что поле битвы между добром и злом проходит в сознании каждого человека, и каждый из нас делает выбор каждую секунду. И этот выбор всегда существует, даже если человек убеждает себя: «Я лишь винтик системы, я не мог поступить по-другому, меня заставили, была под угрозой моя карьера». Каждый человек несет ответственность за свои дела перед самим собой и перед обществом, в котором он живет.

Поэтому будущий приговор по этому делу, каким бы он ни был — это приговор не мне. Я не виновен в преступлении, которое мне формально приписывают, в этом не сомневается практически никто. Это приговор другим участникам судебного процесса: государственному обвинению и судье. Спасибо, у меня все.



МЕГА ФОН

ОБ АНАРХИЗМЕ И НАСИЛИИ

МЕСТЬ КАК ВАЖНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ПРАВО

Некоторые заявляют, что анархисты против насилия, поскольку у анархистов цели должны совпадать со средствами. Второе утверждение верное, но первое таковым не является. Для анархистов насилие — не только средство, а в некотором смысле даже цель сама по себе. И я здесь имею в виду не детские понты о вешании буржуев на кишках ментов. Я не считаю, что расправа над классовыми врагами, тем более коллективная, есть хоть в каком-то плане цель революции. Как писал Кропоткин, вряд ли можно полностью избежать индивидуальных актов возмездия самых разгневанных, но задача анархистов минимизировать такие поступки — поскольку люди в современном обществе в первую очередь являются рабами своих ролей.

Но, тем не менее, индивидуальной ответственности это никак не отменяет.

Дело в том, что в основе всякой морали находится принцип, что за плохие поступки надо отвечать. Это, между прочим, не выдумка анархистов, а универсальный принцип, который одобряет всё человечество. Да, есть огромные разногласия в том, какие поступки на самом деле неправильные, каким образом должно происходить разбирательство, но с основным принципом согласны абсолютно ВСЕ. Ведь прощение — дело благородное, но только если это происходит на добровольной основе. И в последнюю очередь кто-то имеет право прощать за других людей! Если кого-то обижали, избивали, предавали или насиловали, он должен сам решать: прощать ли ему или нет, и требовать ли наказания — и больше никто. И я уверен, что с этим был бы согласен даже Христос.

Существует миллион практических аргументов, которые можно выдвинуть против мести: иногда после мести может следовать эскалация насилия, иногда месть может помешать обидчику исправиться, иногда от мести могут следовать огромные неприятности не только мстителям, но также и всем их товарищам. И иногда этих аргументов действительно достаточно, чтобы не мстить. Но это не отменяет того, что месть — это основа всей справедливости. Ведь месть может существовать и без прощения, но прощение без мести существовать не может. Если у тебя нет возможности отомстить, твое прощение никакой ценности не имеет.

Государство и общественные моральные нравы, которые оно создало, запрещают месть и, таким образом, лишают нас права быть моральными субъектами. Нам выдали компенсацию в форме боевиков и подобного кино, в которых месть — самая популярная тема. Нам разрешают отомстить только в мире своих фантазий, то есть только в своих мечтах нам разрешено быть людьми. [Вставить в вынос].

Месть — это основа всей справедливости на свете. Если общество не готово этого понимать, то на**й такое общество. Можно привести в качестве примера поступок анархиста Леона Чолгоша, который убил президента США Уильяма Мак-Кинли. Последствием покушения Чолгоша были ужасные репрессии против всех анархистов и социалистов. Были приняты законы против анархистов, согласно которым по сей день анархист формально не может попасть в США (к счастью, за этим законом сейчас не очень следят).

Большинство анархистов того времени (например, Иоганн Мост) отрекались от Чолгоша, поддерживали его совсем немногие (среди них — Эмма Гольдман), и то не столько из-за поступка, сколько из-за лояльности к товарищу в беде. С движением он был мало связан, он был явно неудачником и, возможно, также немного чокнутым. Считают, что у него никогда не было девушки.

Его поступок не принес никаких положительных перемен обществу, ему даже так и не дали толком шанса объяснить, почему он так поступил, его просто в спешке казнили всего через два месяца после покушения. Но это все не отменяет того, что Мак-Кинли несомненно заслужил свою смерть. В 1898-ом году американский броненосец «Мэн» взорвался при невыясненных обстоятельствах в порту Гаваны в Кубе, когда остров еще являлся испанской колонией, которая неоднократно поднимала восстания за независимость. После инцидента с «Мэн» США объявили войну Испании, в следствии которой Куба стала независимой, а Пуэрто-Рико и Филиппины оказались в руках США. Но филиппинцам новые хозяева тоже не понравились — и они подняли восстание за полную независимость.

Именно президент Мак-Кинли подавил восстание с жестокостью, какая бывает всегда, когда подавляют подобные восстания. Десятки тысяч людей были убиты, изнасилованы и ограблены, сотни тысяч погибли от голода и болезней во время военных действий и в концентрационных лагерях. Никто не знает, сколько всего людей погибло — но население островов в те годы сократилось примерно на миллион. Покушение Чолгоша на Мак-Кинли не остановило войны, она длилась еще около года. Возможно, война и зверства американцев на Филиппинах даже не были главной причиной, почему Чолгош решился на свой поступок. Но, тем не менее, кого не может не радовать, что хоть один ублюдок получил по аслугам?

Ключевой фактор анархизма в том, что в анархизме всегда есть возможность отомстить.

Ведь государство монополизировало насилие, захватило себе исключительное право определять вопросы морали. Идеальный гражданин вообще не претендует на вмешательство в деятельность системы правосудия, а оставляет это специалистам. Одновременно, в качестве замены права на месть, государство якобы освобождает нас от необходимости насилия, ведь оно обещает разобраться за нас. И надо признать, что иногда оно даже в этом преуспевает. И чем благополучнее страна, тем вероятнее, что судебная система эффективнее разбирается с теми, кто тебя обидел, чем ты сам.

Но при анархизме ты сам будешь неотделимой частью системы правосудия, при этом всех трёх его аспектов — законодательной, судебной и исполнительной власти. Разумеется, опасность суда Линча тут очевидна, но даже первобытные и протоанархические общества средневековья (например, Исландии) делали шаги в направлении разделения этих трех ветвей правосудия. Например, один из вариантов — каждый по очереди будет выполнять каждую из трех функций, но никто не будет исполнять две или три одновременно. Во времена анархии Исландия вообще имела довольно развитую судебную систему, и, очевидно, что в современных условиях анархия работала бы не хуже.

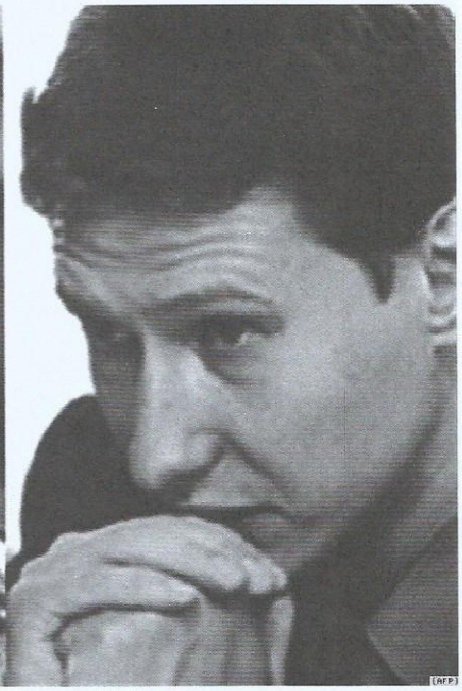
Очень широко распространено заблуждение, что насилие, власть и авторитарность — одно и то же, но на самом деле это все разные вещи, и анархисты тут против одной только авторитарности. Авторитарность — это именно институциональная, формализованная, традиционная или харизматическая привилегия. Анархизм не исключает высоких полномочий специалистов своего дела в разумных пределах. Но все подобные полномочия должны быть критически рассмотрены, и со временем должны быть предприняты попытки полностью избавиться от них. Следовательно, анархизм не стремится избавиться от права пользоваться насилием, он стремится к распределению данного права среди всех на равных началах.

И не имеет значения, будет ли при анархии больше или меньше преступлений, чем сейчас. Протоанархическая Исландия вообще была довольно мачистским обществом, где люди на обидные слова часто отвечали мечами, но, естественно, это далеко не единственный вариант анархизма на практике. Возможно, при анархии люди будут жить, как в буклетах свидетелей Иеговы, в которых львы валяются в саванне среди людей и едят фрукты. Но даже если бы при анархии никто никого не убивал (и действительно, в некоторых примитивных обществах понятия «убийства» вообще не существовало), то теоретическая возможность судить и наказывать при анархии есть у всех и всегда. И это и есть насилие. Следовательно, анархизм естественным образом предполагает насилие.

Владислав Сурков

МАЛЫЙ НЮРЕНБЕРГ В МОСГОРСУДЕ

Убийца Маркелова и Бабуровой схлопотал пожизненное



Журналистка и анархистка Анастасия Бабурова (верстальщик и автор «Автонома» и участница «Автономного Действия»), и левый адвокат Станислав Маркелов были расстреляны в Москве 19 января 2009 года. 6 мая 2010 Евгения Хасис, соучастница убийства, получила 18 лет тюрьмы, а непосредственный исполнитель Никита Тихонов — пожизненный срок.

Присяжные вынесли вердикт о виновности Евгении Хасис и Никиты Тихонова восемью голосами против четырех. Голоса распределились именно так почти по всем пунктам обвинения, только причастность Хасис к незаконному обороту оружия была «одобрена» наименьшим возможным большинством — семью голосами против пяти.

Посетители судебных заседаний могли ознакомиться с показаниями Тихонова на первых допросах, в ходе которых он сообщил, что был «вынужден» убить Бабурову, поскольку та видела его лицо. Но в декабре 2009 года, спустя почти два месяца после ареста, Тихонов полностью поменял тактику, стал отрицать свою вину и заявил, что признания были результатом давления, которое оказывали на него. Но, тем не менее, видеозаписи с признаниями, скорее всего, были одними из главных причин обвинительного вердикта присяжных. До того как Тихонов переосмыслил свою позицию, он рассказал об убийстве детали, которые не были известны следователям.

Тактический поворот Тихонова была опасной игрой, которую он проиграл. Почти наверняка он не получил бы пожизненное, если бы признал обвинения в суде. Очевидна слабость тактики защиты, которая была направлена исключительно на развал процесса. Все другие ходы, например, нелепое «алиби» Хасис, которое сразу же отмели с помощью биллинга телефонных разговоров, были сделаны на тяп-ляп.

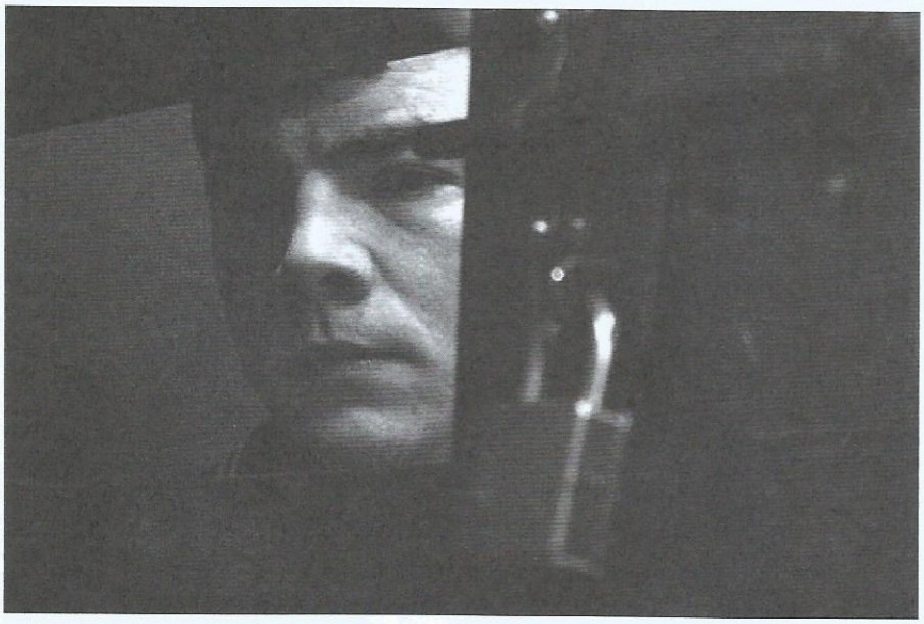
Первоначально в коллегии присяжных был двадцать один заседатель, но в конце суда остались всего лишь четырнадцать. Скорее всего, многие боялись, что фашисты будут мстить.

Но одна из присяжных, Анна Дробачева, заявила, что отказалась от участия в процессе, потому что два заседателя оказывали давление на остальных, пытаясь склонить их на сторону обвинения. Вполне вероятно, что прокуратура и/или следствие «по крайней мере» заботятся о том, чтобы среди заседателей были их люди — практика показывает, что доверие присяжных к правоохранительным органам крайне низкое, в России присяжные время от времени принимают оправдательные решения в случаях, когда это было бы невозможно в любой другой стране.

С другой стороны, у Дробачевой каждый день была возможность заявить о давлении. В соответствии с законом, судья публично спрашивал об этом присяжных перед каждым заседанием. Так что многие наблюдатели считают, что поведение Дробачевой могло быть как-то мотивировано стороной защиты. Во время следствия и суда Хасис ничего не признавала. Это удивительно, учитывая ее неуравновешенный характер.

Но ФСБ удалось ее кое на что раскрутить. http://www.antifa.ru/5796.html — на этой записи Хасис непринужденно рассказывает мусорам о ведущих российских нацистах. Особенно подставляют ее рассказы лидера российской секции международной группировки Blood & Honour Сергея «Опера» Голубева. Последний отомстил Хасис, дав показания против нее и Тихонова в суде. Отомстил «Опер» и Тихонову: судя по материалам прослушки, Никита собирался убить его из-за ряда разногласий.

Голубев не просто случайный среднестатистический фашист с амбициями быть очередным минифюрером малочисленной секты, он руководил группой, которая держала в страхе всех московских ультраправых. «Кровь и честь» наказывала всех, кто смел их критиковать. Наци-блоггер Влад Носков, который писал под псевдонимом White Patriot, был самым популярным наци-автором русскоязычного интернета еще четыре года назад. После пары не очень дружественных намеков, B&H вынудили его публично извиниться, а также сломали ему обе руки в не-



скольких местах. С тех пор Носков бросил интернет-деятельность.

Действия московской «Крови и чести» — это просто очередной пример того, как нацисты сами проваливают свои проекты. Сложно себя представить, как они могли бы еще больше расколоть ряды своего движения. Но, возможно, Голубев с самого начала был опером, на что намекает и его кличка.

Касательно «Русского Образа». Ближе к концу судебного разбирательства Тихонов заявил, что его лидер Илья Горячев (которого Тихонов сам назвал своим «бывшим лучшим другом») дал ему оружие, из которого было совершено убийство, для ремонта незадолго до ареста Тихонова. Такое заявление в конце суда было не очень убедительным. Очевидно, Тихонов всего лишь старался отомстить за показания, которые Горячев дал против него. Горячев, опасаясь то ли ментов, то ли бонов, (или же и тех, и других) сбежал в Сербию и в суде не появился. История «Русского Образа» по большому счету завершена, так как Горячева — а также других видных активистов «Образа», давших показания против Тихонова и Хасис — Ерзунова и Сапожникова — организация осудить отказалась.

«Доверенный нацист Кремля» Горячев был близко связан с Тихоновом до самого ареста последнего. Горячеву долго удавалось сидеть на двух стульях — одновременно играть роль законопослушного националиста, с которым Администрация президента может вести диалог и заниматься общими проектами через депутата Максима Мищенко и Леонида Симунина, бывшего управленца из движения «Местные», а, с другой стороны, участника подпольной боевой группы нацистов. В материалах прослушки разговоров Хасис и Тихонова упоминаются планы убийства Ивана Хуторского, некого неизвестного православного священника, чемпиона мира по тайскому боксу Муслим Абдуллаев, Андрея Бормота (бывшего члена ОБ88, давшего показания против Тихонова по делу об убийстве Александра Рюхина). Тихонов и Хасис проявляли и осведомленность о том, кто убил Расула Халилова и Илью Джапаридзе. Почти все боны, имевшие отношение к БОРНу («Боевой Организации Националистов»), сейчас выявлены ментами, фсбшниками и сотрудниками Следственного Комитета и или находятся в розыске, или в тюрьме, или же вынуждены были дать заложить своих бывших товарищей.

Первоначально Тихонов оказался на нелегальном положении, поскольку Станислав Маркелов добился объявления его в розыск после убийства антифашиста Александра Рюхина в 2006 году. Но вскоре после ареста уголовное дело на Тихонова было прекращено из-за безалаберности следователей, расследовавших убийство Рюхина по горячим следам. Между тем, сотрудники Следственного Комитета надеются все-таки привлечь Тихонова к ответственности за это убийство в ближайшем будущем.

В ходе обыска на квартире Тихонова и Хасис нашли также оружие, из которого был в сентябре 2009 года расстрелян Расул Халипов, которого тогда судили за нападение на нацистов. Оружейный арсенал семейной пары впечатляет — кроме браунинга, из которого расстреляли Маркелова и Бабурову, в нем были пистолет CZ 83, наган образца 1895 года, самодельный пистолет, автомат AKS-74U, взрывные устройства.

Судя по всему, большая часть убийств антифашистов последних лет в Москве — дело рук одной немногочисленной, но целеустремленной группы. Явное исключе-

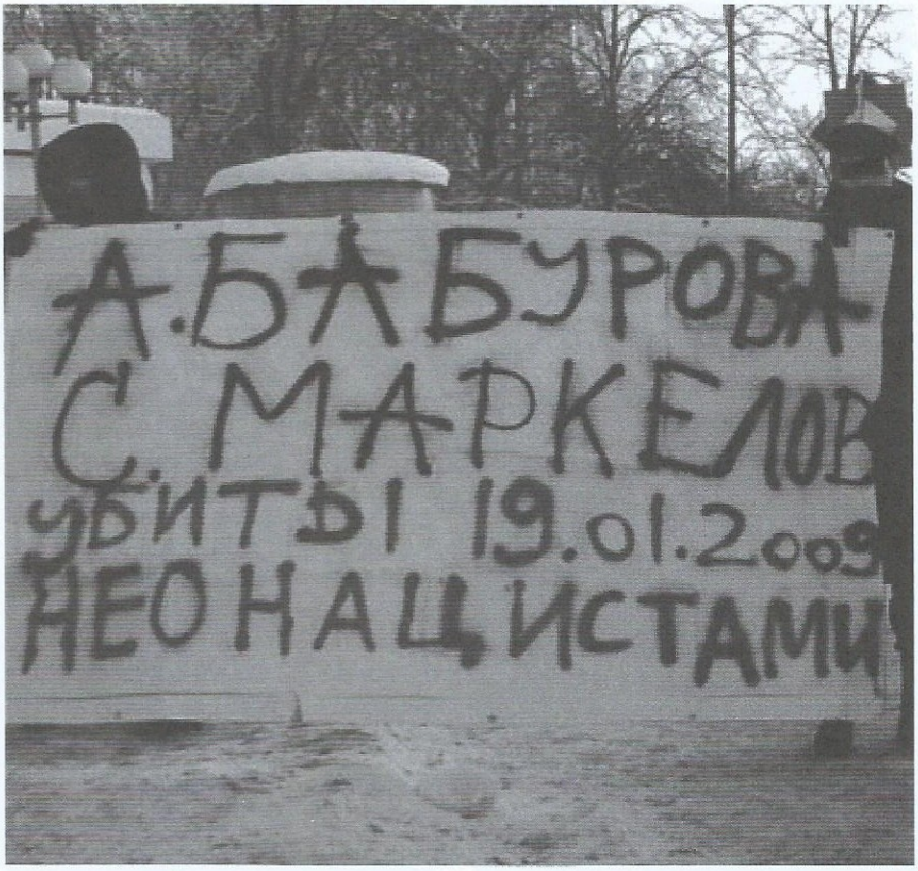
ние — убийство Алексея Крылова в марте 2008 года, это дело рук «НСО-Север», которых осудили в общей сложности за 28 убийств и множество других преступлений.

Арест этих деятелей — большой удар по подпольному нацистскому движению Москвы и России в целом, не столько из-за безвредности других групп, сколько из-за всего стукачества и предательств, которые творятся вокруг этих арестов. Каждый второй нацисткий авторитет старого закала дискредитировал себя в ходе всего этого. Это поколение фашистов настолько потеряно, что на Первомай-2011 под фашистскими флагами собрались практически только школьники и пенсионеры.

Для анархистов масштабное снижение непосредственной угрозы, конечно, означает не только облегчение, но также и вызов: у нас уже нет оправдания слабости собственного движения. И также лозунг «фашисты убивают — власти покрывают» теперь уже неактуален, по крайнее мере в Москве.

Многие представители старой советской интеллигенции крайне подозрительно относятся к итогам суда над Хасис и Тихоновым. Как же так, неужели это не было делом рук кровавых чекистов, или хоть генералов — друзей Юрия Буданова? Непонятные маргиналы на скамье подсудимых, сомнительные свидетели и сомнительные присяжные — уж точно великий заговор! Вообще этот процесс показал, что люди уже настолько не верит правоохранительным органам, что это не защите приходится теперь доказывать обществу, что дело сфальсифицировано, а обвинению — что не сфальсифицировано.

Но, несмотря на то, что людям, которые родились в Союзе сложно вериться, что вообще что-то происходит без покровительства чекистов, скорее всего, версия прокуратуры и следствия правдива. Понятно, что Кремль поддерживал Тихонова и Хасис как минимум косвенно, поддерживая «Русский Образ», но, на самом деле, убийство людей в мегаполисе, подобном Москве, не так уж сложно, и представление, что фашисты не могут этим заниматься без поддержки власти — серьезная недооценка фашистов.



Тихонов — редкий умник среди современных бонов-олигофренов. Хасис, конечно, больная но время от времени это удачно скрывает. Совместно они стали идеальными лицами «более интеллигентного» наци-террора, чем, например, сброд идиотичных каннибалов, которые собрались в НСО-Север, уж не говоря о нижегородских нацистах, которые пытались решать проблемы с учебой с расстрелом профессора. Но самую важную для ультраправых пиар-битву года они проиграли.

Касательно Голубева, непонятно, мент он или нет, но любой мент может легко внедриться в наци-тусовку и творить там столько же грязни, склок и розни, сколько Голубев творил в нацистской среде Москвы. Если у тебя достаточно понтов, наглости и мачизма, если ты изображаешь альфа-самца, у нацистов ты всегда будешь главным, вне зависимости от того, что ты на самом деле из себя представляешь.

Я не говорю, что анархисты, тем более, аполитичные антифашисты свободны от человеческих недостатков, в том числе авторитаризма. Я неоднократно наблюдал, как слабые люди завоевывали авторитет в анархической среде дешевыми приемами и манипуляциями. Или случаи, когда анархисты относились к друг другу исключительно инструментально.

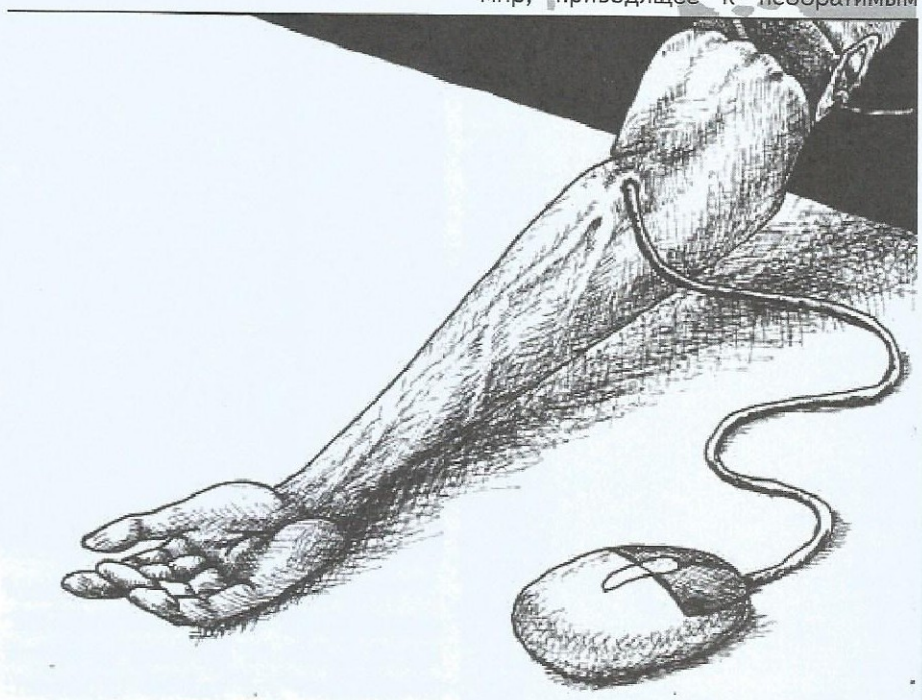
Но если донос, предательство и стукачество — закономерное последствие того, как фашисты всегда и везде относятся в том числе к друг другу, то среди анархистов манипуляции все-таки являются отклонениями от нормы. Время от времени анархисты могут также проявлять излишнюю мягкость к таким поступкам, но подобная мягкость — это ни в ком случае не слабость.

А фашизм — это везде и всегда идеология слабых. Идеология тех, кто хочет подчиняться, при этом настолько, что личные качества главаря всегда остаются на втором плане, важны только его понты и показуха. Фашизм — идеология тех, кто всегда спешит кинуть окружающих, и не признает никаких другие отношений, и боится даже идеи о том, что между людьми все может быть по иначе. Главная проблема фашизма — не его жестокость, брутальность и нечеловечность, а слабость. И все остальное оттуда же вытекает.

Андрей Эстуве

НЕ СПЕШИТЕ ПОПАСТЬСЯ В ЭТУ СЕТЬ!

(Исповедь ретрограда)



КРЕДО РЕТРОГРАДА

Китайский даос Чжуан-цзы в IV веке до нашей эры (!) писал: «У того, кто применяет машину, дела идут механически, у того, чьи дела идут механически, сердце становится механическим. Тот, у кого в груди механическое сердце, утрачивает целостность чистой простоты».

До самого последнего времени я не имел компьютера и не пользовался им. Я продолжаю бойкотировать Интернет и сегодня, и намерен держаться этого как можно дольше. За последние десять лет я так устал объяснять всем окружающим свою позицию, отвечать на высокомерно-снисходительные или ехидно-жалостливые упреки и вопросы в духе: «Что за отсталость! Что за оригинальничанье! Что за дикие мракобесные фобии гуманитария в отношении технического прогресса! Как ты не понимаешь: Интернет — это удобно! Это быстрая связь, бесчисленная информация!»

Поэтому я решил написать эту статью. В ней я не буду разбирать технические аспекты проблемы (в них я мало что понимаю), социально-экономические и политические аспекты (например, контроль за Интернетом со стороны Власти, и контроль Интернета за человеком, цензура в сети, свободное программирование и пиратство — все это особые большие темы для разговора), наконец, не буду углубляться в совсем уж метафизические дебри темы, отослав заинтересованного читателя к работам Хайдеггера («Вопрос о технике»), Адорно и Хоркхаймера («Диалектика Просвещения»), Мамфорда («Миф машины») — ибо этот уровень рассмотрения может показаться вам чересчур абстрактным и уводящим от повседневности. Я попробую поговорить о более-менее приближенных к каждому человеку последствиях повсеместной «интернетизации» — этических, психологических, эстетических. Хочу сразу предельно недвусмысленно обозначить свою позицию. Лет пять назад на очередной конференции в Прямухино Саша Шубин (один из основателей современного российского анархизма, ученый историк, большой почитатель научно-технического прогресса и очень язвительный человек), услышав мои эскапады против техники, бросил мне в лицо: «Так ты против технического прогресса? Выкинь немедленно свою шариковую ручку!» Так вот: не надо доводить мою позицию до абсурда (способ полемики — столь же эффектный, сколь и нечестный).

Я не против всей техники вообще (как анархо-примитивисты). Я лишь против апологии технического прогресса (отождествляемого с прогрессом как таковым). Я не настолько слеп, чтобы отрицать «удобство» и «пользу» от Интернета, но рассматриваю их как своего рода достоинства наживки, насаженной на дьявольский крючок цивилизации. Доводы, приводимые обычно апологетами Интернета, напоминают мне конформистскую позицию (в духе оруэлловского двоемыслия), характерную для мясоедов, которые, в споре с вегетарианцами признают, что «зверей жалко, и убивать их жестоко», но тут же добавляют: «А всё-таки мясо — вкусная штука! Все его едят — буду и я есть, не грузясь всякими неприятными мыслями!» Кроме того, для меня компьютер, Интернет — не просто «техника», вроде пылесоса или той же шариковой ручки. Это нечто несравненно большее, радикально меняющее мир, приводящее к необратимым тектоническим сдвигам в природе человека.

Поскольку я историк и философ, я знаю, что возможны нетехногенные великие культуры, концентрирующиеся не на покорении природы путем технической экспансии, а на самопознании человека, медитации, мистике, самосовершенствовании, стремлении к социальной и природной гармонии. Например, древние эллины — с их «теорией» (созерцанием), упоением красотой мира — создали великую нетехногенную культуру. Или «первобытные народы», живущие в гармонии с природой и знающие об окружающем их мире неизмеримо много — по меньшей мере, не меньше нас. Наконец, мне повезло вдвойне и втройне: я хорошо помню СССР (и не «поведусь» на мифы о великом и замечательном советском обществе), я помню Перестройку — глоток свежего воздуха на пути к освобождению (и не поведусь на нынешние гимны «стабильности»), и я вырос в докомпьютерную эру. Мне есть с чем

сравнивать. И у меня нет желания ее покидать вслед за всем прогрессивным человечеством.

Так вот. Я не призываю всех читателей бойкотировать Интернет (как делаю сам) или, тем паче, ломать компьютеры. Я лишь хотел бы, чтобы вы поразмыслили над некоторыми соображениями, которые я выскажу.

И еще. Должен честно сознаться. Я мало что понимаю в компьютерах, в Интернете. Я даже толком не знаю, чем отличаются друг от друга сайты, чаты, блоги и форумы. Если бы я (вопреки своим пристрастиям и убеждениям) пользовался Интернетом, а не бойкотировал его, тогда я наверняка знал бы все это (но ощущал бы внутренний разлад с самим собой). Однако, во-первых, совсем-таки уж ничего не знать о компьютерах и Интернете, живя в Москве, работая преподавателем и участвуя в общественном движении, все-таки (увы!) невозможно. А, во-вторых, для того, чтобы презирать попсу, вовсе не надо ходить на все попсовые концерты и следить за подробностями творческой биографии Киркорова. И для того, чтобы недолюбливать ФСБ и ФБР, вовсе не обязательно самому сначала послужить в этих почтенных спецслужбах. Как писал покойный Пригов:

«Пусть женится Попов, а мы посмотрим,-
Присмотримся со стороны».

ДОВОД ПЕРВЫЙ: О «ПРОГРЕССЕ» И «ОТСТАЛОСТИ».

Каждый раз, когда я слышу речи о «прогрессивности» Интернета и о том, что против него могут быть лишь отсталые люди, зовущие назад в пещеры, я вспоминаю одну давнюю историю. В 1997 году мы (анархисты и экологи из коммуны «Атши») боролись против строительства терминала КТК (Каспийского трубопроводного консорциума) под Новороссийском. Терминал для перекачки газа грозил уничтожить остатки дикой природы и сулил экологическую катастрофу для Черного моря. В ходе одной из акций мы (числом человек в сорок) ворвались в мэрию Новороссийска с соответствующими протестными лозунгами и плакатами. Нас пригласили в большой зал, где перед нами нравоучительно выступил зам мэра города. В своей речи он не раз повторял: «Прогресс не остановить!» столь резким и безапелляционным тоном, в котором слышались звуки эллинского Рока, что мне сразу же захотелось попытаться — и все-таки остановить прогресс.

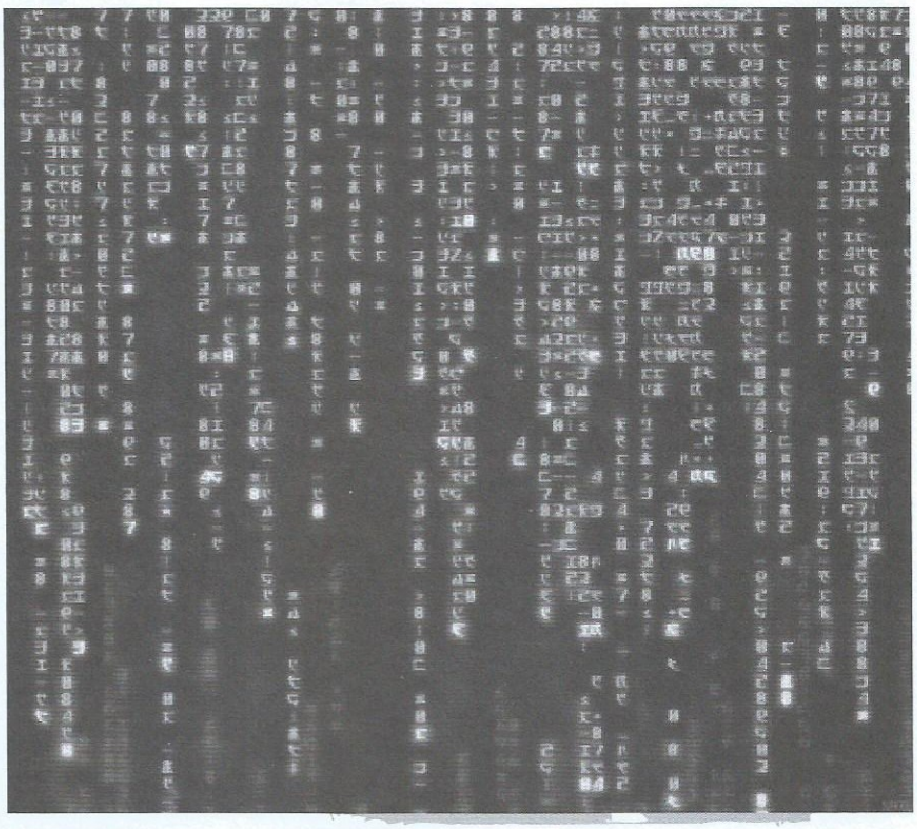
Что же это за прогресс — если он тотален, принудителен и унифицирован, как асфальтовый каток? Что же это за прогресс, если даже анархо-примитивисты, и в самом деле зовущие в пещеры и леса, вынуждены — вот ирония нашей эпохи! — агитировать против техники, прежде всего, в самом Интернете? Если даже многие свободомыслящие люди, спокойно воспринимающие идеи о возможности отказа от государства и капитализма, при этом не допускают даже мысли о возможности жить свободно от Интернета?

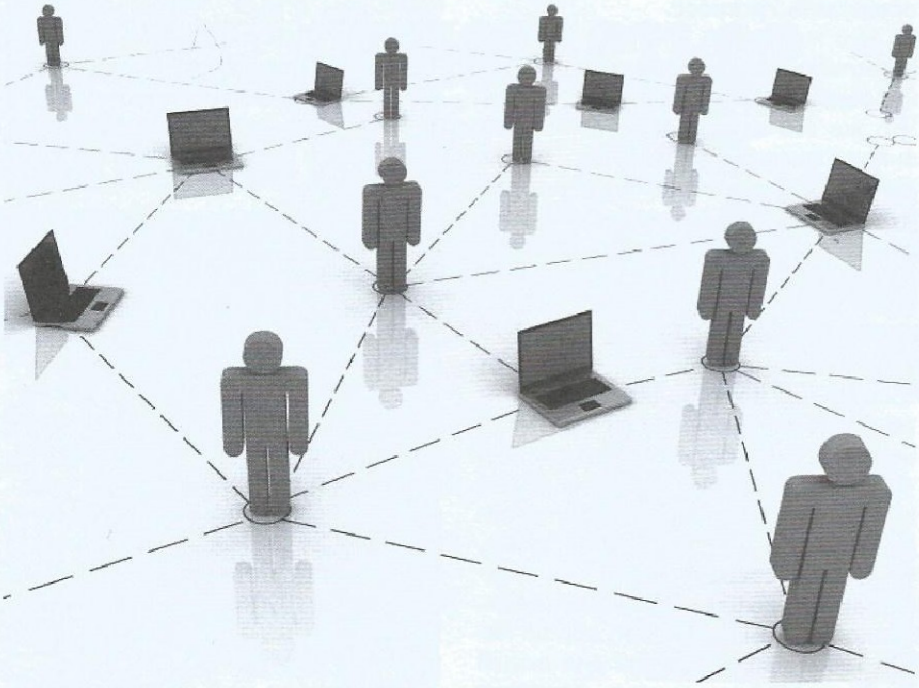
Думаю, не будет преувеличением констатировать, что Интернет сегодня — это квазирелигия, метаязык, сверхидея современности, не подвергаемая рефлексии и сомнению. (Подобно тому, как лет сорок назад такой квазирелигией для людей были полеты в космос, освоение Марса и Венеры). Вокруг Интернета сейчас формируется мода, язык, культура, целая индустрия, структурируется (не осознавая этого) поколение. «Фэйсбук, твиттер»... — слова множатся, заполоняют, обустраивают мир по-свойски, вытесняют из него другие — старомодные — слова и ценности. В эпоху тотального краха модерна и господства постмодернистского релятивизма (когда ценности прогрессизма, сциентизма и рационализма обанкротились в катастрофах XX века) Интернет, компьютер — лебединая песнь и последняя ставка умирающей цивилизации Нового времени. Сколько футурологов, подобно О.Тоффлеру, верят в их чудодейственную силу в деле преодоления метастаз индустриализма: рухнут национальные государства, бюрократия, урбанизм, прекратится разорение природы — и воцарится... Почти анархия с творческим трудом и сетевым принципом организации социума.

Подобно тому как сто лет назад эпигоны марксизма свято верили в то, что появление огромных заводов и могучих машин приведет человечество к коммунизму! Блажен, кто верует, тепло ему на свете! Насколько, однако, безобидна эта слепая вера, не знающая сомнений и не терпящая оппонентов? Чтобы понять это, надо послушать другие догматы веры поклонников Интернета. Довод второй: удобство и скорость.

Это удобно. Это ускоряет жизнь. Дает доступ к колоссальной информации. Облегчает жизнь и расширяет возможности... Да! Да? **Старая даосская мудрость учит нас, что всякое обретение — это всегда одновременно и потеря. Что же мы обретаем, и что утрачиваем посредством чудодейственного Интернета?**

Теперь у нас — все под рукой. И ничего в голове. Зачем память, когда есть компьютер? Зачем размышлять над сотнями вопросов, когда в Сети уже заготовлены тысячи ответов, огромное море избыточной,





ненужной информации, в которой тонет все нужное, добытое самим человеком? Обществу потребления, массовому отчужденному и атомизированному обществу, обществу идеологий, обществу бюрократизации и коммерциализации, обществу политтехнологий, обществу, штампующему стандартизированных «специалистов» и питающемуся готовыми истинами, обществу тестирования и ЕГЭ, короче, нашему обществу — Интернет пришелся как нельзя более кстати.

Быстрее, успешнее, больше — вот он, девиз тараканьих бегов, из которых постепенно кем-то ткется наша жизнь. Главное, не задумываться, не останавливаться, не уходить в себя! Какое море обезличенной информации — излишней, непередуманной, несоизмеряемой с человеком, отчужденной. Все важное тонет в информационном шуме, формируя бездушие и клиповое мышление. В вузах рефераты, курсовые, даже дипломы и диссертации скачиваются из Сети — и обессмысливаются. Это как в том анекдоте, где один землекоп копает яму, а другой сразу закапывает, поскольку третий — кто кладет в яму трубы, ушел в запой и не вышел на работу. В нашем случае этим третьим — выпадающим — звеном является человек как таковой. Преподаватели дают задания, студенты — не приходя в сознание, не читая, не размышляя, не сочиняя, не конспектируя — сдают «результаты». Полная компьютерная самодостаточность, машинная идиллия. Выпадает одно — главное — звено, и все утрачивает смысл. Среди моря информации студенты на глазах (свидетельствую, как преподаватель) глупеют. (Также как нищает среди изобилия товаров общество потребления вообще).

Чтение, конспектирование, работа с книгой, обдумывание докладов и рефератов требовали от них усилий и вдумывания-вчувствования. Сейчас — это не нужно. Торжествует логика технизации, обезлички, упрощения, потребления, комфорта. Главное: расслабиться и не напрягаться. Кушать, что дают.

Быстрота, гонка, темпы, ритмы. Интернет формирует (и отвечает ей) ориентацию на спешку, успешность, потребление препарированной информации, на конформизм (надо идти вместе со всеми в ногу с прогрессом, ни о чем не спрашивая и ни в чем не сомневаясь). Человек эпохи Интернета — идеальный потребитель, лояльный подданный, отличная деталька в Мегамашине массового общества. Довод третий: безграничная коммуникация.

Интернет: удобный способ коммуникации. Он связывает людей на разных концах планеты, создает новые сообщества, преодолевает одиночество и разобщенность. Разве с этим поспоришь? Меня поражает удивительное явление: когда мы, анархисты, еще изредка сходимся на собраниях (оповещается о коих, конечно же, по Интернету), значительная часть обсуждения сводится к тому — кто под каким именем действует в Сети и какие скандалы в ней происходят (говорят, Интернет-общение способствует дрязгам и хамству — в Интернете можно позволить себе то, что не позволишь вживую, к тому же эти дрязги и свары имитируют жизнь и подменяют борьбу и действие). Всеобщая имитация и виртуализация засасывает людей, как воронка. В Интернет уходит революция и поэзия.

Там знакомятся, ссорятся, любят и едва ли не заводят детей. Там стерилизуется и просеивается все живое, спонтанное, непосредственное. «Одиночество в Сети» — та еще проблема. Мне кажется, что человек ощущает большее отчуждение и одиночество в метро, среди людского муравейника, чем в лесу, в уединении. Точно также и в Интернете — в мире неподлинной коммуникации, где стирается зыбкая грань между внутренним и внешним, настоящим и виртуальным, личностью и ее масками, брэндами и сутью, идеологией и живой мыслью, где все на виду и никому ни до кого нет дела. Что же это за коммуникация такая? Не удивительно, что в мире асфальтовых джунглей и соков, «идентичных натуральным», и общение в Интернете тоже — «идентичное натуральному».

А ведь не хочется говорить об очевидном и общеизвестном, о чем говорят все, даже сторонники технического прогресса: о мании игр-«стрелялок», о засилии порносайтов, об нтернет-зависимости как доминирующей над другими форме наркомании и бегства от остатков реальности. О том, что нынешние дети, не читающие книг и не гуляющие во дворе, но овладевшие компьютерной мышью еще до того, как научатся ходить и говорить, испытывают проблемы в общении и социализации, попав в школу. Интернет носит компенсаторный характер, подменяя и компенсируя — что? Все! Жизнь... Эрзацы, симуляции, подмены — вместо дела. Болтовня и пустая «информация» — вместо общения. Условность, искусственность и неподлинность всего — общения, чувств, людей. Личность отчуждается, вытесняется в сеть, теряется за разными «никами». Шизофрения и утрата идентичности, невозможность отличить клюквенный сок от крови, неспособность мыслить и чувствовать — все это, безусловно, заслуга не только Интернета, но и его тоже.

Удивительно — как это наши предки (да что предки, даже мы — те, кто постарше) жили без Интернета? Как они общались, знакомились, откуда узнавали новости? **Им, бедным, видите ли, приходилось читать и конспектировать книги (а не скачивать мегабайты непере-**

варенной информации с сайтов), ходить друг к другу в гости и собираться вечерами на кухнях (а не на форумах), гулять по дворам и паркам (а не проводить круглые сутки за компьютерными играми и интернет-обсуждениями, легко обретая свое нехитрое счастье и дешевую виртуально-солипсистскую самодостаточность). Им приходилось общаться со своими детьми и читать им книги вслух (вместо того, чтобы просто подпустить их к компьютеру и на весь день забыть об их существовании), ходить в библиотеки и театры (а не выходить в сеть за нужным «контентом»), выражать свои политические протесты на площадях и улицах (а не выпускать пар своего негодования в отважных репликах и комментах в сети). Они даже, говорят, писали письма на бумаге и вели дневники исключительно для себя одних (в целях саморефлексии) — не то, что нынешние прогрессивные ЖЖ, открытые всему миру нараспашку и окончательно вытесняющие человеческую душу вовне! Неспешность, медитация, интимность, самоуглубление, подлинный разговор (а не просто «обмен информацией») исключаются в суетливом и поверхностно-отчужденном мире.

ДОВОД ПОСЛЕДНИЙ: СРЕДСТВО ИЛИ ЦЕЛЬ?

На все мои критические замечания в адрес Интернета у его приверженцев готов последний довод. «Но ведь Интернет, это всего лишь орудие, инструмент, средство, — говорят они. — Если ты умный взрослый человек, — будешь проводить в нем час в день, а не круглые сутки, не будешь тратить время на дурацкие игры и пошлые порносайты, то он так и останется средством в твоих руках, не так ли?» Нет, не так. Разве буржуа не говорят, что для них богатство — лишь средство для обретения свободы, комфорта или занятий филантропией, разве политики не клянутся, что для них власть — всего лишь орудие, чтобы делать добро и служить людям, разве большевики не клялись, что для них диктатура — только временный инструмент для построения коммунизма? Анархисты и даосы хорошо знают, что средство — всегда не менее, а более важно, чем провозглашаемая цель. Средство во многом определяет цель, меняет ее — часто до неузнаваемости.

Наука и техника Нового времени — совсем не нейтральны (и вовсе не случайно они служат бюрократам, спецслужбам и военным, способствуют зомбированию людей и разрушению природы, несут в себе волю к власти и доминированию, установку на эффективность, а не на истину, красоту и добро). Без их разрушения и сущностного преобразования либертарная культура невозможна. Атомная энергетика чудовищна не только своей милитаристской ипостасью (Хиросима), но и своей мирной ипостасью (Чернобыль, а сейчас и Фукусима). Поистине: «Атом мирным не бывает!» В искусственном мире техносферы все отчуждается. Меняется речь, сознание, представление о реальности, ритмы человеческой жизни, характер межличностного общения. (См. цитату из Чжуан-Цзы в начале статьи). «Человек-Машина», воспетый в XVIII веке французским просветителем Жюльеном Ламетри, становится все более осязаемым.

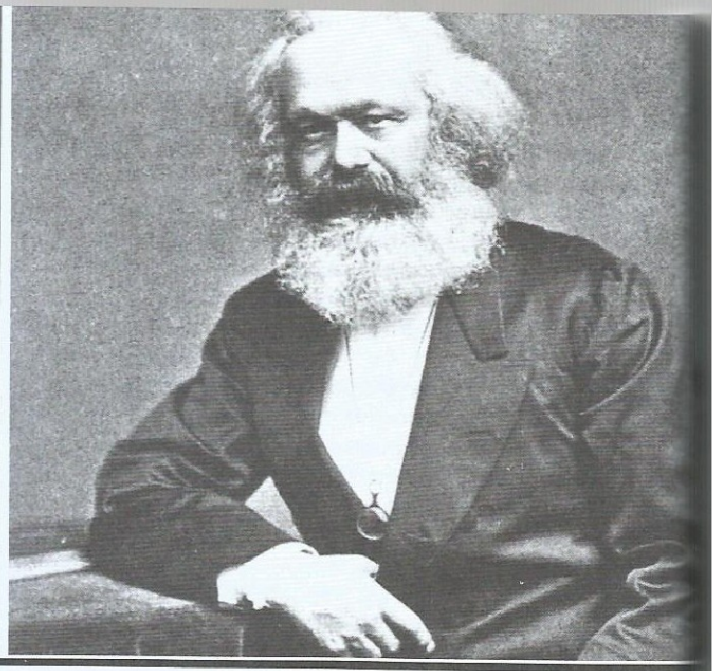
Знаменитое восклицание продаваемого на невольничьем рынке Диогена Синопского: «Кто желает купить себе господина?» относится к Интернету даже в большей степени, чем к автомобилю или даче. Это подтвердит любой человек, вступивший в эту зыбкую реальность, ежедневно переписывающийся невесть с кем невесть о чем, обреченный все время проверять электронную почту, читать тонны разного информационного мусора, как всякий раб одновременно и ненавидящий своего господина и не мыслящий жизни без него.

Почему я не пользуюсь Интернетом? Вовсе не из гордыни и не из стремления выделиться. А потому, что я люблю ходить в гости, вести долгие ночные разговоры, получать письма. Да, да я посылаю и получаю бумажные письма, написанные ручкой на бумаге и присланные по почте — отнюдь не электронной, люблю видеть глаза собеседника и слышать его голос. Люблю неспешно и совершенно бесцельно бродить по улицам и размышлять о чем-то бесполезном, но милом сердцу. Я веду дневник — бумажный дневник для себя, а вовсе не ЖЖ для всех. У меня есть друзья — настоящие друзья, а не «фрэнды». Я хотел бы и дальше оставаться в этой реальности — пусть неказистой, несовершенной, но своей и реальной реальности, а не стремиться в ту другую, виртуальную, только потому, что в нее вдруг ломанулось все прогрессивное человечество. Мой личный бойкот, конечно, не остановит триумфальное шествие Интернета, захватывающего все новые страны и пласты жизни, и не спасет мир от нарастания технократии, суетливой виртуальности и дешевой искусственности. Но это не блажь ленивого ретрограда, а осмысленный опыт личного выбора. Кому, как не анархистам, понять это?

P.S. Напоследок расскажу мой любимый анекдот «в тему». Идут два бедуина с верблюдами по пустыне, по которой проложена железная дорога. Один идет прямо по рельсам, ведет верблюда на поводу, второй едет рядом. Вдруг что-то зашумело, загрохотало — мчится поезд. Первого бедуина, который шел по рельсам, поезд сбил насмерть, а второй еле уцелел. Вот он вечером достигает стана своего племени. Шатры, ковры, жены, — все, как положено. Вот одна жена выносит своему господину самовар. Бедуин хватает палку и начинает избивать самовар. Оцепеневшим женам он поясняет: «Их надо убивать, пока они маленькие!»

Петр Рябов

ТЕОРИЯ



ЛИБЕРТАРНАЯ МНОГОГРАННОСТЬ

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ АНАРХИЗМА

Современный анархизм представляет собой не только совокупность либертарных практик, но и череду отчаянных попыток обосновать безвластие как особого рода мировоззрение, в котором свобода и нравственность не вступают в противоречие, а составляют общее органическое единство. Практика анархистов многогранна по специфике и исторически многовариантна. В ней есть как «непротивленческое» направление, так и радикально-террористическое. Используются как пропагандистские методы, так и откровенно бунтарские. Синтезируя в себе всю палитру культурных ценностей, история мысли знает как революционный анархизм на манер Бакунина-Кропоткина, так и мистический анархизм Чулкова-Карелина. История вбирает в себя как анархическую практику, так и анархическую теорию.

Действительно, где заканчивается теория, а где начинается практика? Теоретики анархизма зачастую были активными общественными деятелями, их поступки в жизни не всегда соответствовали тому, что они декларировали, но в то же время они пытались своим примером продемонстрировать жизненность своих социально-философских и экономико-политических концепций. Вместе с тем, анархисты-практики часто занимались публицистической деятельностью. Ярлык «теоретика» закреплялся за той или иной личностью лишь в силу доминирования в ее деятельности теоретического начала. В целом же, анархическая теория складывалась достаточно хаотично без какого-либо серьезного методологического каркаса, опираясь, прежде всего, на богатство либертарных практик, произведенных стихией освободительного движения по всему миру.

АНАРХИЗМ И МЕТОДОЛОГИЯ

Тем не менее, говорить о том, что в теории анархизма не встречаются попытки построить свою особую методологию, нельзя. Михаил Бакунин кидался то в сторону гегельянской диалектики, то исповедовал позитивизм, и, в конце концов, почти изобрел свою философию жизни задолго до Бергсона и Ницше. Петр Кропоткин уже целенаправленно уделял особое место в своих сочинениях вопросу о методах в анархизме, с одной стороны, критикуя диалектичность Бакунина и Штирнера, с другой, акцентируя внимание на позитивистских корнях анархического миросозерцания. По его мнению, гегельянская основа в анархической теории — дурной вымысел, так как философия Гегеля, в конечном счете, сводится к блужданиям в области метафизики, в то время как анархистам нужна твердая почва, которую он предлагал создать на основе позитивизма Конта-Спенсера, а также традиции естественно-научного реализма. Если взглянуть на то, что происходило в анархизме первой трети XX века, мы увидим достаточно богатую палитру различных концепций в вопросе о методологии в одной только отечественной теории анархизма. Алексей Боровой предлагал порвать со сциентизмом Кропоткина и обратиться в сторону интуитивизма и философии Анри Бергсона, мистики Чулков и Карелин обращались к мистическим практикам как своеобразным методам в области анархизма, биокосмисты шли дальше и искали синтез науки и веры. Список можно было бы продолжать и дальше, однако обратимся к сущности вопроса о методах в теории анархизма.

ПОЗНАНИЕ И ИЗМЕНЕНИЕ

Прежде всего, необходимо различать методы, применяемые ради изменения действительности, и методы, применяемые в теории познания действительности с целью ее изменения. Если с первой разновидностью методов у анархистов особых проблем нет, то со второй наблюдается явная нехватка продуманного и цельного видения того, что анархисты собираются изменять. Имея смутное представление

о причинах возникновения власти как особого социокультурного феномена, о том, что из себя представляет общество как система социальных отношений, о том, что лежит в основе изменения отношений человека и мира в истории, анархисты-революционеры сразу кидаются разрушать государство, создавать альтернативные формы общества и протестовать против всего, что почти на интуитивном уровне им кажется авторитарным и нелибертарным.

Смутность этих представлений зачастую компенсируется пафосом освободительной миссии, которая часто составляет альфу и омегу смысла жизни любого анархиста. Эта тотальность идеи освобождения отчасти связана с родственными отношениями между анархизмом и утопическим социализмом. Имея опыт Великой французской революции, с ее парадоксами и политическими метаморфозами, когда идеи свободы и равенства оборачивались диктатурой и иерархией, те, кто впоследствии стали называть себя анархистами, требовали от себя максимума усилий, чтобы принципы социализма ни в коей мере не смогли обернуться своей противоположностью. Ощущая себя продолжателями и наследниками утопического социализма, они стали называть себя либертарными социалистами, то есть социалистами против власти. Однако, как мы знаем, далеко не все приверженцы социализма после Великой французской революции стали анархистами. Максимализм сторонников либертарного понимания социалистического учения стал краеугольным камнем в отношениях с социалистами, которые в той или иной мере все же власть признавали. Одной из причин их разногласий стал вопрос о методологии, о чем речь будет идти чуть позже.

Думать, что анархизм чувствовал себя в области методологии уверенно, значит заблуждаться или врать самому себе. Анархическая теория постоянно нуждалась в заимствовании идей о методе у более авторитетных источников, чем она сама. Приведем здесь самые крупные:

1) Позитивизм. Получив серьезный идейный импульс от деятелей эпохи Просвещения, анархизм увидел в позитивистской философии то стремление побороть власть призрачной метафизики над умами людей, которое искал, но не мог найти в работах просветителей. Политический принцип федеративности и территориальной интеграции явно хорошо сочетался с идеей научного синтеза в позитивизме. Долгое время анархистов пленял отрезвляющий и прогрессистский настрой представителей положительной философии. То, как объяснял мир позитивизм, анархистам казалось убедительным и, главное, раскрывающим новые горизонты для своей либертарной практики (от распространения естественнонаучного реализма как альтернативы теологии до создания интегрированного и общедоступного знания о Вселенной).

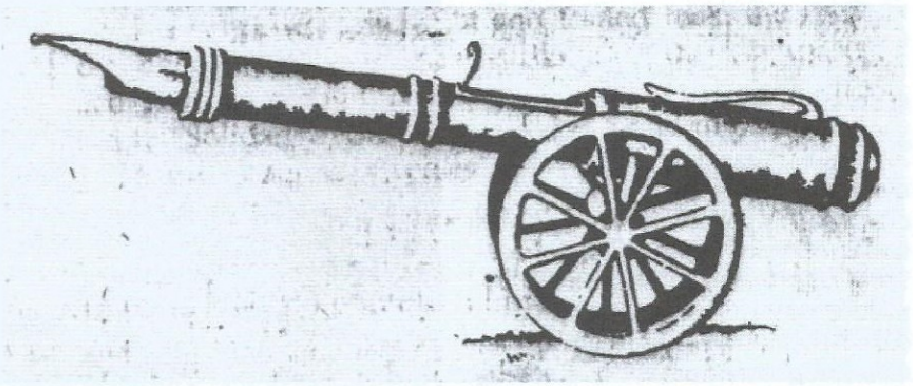
2) Гегель. В отношениях анархизма с Гегелем мы наблюдаем потребность анархической теории, с одной стороны, раскритиковать гегельянский метод как наивную веру в существование какой-то таинственной логики мира, с другой — позаимствовать этот метод для его дальнейшей трансформации, сосредоточив свое внимание на идее негативной диалектики. Тотальная всеохватывающая методология Гегеля сочеталась с максимализмом анархической теории, требовала полнейшего изменения мира на абстрактных, как и философия Гегеля, принципах свободы, равенства и солидарности. Идеи спекулятивного отрицания и синтеза имели серьезную силу в вопросе критики действительности, что, конечно же, сильно привлекало анархизм.

3) Маркс. Марксистский метод познания действительности был серьезным соблазном для многих анархистов стать приверженцами философии Карла Макса. История знает случаи, когда такое происходило. В частности, некоторые анархисты становились троцкистами, как это было в первой половине XX века. Марксизм сочетал в себе как высокое теоретизирование, так и разъяснение многих конкретных проблем эпохи. Язык его философии не требовал от читателя широкого кругозора в области научного знания, как позитивизм, и не предполагал серьезной философской подготовки, как гегельянство. Тотальность методологии Маркса и ее нацеленность не только на объяснение мира, но, прежде всего, на его изменение, опьяняла многие умы того времени. Анархистов же соблазняла, в первую очередь, системность понимания социально-экономических отношений в обществе.

Такая системность указывала на болевые точки в существующем политическом строе и экономической эксплуатации. Другими словами, марксизм дает инструменты для познания действительности, используя которые мы постепенно начинаем видеть указатели для непосредственных действий по изменению мира.

ЗАКОН КАК ПОСРЕДНИК

Анархическая теория часто рассматривалась социалистами как нечто заранее утопическое и недееспособное. Анархисты отчаянно боролись с таким предубеждением, но никаких аргументов, кроме ссылок на свое видение природы человека, они привести не могли. Если социалисты в той или иной степени пытались ориентироваться на сформулированные ими законы общественного развития, то анархисты — на выводы из собственных рассуждений о сущности человеческой личности и роли свободы в жизни социума. Убежденность социалистов произрастала из веры в истинность результатов их исследований, убежденность анархистов — из веры во всемогущество стихийности жизни, волну кото-



рой, как они считали, им удалось «поймать». Антиинтеллектуализм, о котором говорит Пол Эврич, характерен анархистам не столько в вопросе о возможности построить научный коммунизм, не столько в дискуссиях с марксистами о существовании объективной логики истории, сколько в самой сущности анархизма как особого рода философии. Анархисты не терпят никаких посредников ни в области политики, ни в области познания. Закон — это всегда нечто сформулированное, выражающее постоянство связей между явлениями, и единовременно он нечто, что накладывает сетку ограничений на действительность.

Как уже показал Бакунин, понятие закона появилось благодаря разрастающейся в культуре роли юриспруденции. Закон внушал человеку веру в постоянство явлений природы, но вместе с тем, являл собой образ посредника между нами и миром. Природа, рассматриваемая сквозь призму законов — это нечто упорядоченное, имеющее иерархию, власть и границы того, на что человек имеет право, и на то, что права не имеет. Именно это анархистов и не устраивало. Бакунин страстно протестовал против концепции общества по Конту, в котором власть отдается в руки ученым, Штирнер видел в формулировании законов производство очередных призраков и пустых абстракций, Кропоткин же пытался вывести науку из пыльных кабинетов в лоно жизни, чтобы, таким образом, разрушить науку как нечто закостенелое и не имеющее отношение к действительности. Словом, закон, каким бы он ни был, всегда если не отрицался, то вызывал чувство глубокого раздражения у анархистов. В этом вопросе стихийность анархизма часто совсем не уживалась со стремлением многих социалистов построить свою картину мира, в котором присутствовали бы ими «одобренные» природные и ими выведенные общественные законы.

МАРКС КАК МЕТОДОЛОГ

«Философы, — писал Маркс в начале своей карьеры, — лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».

Это высказывание стало своего рода лозунгом марксистской философии. Акцентируя внимание на практическом аспекте своей концепции, марксисты будто бы решили, что в состоянии поменять ход вещей, добавив к идее познания необходимость переустройства мирового порядка. Довольствуясь популярностью своих концепций, они стали мыслить себя в качестве тех, кто действительно вскрыл болевые точки погрязшего в пороках общества. А чем могли похвастаться анархисты, кроме своей неуемной энергии и жажды жизни? В отношениях с марксистами у них было две позиции: либо игнорировать успехи марксизма на поприще методологии (что сделал Кропоткин, например), либо выражать глубокое уважение (что явно прослеживается в работах Гроссмана-Рощина). Однако такое отношение не может быть продуктивным.

Да, действительно, Марксу и марксистам удалось создать свой уникальный метод познания, с помощью которого они построили свою специфическую и во много интересную картину мира. Им также удалось достаточно убедительно показать механизм эксплуатации, теневую сторону капиталистической экономики и политическую недееспособность имеющейся власти. Однако структура воплощения марксизма в жизнь уходит недалеко от системы позитивизма, то есть первоначально — исследование, а затем непосредственная практика. Маркс считал, что параллельно с тем, как теория выявляет истинное лицо современного социума, революционеры будут строить исходя из этого свою схему действий по изменению мира. С одной стороны, революционные марксисты ориентировались на результаты исследований, проделанные такими же марксистами, как и они (либо одобренными Марксом немарксистами), создавая, таким образом, внешнее единство теории и практики, с другой — не понимали, что вся совокупность их действий разрывается внутри себя на исследование и попытки воплотить результаты исследования в жизнь. Таким образом, внутри марксизма наблюдается явный методологический разлом между познанием мира и его изменением.

АНАРХИЗМ КАК САМОМЕТОДОЛОГИЯ

Долго прячась за позитивизм, гегельянство и многим другим, анархисты так и не создали своего исключительного теоретического ядра, в котором существовал бы раздел, посвященный уникальным методам познания действительности. Может показаться, что анархизм вообще не способен познавать мир своим исключительным способом, вечно используя подручные средства других социально-философских концепций. Однако давайте обратимся к сущности вопроса и вспомним, а что же в методологии анархизма есть вообще специфическое? Есть ли в анархизме особого рода методы по борьбе с мировой несправедливостью и несвободой?

Да, есть. Здесь можно вспомнить как принцип прямого действия, так и DIY-принципы, как практику Food not bombs, так и практику анархо-коммун, а также многое другое. Таким образом, не имея своей уникальной методо-

логии в области теории познания, тем не менее, анархисты выработали огромное количество практик по воплощению своих идеалов в жизнь, создавая особую методологию в сфере практического.

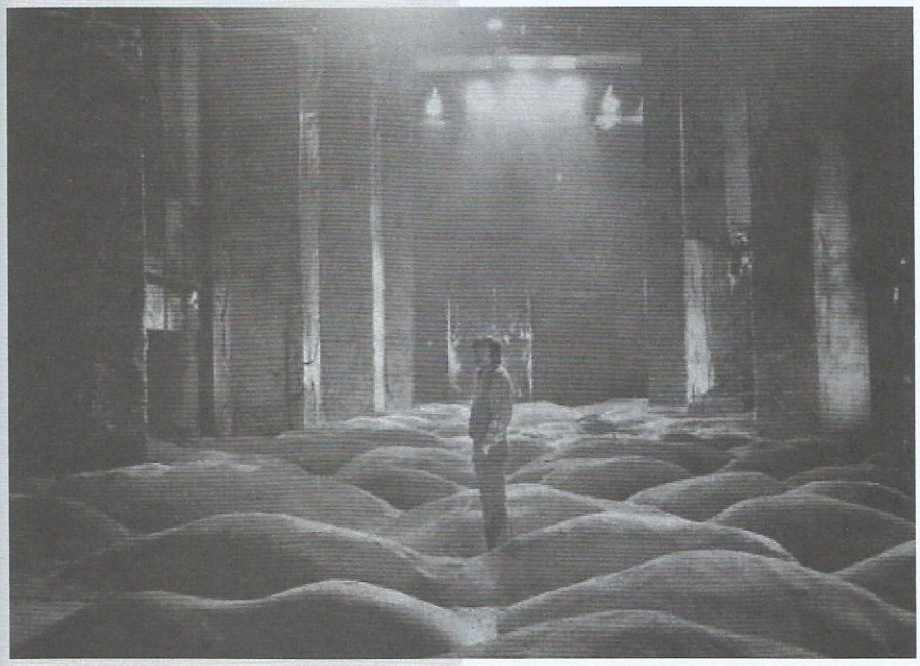
Почему анархизм не растерял свою специфичность, пока прятался за теоретические методы позитивизма, гегельянства и прочих? Обычно полагают, что сфера теории познания и область практической методологии должны быть каким-то образом взаимосвязаны, тем более, если речь идет о целом направлении в человеческой мысли, а не о локальной авторской концепции. Однако тут мы видим, признаемся честно, что теоретические методы анархизма редко отличались каким-то новаторством. Синтезируя уже имеющиеся версии методологических конструктов, он искажал их по-своему, адаптируя их под своё интуитивное миропонимание. Но если область познания всегда оставалась в анархической теории чем-то смутным и неясным, то сфера практического обычно смотрелась достаточно ясно специфичной и уникальной. Однако как это уживается с тем, что анархизм до сих пор мыслится как органически целое, несмотря на многообразие направлений внутри него?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к проблеме самопознания в контексте анархического миросозерцания. Анархисты, как правило, провозглашая принцип прямого действия, редко обращали внимание на внимательную рефлексию и детальное самопознание, выражая постоянство практики. Скорее всего, даже современный анархизм еще в малой степени прозрачен для самого себя. Во многом это связано с гипертрофированной общественной активностью анархистов, исключающей возможность найти время для теоретической реконструкции своей философии, однако и это не главное.

Анархизм с одной стороны, это не новомодное явление в культуре, с другой — это постоянное и вечное становление едва уловимых идей-ценностей, таких, как свобода и справедливость. Тем не менее, видно, что познание действительности реально происходит, либертарные практики не застывают на месте, а продолжают развиваться и порождать новые. И это заслуга не группы теоретиков, а всех, кто относится к анархизму в той или иной степени, в целом.

Если Маркс, утверждая необходимость изменения мира, все же последовательно ставил на первое место исследование, то анархизм бессознательно исходил из того, что любое действие уже содержит в себе некоторое исследование. Другими словами, анархическая практика, направленная не на познание мира, а на его изменение, в то же время выполняла всегда и познавательную функцию. Такая стихийность познания, естественно, не предполагала формулирование каких-либо законов развития природы и социума, но органично составляла общую методологию для анархизма, в котором любая практика порождает множество концепций для последующих действий, и так далее.

Таким образом, мы наблюдаем целостность и сплоченность в вопросе метода, а не разрыв, который присутствует, например, в позитивизме и марксизме. Взгляд на методологию со стороны анархизма — это примат действия над мыслью. Мир необходимо изменять, чтобы начать понимать его. Как у Хайдеггера, анархизм базируется на некотором пред-понимании того, что следует понять ясно и отчетливо, но в отличие от онтологической герменевтики, он стремится не углубляться в сложную спекулятивную аналитику, а порождать познание из недр коллективного либертарного духа свободы. Действие и исследование сливаются всецело в понятиях «борьбы за» и «бунта против». Такая методология не относится ни к условно «теоретической» части анархизма, ни к «практической» его компоненте. И в этом нет ничего удивительного, так как стихийность анархизма не предполагает какой-либо внятной структуры внутри себя, будь то система функционирования теории и практики, метода и средств. Анархизм разворачивается как особая сама-себе-методология, не отрефлексированная, но имеющая место быть в качестве таковой.



Конечно, такой взгляд на методологию анархизма сложно представить с хмурыми бровями и серьезной миной на лице. Произвольно на ум приходит традиционный пример детского любопытства, когда очень хочется расковырять розетку вилкой/ножницами/любым острым металлическим предметом, чтобы потом узнать, что такое электричество. Да, действительно, все это вызывает чувство умиления. Однако наивность такой методологии компенсируется честностью и неугомонным желанием жить без каких-либо преград между тобой и миром, будь то научные трактаты или запреты родителей. Анархист хочет узнать все сам и на своем опыте понять, что такое жизнь в ее многообразии. Что касается девственного любопытства, то разве не это сейчас находится под угрозой исчезновения в нашем обществе иерархий и симуляций?

Николай Герасимов

ПОВСТАНЧЕСКИЙ АНАРХИЗМ

Эта статья о «повстанческом» («мятежном», «инсуррекционистском» и.т.д.) анархизме была публикована в последнем, в десятом номере замечательного журнала движения "Earth First!" в Великобритании в далеком 2003 году. Тогда новые теоретические идеи «повстанческого анархизма» были еще относительно неизвестны вне северного Средиземноморья (Испании, Италии, Греции), где сегодня проживают самые «горячие» анархисты. С тех пор прошло много времени, и в том числе в бывшем Советском Союзе появились «повстанческие» сайты, подпольные группировки.

«Автономное Действие» и журнал «Автоном» не перечисляет себя ни к «повстанчеству», ни к синдикализму, ни к каким-то другими самоопределениям либертариев, которые исходят из их рода деятельности. Идейно мы — либертарные коммунисты, но методы его продвижения каждый участник выбирает сам, и среди нас есть сторонники самых разных подходов. Многие среди нас относятся весьма критично к идее «атаки вне зависимости от условий», и к другим тезисам «повстанческого анархизма».

Но эта тенденция — неоднородная, быстро развивается и повстанческие мыслители сочиняли большую часть самых интересных трудов по теории анархизма последних трех десятилетий. Следовательно, необходимо дать пространство этим идеям в том числе на страницах «Автонома», как мы собственно уже сделали — в «Автономе» #28 мы публиковали текст Альфредо Бонанно «Анархизм и проект восстания», и в Автономе #29 критику итальянских повстанцев «Империи» Антонио Негри и Майкла Хардта «Варвары — беспорядочное восстание». Продолжение текста читайте 34 номере нашего журнала.

«Начиная с определенной точки, возврат уже невозможен. Этой точки надо достичь.»

Франц Кафка

Для нас, анархистов, вопросы «как действовать» и «как организоваться» тесно связаны. Именно эти два вопроса, а не вопрос о желаемой форме будущего общества, дают нам наилучший из существующих способов понимания различных форм анархизма.

Повстанческий анархизм — одна из таких форм, хотя необходимо подчеркнуть, что повстанческие анархисты не представляют собой единый блок и чрезвычайно сильно разнятся в своих ожиданиях. Повстанческий анархизм — это не товар на капиталистическом рынке идеологий и мнений. Это, скорее, действуюшая практика, нацеленная на то, чтобы положить конец власти государства и продолжению капитализма, требующая анализа и дикуссии для развития. Исторически, большинство анархистов кроме тех, кто верил, что общество сможет развиться до такого уровня, что оставит государство в прошлом, считали, что определенный род повстанческой деятельности необходим для преобразования общества. Проще говоря, это означает, что уничтожить государство должны угнетенные и изгои, следовательно, анархисты должны атаковать государство, ибо ждать, пока оно исчезнет само — это поражение.

Здесь мы приводим выводы, сделанные нами и некоторыми другими повстанческими анархистами из этой главной проблемы: если государство не исчезнет само по себе, то как мы должны положить конец его существованию? Повстанческий анархизм фокусируется на организации атаки. Соответственно, прилагательное «повстанческий» не отображает особую модель будущего. Анархисты, полагающие, что нам необходимо пройти через период повстанчества, чтобы избавить мир от институтов власти и угнетения, при этом имеют множество различных мнений о форме будущего общества — они могут быть анархо-коммунистами, индивидуалистами или, например, примитивистами. Многие вообще не предлагают никакой особой единственной модели будущего, так как считают, что люди сами выберут множество всевозможных форм общественного устройства, когда у них появится такая возможность. Они критически относятся к группам, склонным считать себя «носителями истины» и пытающимся навязать свои идеологические решения общественных проблем. Наоборот, многие повстанческие анархисты считают, что именно через самоорганизацию в борьбе люди научатся жить без

1) См. «Единственный и его собственность» Макса Штирнера
2) Анархисты, полностью отворачивающиеся от прямого действия, использующие локальную политику, чтобы попытаться добиться реформ и создания «управляемых анархистами» городов.

институтов власти.

Также существует другое понимание термина «повстанчество», исходящее из определения Макса Штирнера — немецкого философа и индивидуалиста XIX века, разделявшего бунт и революцию [1]. Согласно Штирнеру, революция подразумевает переход от одной системы к другой, тогда как бунт — это восстание, причина которого в недовольстве индвидуумов своей жизнью, и целью его человек ставит не построение новой системы, а создание желаемых отношений. Обе этих основных концепции повстанчества сформировали повстанческий анархизм.

В этой статье мы прежде всего рассмотрим некоторые основные положения этих двух концепций. Затем, по мере вырастания этих идей из практики борьбы и конкретных опытов, мы продолжим объяснять эти идеи в контексте их исторического развития. Так как повстанческие анархисты в настоящее время проявляют активность во многих частях света, на нас особенно влияют практика и теория таковых в Италии и Греции, являющихся странами, где повстанческие анархисты наиболее активны. Нынешнее чрезвычайно неоднородное итальянское повстанческое анархистское движение концентрирующееся вокруг ряда захваченных пространств и изданий, представляет собой неформальную сеть, ведущую свою борьбу в стороне от всех формальных организаций. Это движение взяло себе название «повстанческих анархистов», чтобы отделить себя от Итальянской Анархической Федерации — организации, официально отвергающей индивидуальные акты восстания и одобряющей только массовые действия, образовательную и пропагандистскую практику в «нереволюционные периоды», а также от итальянских либертарных муниципалистов [2], которые очень сильно сближаются с реформизмом в «анархической» деятельности.

Государство не исчезнет само, как это, судя по всему, кажется многим анархистам — некоторые из них заняли выжидательную позицию, в то время как другие и вовсе открыто порицают деятельность тех, для кого создание нового мира требует разрушения старого. Атака — это отказ от сотрудничества, смирения, приспособления и компромиссов в борьбе. Именно действием и обучением действию, а не пропагандой мы проложим путь к восстанию, хотя, очевидно, анализ и дискуссия имеют значение, когда решается, как действовать. Ожидание учит только ожиданию, а действию учит только действие. При этом необходимо заметить,что сила повстанчества — социальная, а не военная. Мера оценки важности общего восстания — не вооруженный конфликт, а наоборот, - степень паралича экономики, нарушения стабильности. Если студенты продолжают учиться, рабочие и офисные служащие — работать, а безработные исключительно бороться за работу, тогда никакие перемены невозможны. Мы можем искать вдохновение в таких примерах как Май 1968 в Париже, Италия в 1970 или недавнее восстание в Албании.

САБОТАЖ И ДРУГИЕ «СКРОМНЫЕ ПОПЫТКИ»

Для нас как анархистов, революция является главной целью, чем бы мы ни занимались и на какой проблеме бы ни были сосредоточены. Но революция — это не миф, просто используемый в качестве цели, ее не следует представлять как дело абстрактного будущего. Именно потому, что это конкретное событие, ее следует приближать каждый день с помощью множества «скромных попыток», не обладающих всеми освобождающими характеристиками социальной революции в подлинном смысле. Это множество «скромных попыток» — восстания. Бунт наиболее угнетенных слоев и изгоев общества, а также наиболее политически сознательного меньшинства открывает путь для вовлеченности все более широких слоев общества в процесс восстания, которое может привести к революции. Тем не менее борьбу следует развивать как в промежуточной так и в долгосрочной перспективе. Иными словами, все еще возможно и необходимо участвовать в локальной борьбе, то есть борьбе, которая ограничена конкретными целями, рожденными определенной проблемой. Это могут быть акции прямого действия против строительства военной базы или тюрьмы, атаки на отдельные капиталистические объекты, такие как высокоскоростные железнодорожные магистрали, генетически модифицированные сельхозкультуры или линии электропередач. Не следует полагать, что это имеет второстепенное значение: эти виды борьбы также мешают глобальным планам капитализма.

Чтобы существовать, эти протесты должны шириться, потому повстанческий анархизм и уделяет особое внимание распространению неуправляемого восстания, ибо никакая военная или полицейская сила не в состоянии контролировать распространение столь автономной деятельности. Уделение внимания расширению борьбы привело многих повстанческих анархистов к критической оценке организации, так как централизованная борьба управляема и ограничена (достаточно проанализировать примеры многих революционных движений в Латинской Америке, которые до недавнего времени контролировались «Партией», чтобы понять это), в то время как автономная борьба способна распространяться сетевым образом.

При этом Система более всего опасается не столько самих актов саботажа, сколько их распространения в обществе. Неуправляемость является силой восстания. Любой рабочий человек, располагая даже самыми скромными средствами, может добиться своих целей в одиночку или совместно с другими. Государство и капитал физически неспособны контролировать целую общественную территорию. Любой, кто действительно хочет выйти из-под контроля, может внести свой теоретический или практический вклад наиболее подходящим для него образом. Нет нужды исполнять установленные роли в формально организованном восстании (восстании, которое ограничено и контролируется организацией). Появление первых разрушенных связей контроля над обществом совпадает с распространением актов саботажа. Анонимная практика самоосвобождения способна распространиться во всех сферах, нарушая своды законов, установленные властью.

В моменты, когда не происходит значительных восстаний, небольшие акции, предполагающие использование простых средств, доступных каждому, и потому легко воспроизводимых за счет своей простоты и спонтанности, становятся неконтролируемыми. Они делают бесполезными даже самые продвинутые антитеррористические технологические разработки. В США череда поджогов объектов, загрязняющих природу, в которых некоторые подозревают Фронт Освобождения Земли, распространились по стране во многом благодаря простоте техники. В Италии саботаж высокоскоростных железнодорожных

магистралей неконтролируемо распространялся также благодаря тому, что каждый мог спланировать и осуществить свою акцию, не нуждаясь в большой организации с уставами и правилами, сложной технике или особых познаниях.

Кроме того, вопреки «математикам» из крупных революционных партий, никогда невозможно заранее просчитать итоги конкретной борьбы. Даже ограниченная борьба может иметь самые неожиданные последствия. Переход от различных восстаний — ограниченных и очаговых - к революции никогда не может быть заранее гарантирован каким бы то ни было методом.

КОРНИ ПОВСТАНЧЕСКОГО АНАРХИЗМА

Так как повстанческий анархизм — это развивающаяся практика, а не идеологическая модель будущего, то повстанческие анархисты не делают труды какого-либо отдельного революционного теоретика своей главной доктриной. Соответственно они не являются, к примеру, последователями Бакунина и избавлены от необходимости защищать все его теории и поступки. Тем не менее Бакунин был исторически важен для развития анархизма, выразившего свою силу в повстанчестве. В отличии от Маркса, поддерживавшего в Первом Интернационале в основном центральные органы управления, Бакунин старался поддерживать скоординированное действие посредством автономных восстаний «снизу», главным образом в Южной Европе. Поэтому со времен Бакунина повстанческие анархисты были активны в Южной Европе.

В реакциях на Парижскую Коммуну 1871 года и в конфликтах внутри Первого Интернационала можно увидеть формирование основных принципов повстанческого анархизма. Тогда как Маркс считал, что новые политические формы Коммуны (демократия и представительство) разовьют социальную революцию, Бакунин возражал, что политические и организационные формы тормозят социальную революцию. Также на последующих инсуррекционистов повлияло высказывание Бакунина о том, что революцию распространят действия, а не слова. В 1871 году Маркс и его сторонники объединились с последователями Бланки — автора концепции «диктатуры пролетариата» - для недопущения Бакунина и его сторонников на конференцию

Интернационала, проходившую в Лондоне. Бакунисты провели свою собственную конференцию в Сонвильере, утверждая, что иерархические и политические способы никогда не помогут достижению задач социальной революции. В Сонвильере было решено, что «свободное и эгалитарное общество не может возникнуть из авторитарной организации». Маркс уничижительно назвал конференцию «анархистской», в свою очередь участники Сонвильера назвали лондонскую конференцию «марксистской», отмечая ее авторитарные попытки контролировать Интернационал. В 1872 году Марксу удалось добиться исключения Бакунина из Интернационала и требования от всех секций оправдания захвата политической власти как необходимого условия революции.

СОЦИАЛЬНАЯ И ИНДИВИДУАЛЬНАЯ БОРЬБА

Другая проблема, вызвавшая множество дебатов в анархистских кругах — это предполагаемое противоречие между индивидуальной и социальной борьбой. Это полемика, которая началась и продолжается в кругах повстанческих анархистов; Рензо Новаторе выступал за индивидуальное восстание, Эррико Малатеста — за социальную борьбу, в то же время Луиджи Галлеани считал, что между ними нет никакого противоречия.

Новаторе — итальянский анархист, погибший в перестрелке с полицией в 1922 году, писал: «Анархия — это не форма общественного устройства, а способ индивидуации. Никакое общество не предоставит мне более, чем ограниченные свободу и благополучие, которые оно дает своим членам» [4]. Малатеста — также итальянец и активный повстанец на протяжении всей своей жизни был анархо-коммунистом, для которого анархизм основывался на организованной атаке с помощью коллективной борьбы, в особенности рабочего движения; при этом он весьма критично относился к любой форме организации, могущей стать авторитарной. На этом в 1927 году было основано его несогласие с русскими платформистами, пытавшимися создать централизованную и унитарную революционную организацию.

Малатеста критиковал предложения платформистов, которые выдвинули свою программу в ответ на победу большевиков в России в попытке упорядочить и объединить борьбу с помощью единой организации. В своей критике платформистской программы Малатеста утверждал, что «в целях достижения своих задач анархистские организации должны оставаться в гармонии с принципами анархизма, то есть они должны уметь сочетать свободные акции индивидуумов с необходимостью и радостью кооперации, которые служат повышению сознательности и инициативности их членов». Следует отметить, что боль-

шинство социальных анархистов и анархо-коммунистов, которые были активны в начале прошлого века, не видели противоречий между организацией и индивидуализмом и что очень немногие анархисты когда-либо выступали против организации как таковой.

Галлеани, эмигрировавший в США в 1901 году из-за угрозы ареста в Европе, редактировал один из важнейших в США итальянских анархических журналов - Cronaca Sovversiva (Подрывная Хроника) и был критиком формальной организации. В своих статьях и речах он объединял идею Кропоткина о взаимопомощи с неограниченным восстанием, отстаивая коммунистический анархизм вместо авторитарного социализма и реформизма, говоря о важности спонтанности, разнообразия, автономии и независимости, прямого действия и самоопределения. Галлеани и его последователи с очень глубоким подозрением относились к формальным организациям, видя их как потенциальные иерархические и авторитарные организации. Критика формальной организации с того времени стала основным моментом для повстанческих анархистов. Галлеани не видел противоречия между индивидуальной и социальной борьбой, как не видел его и между анархизмом и коммунизмом. Он твердо выступал против авторитарного коммунизма, который он видел как произрастающий из коллективистской идеологии — идеи о том, что производство и потребление должны осуществляться в коллективе, в котором индивидуумы должны между собой сотрудничать. Галлеани сильно повлиял на тех, кто сегодня называет себя повстанческими анархистами.

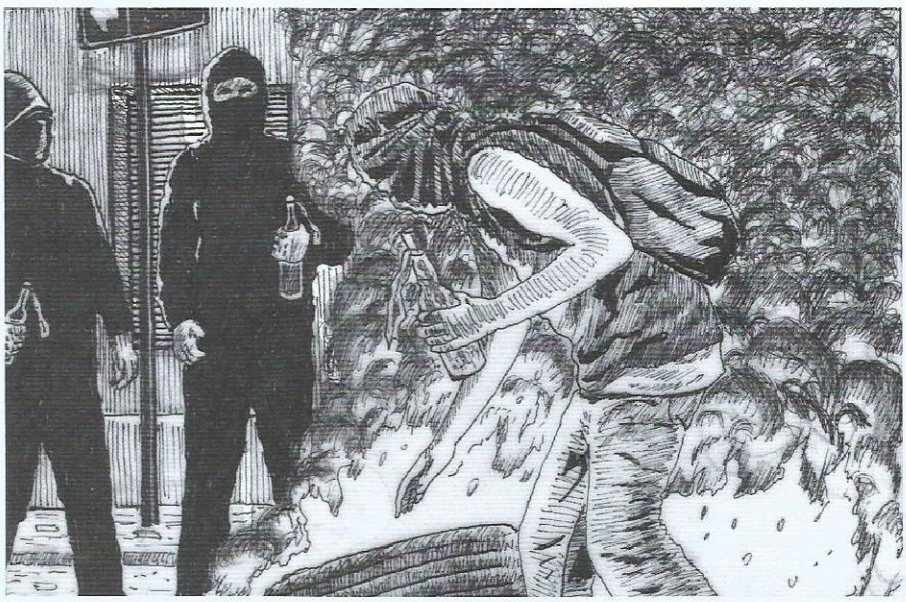
Дебаты об отношениях между индивидуальной и социальной борьбой, между индивидуализмом и коммунизмом продолжаются и по сей день. Некоторые повстанческие анархисты утверждают, что восстание начинается с желания личности вырваться из условий ограниченности и управляемости, желания получить возможность устраивать свою жизнь по своему усмотрению. Это подразумевает преодоление людьми отчуждения между собой и между условиями их жизни — едой, жильем и т.д. Там, где условия жизни контролирует привилегированное меньшинство, для большинства людей остается невозможным самим решать, как жить. Это равенство участия достигается в коммунизме. А что люди будут делать с этим равенством участия — решать им самим. Между тем, ни тождества, ни унификации личностей не подразумевается в настоящем коммунизме. То, что принуждает нас к унификации — это социальные роли, навязываемые нам нынешней системой. Соответственно, нет никаких противоречий между индивидуальностью и коммунизмом.

Идея повстанческого анархизма исходит из желания человека самому определять: как и с кем жить. Но этому желанию во всех сферах противостоит существующее общественное устройство, в котором условия нашего существования и общественных взаимоотношений, на основе которых построены наши жизни, уже определены в интересах правящего класса, извлекающего выгоду из усилий, прилагаемых нами для выживания.

Поэтому желание индивидуального самоопределения и самореализации ведет к необходимости классового анализа и классовой борьбы. Но старые пролетаристские концепции, определяющие индустриальный рабочий класс как главный субъект революции, не подходят для этой задачи. Что определяет нас как класс, так это наша бесправность, тот факт, что нынешняя система общественных отношений крадет нашу возможность определять условия нашего существования. Классовая борьба происходит во всех индивидуальных и коллективных восстаниях, с помощью которых небольшие части нашей повседневной жизни мы возвращаем себе, а небольшие части аппарата доминирования и эксплуатации саботируются или разрушаются. По существу, нет изолированных, индивидуальных актов восстания. Все подобные акты являются ответом на ситуацию в обществе, и многие включают в себя какой-то уровень соучастия, отражая какой-то уровень коллективной борьбы. Взять, к примеру, спонтанную, в основном умалчиваемую организацию кражи товаров и саботажа рабочего процесса, происходящих на большинстве рабочих мест; это неформальная координация подрывной деятельности, осуществляемая в интересах каждого участвующего человека является основным принципом коллективной деятельности для повстанческих анархистов, потому что коллектив существует для службы интересам и желаниям всех участников в возвращения им их жизней и часто несет в себе концепцию путей освобождения от эксплуатации и доминирования.

Но даже одиночные акты восстания имеют свои социальные аспекты и являются частью общей борьбы обездоленных. С помощью критического отношения к борьбе прошлого, изменениям в силах власти и их отличиям в разных местах, а также развитию нынешней борьбы мы можем сделать нашу атаку более стратегической и целенаправленной. Однако наличие стратегии не означает лишь один путь для борьбы. Четкие стратегии нужны для того, чтобы позволить использовать различные методы скоординировано и плодотворно. Индивидуальная и социальная борьба ни противоположны, ни идентичны.

Журнал "Earth First!" (Великобритания 2003)



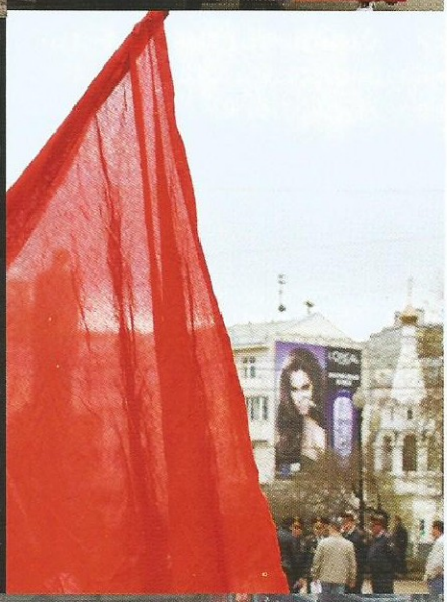
3) См. «Албания: Диверсионная лаборатория» анонимного автора

4) См. «Странный и Отверженный Поэт: Жизнь и Сочинения Рензо Новаторе» (публикации Venomous Butterfly)

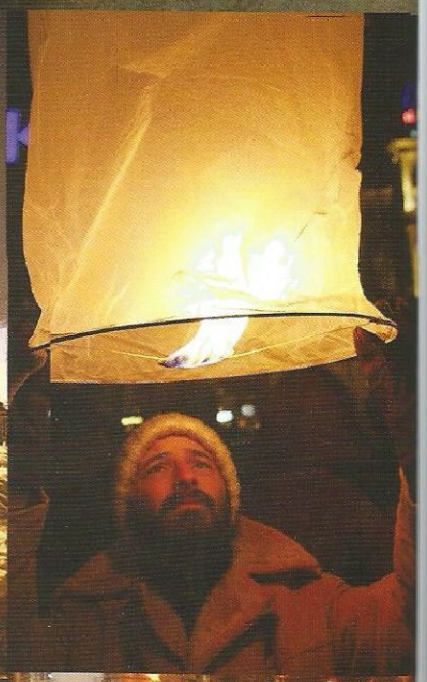
СОБЫТИЯ

Первомай в этом году традиционно прогремел демонстрациями во множестве городов Росии и Украины : в Питере, Уфе, Нижнем Новгороде, Казани, Киеве и др. Разумеется, не обошлось без столкновений с полицией и задержаний. Так, уфимцам пришлось претерпеть серьезные и растянувшиеся не на один день разборки с оскорбленными их моральным обликом властями, а Киевлянам - столкнуться с рассвирепевшими представителями правопорядка., лишь чудом никого не задержали. В Питере санкционированная демонстрация анархистов и антифашистов была пресечена под предлгом предотвращения стычек с ультраправыми.

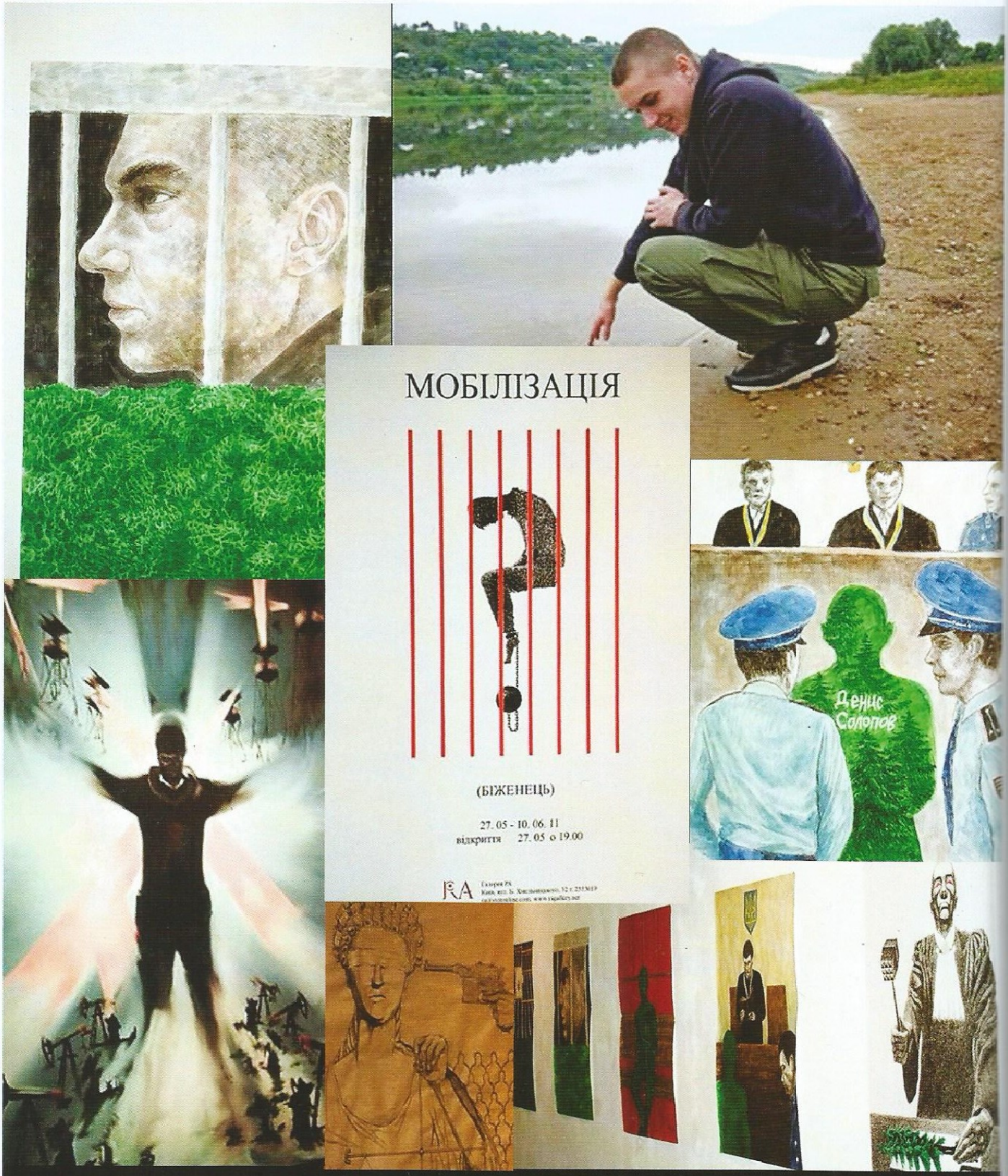
1 мая московские и антифашисты приняли участие в тр традиционном левых и “левых” сил с Калужской до Театральной площади.В колонне под черными, красно-черными и красными флагами прошли около 400 анархистов, антифашистов и присоединивших хся к ним социалистов - участников движений “Автономное Действие”, “Кампания в защиту химкинских заложников”, Конфедерация анархо-синдикалистов, Российского социалистического движения и других групп. Позже у памятника Тимирязеву прошел санкционированный митинг, завершившийся концертом. После окончания митинга был задержан человек, подавший на него уведомление, за превышение численности участников, разрешенного чиновниками.



19 января во множестве городов прошли антифашистские шествия и митинги памяти убитых 2 года назад адвоката Станислава Маркелова и журналистки Анастасии Бабуровой. В Москве демонстрация прошла от Никитских ворот до Пушкинской площади, где стостоялся короткий митинг. На митинге было зачитано послание комитета 19 января и показан видеоматериал о наших погибших товарищах. С площади в небо поднимались воздушные фонари с горящими свечами. В московском шествии приняли участие около 1300 человек.Подобные акции памяти прошли в Санкт-Петербурге, Ярославле, Екатеринбурге, Уфе, Перми, Волгограде, в Тюмени, Самаре, Белгороде, Чебоксарах, Нижнем Новгороде, Пензе, Ростове, Омске, Казани, а так же в Минске, Киеве, Харькове, Познани, Копенгагене, Виннице и других городах. Общими для всех демонстраций стали лозунги: “Вместе против фашизма”, “Остановим неонацистское насилие в Росии”,”Все разные - Все равные!”, “Нет политическим репрессиям!”, “Не забудем - не простим!”, “Помнить - значит продолжать бороться!”.

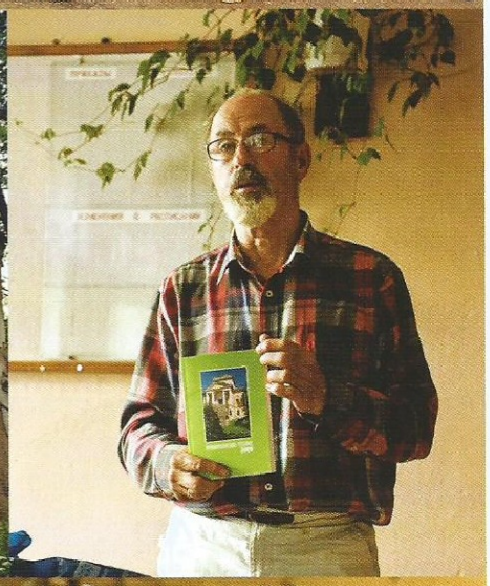


14 марта 2011 года **Андрей Кутузов,** гражданский активист, кандидат филологичес-ких наук и преподаватель Тюменского госу арственного университета, был приговорен к двум годам лишения свободы условно с испытательным сроком в три года. Несмотря на очевидную сфабрикованность гла вного "доказательства"его вины - экстремистской листовки подобные которой он, якобы, распространял на митинег 30 октября 2009 года, добиться оправдания пока не уда ется. Акции солидарности с Андре ем проводяться во множестве городов как России, так и Европы.

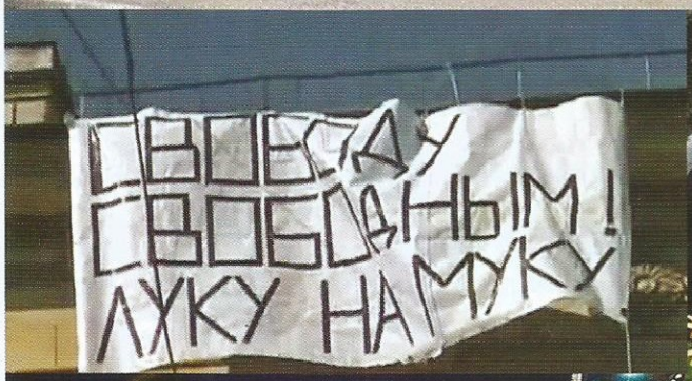


27 мая в Киеве состоялось открытие выставки под названием "Мобилизация" в поддержку социального активиста и художника Дениса Солопова, работы которого также были представлены на экспозиции. Выставка проходила в течение двух недель. 22 июня она продолжилась в Москве, в центре имени Андрея Сахарова, в рамках программы "СИЗО". Выставка художников России и Украины в поддержку Дениса Солопова.

25 и 26 июля в бывшей усадьбе Бакуниных (Под Тверью) состо ялись очередные **Прямухинские Чтения**, ставшие доброй традицие анархистов с 2001 года. В конференции приняли участие историки, журналисты, философы, активисты либертарных движений. В этом году впервые Чтения были организованы ввиде круглого стола - так, чтобы каждый имел возможность высказаться по вопросам, вынесенным на повестку.Среди главных тем обсуждения были проблемы соотношения теории и практики в современном анархизме,проблемы тактик анархического движения.

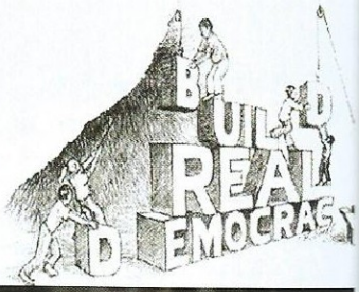


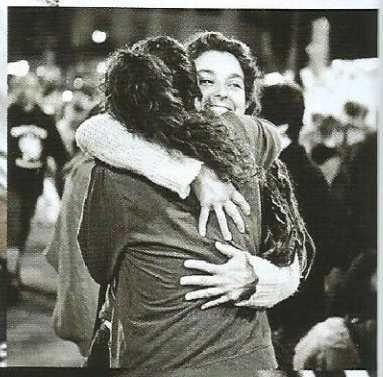
19 и 20 февраля прошел очередной фестиваль **“ДеньДезертира2011” (ДД-11),** организованный Автономным Действием и сочувствующими. На него в Москву съехались анархисты, антимилитаристы, антифашисты и просто леваки из разных городов Беларуси, Украины и России. Количество участников колебалось от 40 до 150, в зависимости от мероприятий приуроченных к фестивалю. Среди них были лекции и дискуссии на разные темы, тренировки по ножевому бою, кинопоказ и концерт на котором, выступали группы ПолитЗек, Ossnake, No One Else, Двигатель Революции и Электрические Партизаны. Активисты “Еды Вместо Бомб” кормили участников фестиваля гречкой с луком и поили чаем.



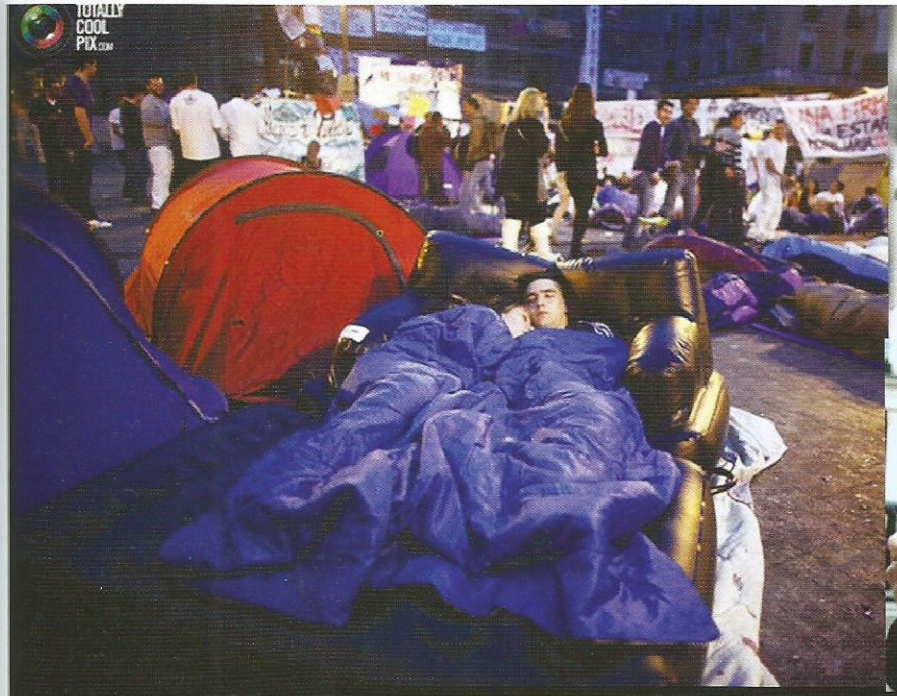
Приговор, вынесенный нашим Белорусским товарищам Николаю Дедку, Александру Францкевичу и Игорю Олиневичу в очередной раз подтвердил идеологическую ангажированность и невменяемость судебной системы

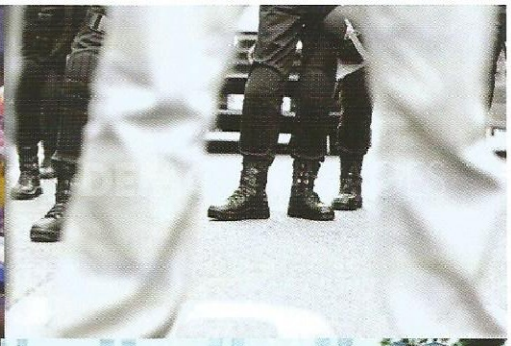
Но никакие попытки репрессивного режима Лукашенко не могут помешать нашей солидарности с товарищами и нашей борьбе. Свидетельством тому служат акции поддержки политзаключенных по всему миру.Мы требуем прекращения уголовного преследования анархистов Беларуси!



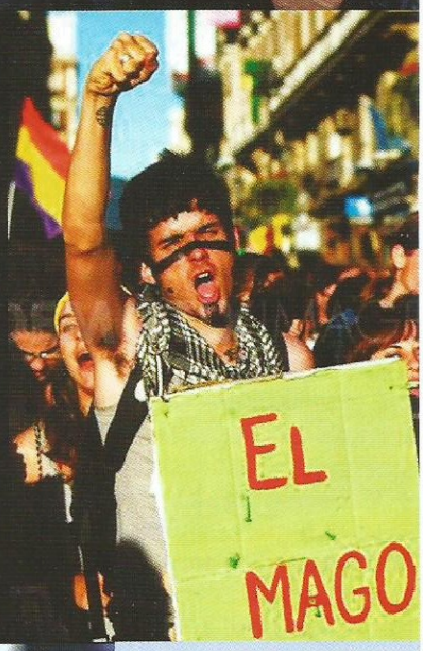


Возвращение к идеям солидарности, по-хоже, снова актуально для Европы. Как по причинам кризиса, в котором оказал-ся целый ряд стран, так и по причние осо знания множеством людей куда более глубокого кризиса - кризиса всей капита-листической организации общества. Пре-одоление разобщенности и пассивности - такова основа событий, вспыхивающих сегодня по всему миру и идущих снизу.





"Людьми и для людей" - таков лозунг тех, кто в мае-июне этого года вышел на площади своих городов по всему миру для того, чтобы отстаивать свое право на прямую демократию во всех проявлениях общественно-политической жизни. "Мы хотим показать, что общество - не пассивно спящий организм, и что мы готовы бороться за то, чего мы достойны! - заявляют протестующие в Испании (где демонстрациями охвачено более 50 городов), Италии, Португалии, Франции, Германии, Греции и других странах - мы хотим, чтобы главным приоритетом и критерием жизни общества , наконец стали люди, а не экономические интересы государства!". То, что так долго копилось под поверхностью мнимой стабильности, наконец, вырывается наружу и побуждает тысячи люде занимать улицы и площади по праву возвращая их себе, и сообща противопоставлять системе свою собвтенную волю - любой ценой.



БА КИН «ДУХОВНЫЙ СЫН» ЭММЫ ГОЛДМАН

Мало кто знает, что один из первых китайских анархистов умер совсем недавно, в 2005 году, в возрасте 100 лет. В русской википедии нет ни слова о его анархизме. Просто рассказывается об одном из крупнейших писателей Китая Ба Цзине. На самом деле, по-русски правильнее сказать, что его звали Ба Кин — это был псевдоним от первых и последних букв фамилий Бакунина и Кропоткина, перед которыми он преклонялся.

Ба Кин родился в 1904 году в городе Чэнду в семье крупного землевладельца. Он описывал свой патриархальный семейный дом, как деспотичное королевство, экономически благоустроенное, но духовно удушливое. В возрасте 15 лет он вырвался из этой затхлой атмосферы, под влиянием статьи Кропоткина «Призыв к молодежи» и работ Эммы Голдман, которую он впоследствии называл своей «духовной матерью», вступив в местную анархистскую группу «Общество равенства». Он стал самым активным членом группы, принимая участие в студенческих демонстрациях против местных милитаристов, распространяя революционные листовки и организовав читальный зал в редакции местного анархистского журнала, в котором он начал публиковать свои статьи. Его вдохновляли примеры русских революционеров 19-го столетия, ходивших в народ, о чьих судьбах он узнавал из сочинений писателей, таких как Тургенев, которого он позже перевел на китайский язык.

В 1923 году Ба Кин окончательно покинул Чэнду, уехав учиться вначале в Нанкин, а затем в Шанхай. Продолжая активно участвовать в анархистской деятельности и заниматься публицистикой, он выпустил памфлет, посвященный мученикам Хеймаркета. С 1927-го по 1928-й год Ба Кин жил во Франции, где познакомился со многими анархистами, включая Александра Беркмана, чью книгу «Теперь и потом: азбука коммунистического анархизма» (или «Что такое анархизм?») он впоследствии перевел и адаптировал, выпустив под названием «От капитализма к анархизму». Во Франции он также вступил в переписку с Бартоломео Ванцетти, ожидавшим казни в Массачусетсе. Он был глубоко потрясен казнью Сакко и Ванцетти и позже написал памфлет на эту тему «На эшафоте».

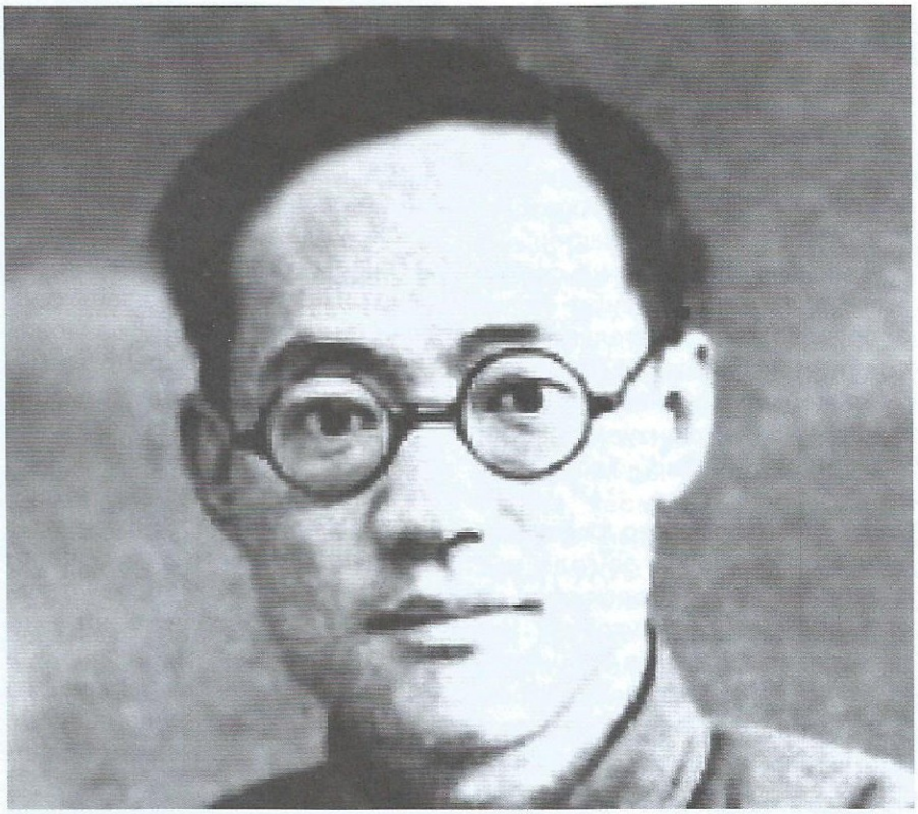
Во Франции Ба Кин закончил «Разрушение», первый из своих романов, основанный на сюжетах из борьбы молодых китайских революционеров. В 1931 году он написал роман «Семья», признанный его величайшим произведением, и с тех пор получил широкую известность как писатель. В 1931 году произошло первое японское вторжение в Китай, предшествовавшее полномасштабной войне 1937-45 годов. Ба Кин интенсивно писал пропагандистские статьи для антияпонского сопротивления, не прекращая работать и над анархистскими материалами и переводами трудов Кропоткина. За несколько лет Ба Кин опубликовал больше десяти романов и сборников рассказов. В своем письме Эмме Голдман он пишет: «Пять лет пролетели быстро. Я не писал тебе писем и не публиковал никаких новостей в тех газетах, которые к тебе попадают. Наверное, ты думала, я уже умер. Ведь это так просто, обычное дело для молодого человека, погибнуть в этой объятой хаосом стране; возможно, ты могла подумать что-то подобное. Ведь если не это, то почему же, возвратившись в родную страну, я стал подобен камню, потонувшему в море без малейшего звука? Э. Г., я не умер, но я нарушил свое обещание. Я не сделал ни одну из тех вещей, на которые изначально был готов. Как только я вернулся в эту страну, я стал пленником различных странных обстоятельств. Я не сопротивлялся, просто позволяя пустячным делам иссушать мою энергию и жизнь. Поэтому я наказал себя молчанием. В твоих глазах я был мертв, я убил себя. Я думал, что, возможно, как-нибудь после работы, ты и А. Беркман вспомните о моей смерти и пару раз тяжело вздохнете. Э. Г., какие длинные, мучительные пять лет это были! Я до сих пор не понимаю, как их пережил. Но сейчас, когда все это время отошло вдаль, оно вспоминается просто как ночной кошмар. Все, что от него осталось - это десяток с лишним романов: эти книги высосали, я не знаю, сколь много моих крови и слез. Но только ты можешь понять эти обстоятельства. Только ты можешь догадаться, сколь жалкой была та жертва, что я понес в эти годы. Эта жертва ничем не оправдана. Только ты это знаешь. Когда я был пятнадцати лет отроду, ты пробудила меня и спасла от пропасти в последний момент. Затем, когда в 1927 в Бостоне двое невиновных рабочих были приговорены законом к электрическому стулу, и голос рабочего класса был задушен, я изливал тебе мои боль и искренность и молил тебя о помощи. Ты утешала меня много раз своей дружбой и ободрением и учила меня много раз, делясь своим богатым опытом. Твои прекрасные письма были мне огромной поддержкой, когда я получал возможность их читать. Э. Г., моя духовная мать (ты разрешила мне так тебя называть), ты - дочь мечтаний (как раньше звал тебя Л. П. Эбботт)...

Сейчас мои образование, жизнь и сознание обсуждаются теми, кто не может понять, что я писал, что я думаю, и что такое моя жизнь. Они создали меня своим извращенным сознанием и атакуют этот образ публично и тайно. Поскольку мои рома-

ны полностью затмевают мои поведение и идеи, результатом становится множество недопониманий, мое имя связывается то с нигилизмом, то с гуманизмом, хотя я написал книгу почти в триста страниц, чтобы объяснить свои идеи (эта книга крайне проста для восприятия и не содержит никаких метафизических терминов). Те, кто говорят обо мне, никогда ее не читали... В прошедшие пять лет я попал в эту ловушку и так и не смог из нее выбраться. Я ненавижу себя, ненавижу книги, которые я написал; я решил наказать себя молчанием. В эти пять лет я ни разу не связывался с тобой; я сам перекрыл источник своего вдохновения и поддержки...

Теперь я прочитал твою двухтомную автобиографию «Живя своей жизнью». Эти две книги, полные жизни, глубоко меня потрясли. Грохот сорока лет, словно весенний гром, стучал в двери моей живой могилы на протяжении всей книги. В это время мое молчание потеряло свой смысл, огонь моей жизни был снова зажжен, я снова воспрял к жизни и пошел вперед, через великую боль, безмерную радость, мрачное отчаяние и восторженную надежду, через вершины и пропасти жизни. Я буду спокойно продолжать жить по принципам, которым ты меня научила, до самого своего конца».

Но все изменилось с победой коммунистов в 1949 году. Отныне в сочинениях Ба Кина невозможно найти ни слова анархистской тематики. Готовя переиздания, он заново переписывал многие свои старые работы. Как пишет исследовательница его творчества Ольга Ланг, он начал удалять из своих произведений буквально все, что касалось принадлежности его героев к анархизму или даже их симпатий: названия книг, которые они читали, картин на стенах их квартир, цитаты из анархистских книг и упоминания имен их авторов. Сложно сказать, он делал это из-за давления, боязни или искреннего признания коммунистической революции — ведь многие герои его книг по большому счету были просто революционерами без каких-либо «измов» или жителями беднейших деревень, страстно жаждущими перемен. Мы никогда доподлинно не узнаем, что заставило его «страстное сердце» отказаться от своей «духовной матери», забыть учителей и друзей. Но один факт остается непреложным - после революции 1949 года он не написал ни одного романа и сколько-нибудь значимого художественного произведения.



Однако, когда режим позволял это, Ба Кин был снова готов высказаться. В 1962 году, когда партия казалась терпимой к новому более творческому и спонтанному стилю в литературе и даже отчасти способствовала его продвижению, Ба Кин выступил с речью «Смелость и чувство ответственности у писателей». Это был сильный протест против литературных бюрократов и наказ писателям быть борцами, защищать правду и свое собственное видение реальности.

Расплата пришла во время культурной революции (1966-1976). Мао напустил свою «красную гвардию» на врагов-бюрократов. Гонениям подверглись и писатели, включая Ба Кина - во многом, из-за его анархистского прошлого. Призыв «в народ», из оптимистичного плана по воодушевлению на социальные изменения, как это было для русских народников девятнадцатого века, превратился в наказание за независимое мышление или нелояльность.

20 июня 1968 года Ба Кина приволокли на Народный стадион в Шанхае. Те, кто там присутствовал и те, кто наблюдал эту сцену по телевидению, видели, как его поставили на колени на битое стекло и слышали крики, обвинявшие его в предательстве и вражде к Мао.

Они также слышали, как в самом конце экзекуции он прервал свое молчание и закричал изо всех сил: «У вас свои мысли, а у меня - свои. Это - факт, и вы не сможете его изменить, даже если убьете меня».

Но самое страшное случилось в 1972 году, когда его жене, умиравшей от рака, было отказано в необходимой медицинской помощи. В эти годы Ба Кин придавал себе силы, перечитывая «Ад» Данте. В 1977 году он был реабилитирован и возвращен на литературный пьедестал как уважаемый автор старшего поколения.

В отличие от большинства

его анархистских товарищей, мы в состоянии обрисовать жизнь Ба Кина - во многих отношениях, он был защищен своей писательской славой. Столкнувшись с тоталитарным режимом, он мог бы подчиниться и подписать по требованию властей любой новый лозунг, но не сделал этого. Сказать что-либо более определенное касательно его политической позиции в то время довольно трудно, поскольку цензура и самоцензура заводят нас в туманный мир кодов и значимого молчания.

Но некоторые его слова позволяют судить, что за годы мытарств дух его свободолюбия не был полностью уничтожен. Читая лекцию в Киото в 1980 году, он заявил: «Я не пишу, чтобы зарабатывать на жизнь или создать себе репутацию. Я пишу, чтобы сражаться с врагами. Кто они? Каждый устаревший традиционный взгляд, каждая нерациональная система, что стоит на пути социального прогресса и человеческого развития, и каждый случай жестокости наперекор любви. Это мои великие враги. Мое перо сверкает пламенем и тело пылает огнем. Пока оба не сгорят дотла, мои любовь и ненависть останутся в этом мире».

Ба Кин где-то оступался, где-то шел вперед, от многого отрекался, но во многом был тверд. Для кого-то он останется одним из самых глубоких китайских писателей, а анархисты еще вспомнят его как самого главного пропагандиста анархизма в Китае, переводчика Кропоткина и Беркмана.

Публикуемая ниже небольшая статья Ба Кина, конечно, во многом устарела и кажется наивной, но она представляет крайне характерный пример его творчества и взглядов в то важное для Китая время. Поэтому, на наш взгляд, читателям будет небезынтересно с ней ознакомиться, к тому же это чуть ли не первая публикация публицистических трудов Ба Кина на русском языке.

БА КИН «НАЦИОНАЛИЗМ И ДОРОГА К СЧАСТЬЮ ДЛЯ КИТАЙЦЕВ»

Китайское общество находится сейчас в самой мрачной стадии. В нынешних обстоятельствах молодые люди становятся слабыми и бессильными, не имея никакой власти, чтобы противостоять всеобщему разложению. Даже самые храбрые могут только сохранять молчание и покоряться судьбе. Когда все так действительно невыносимо, единственным выходом становится самоубийство. Китай парализован; где мы можем обрести счастье? Некоторые сознательные молодые люди верят, что единственный путь исправить нынешнюю китайскую ситуацию - это пропаганда национализма, и считают национализм единственной дорогой к счастью для китайцев. Призывы к национализму распространились среди всей нации. Я содрогаюсь от этой мысли. Национализм, в действительности - это преграда на пути к человеческому прогрессу. Будучи членом этого общества, я не могу принять национализм наперекор своей совести. Я должен спорить с национализмом и показывать реальную дорогу к счастью для китайцев. Мои слова искренни, и я хочу добиться симпатии у людей, которые отказываются игнорировать свою совесть.

Что такое национализм? Толстой говорит: «Национализм - это место казни. То, что он осуществляет - это искусство убийства, то, что он обсуждает - это способы убийства. Он не имеет ничего общего с реальной

жизнью масс». Эти слова могут кому-то показаться нелепыми, но они точно схватывают сущность национализма. За исключением хладнокровных милитаристов и политиканов, все люди ненавидят войну. Причиной войны часто служит «любовь к одной нации». Если люди любят друг друга и счастливо работают вместе, то не может быть никакой войны. После рождения нации во время «эры животных страстей» зародился национализм, чьими причиной и целью были эгоизм и алчность. К примеру, если одно государство хочет расширить свою территорию, оно жертвует своими людьми, чтобы захватить другие нации во имя удовлетворения своей животной страсти. Если оно выигрывает, только политиканы и милитаристы могут насладиться плодами успеха. Если же оно терпит поражение, люди должны страдать, чтобы восполнить военные издержки. Приносит ли это пользу массам? Бедные массы, понимают ли они, что национализм - это оружие, которое убивает их любимых отцов, сестер и братьев? Вот только один пример доказывающий, что национализм - это монстр убийств: в конце 19-го столетия немецкое государство пропагандировало националистический дух и ввело воинскую обязанность. Все взрослые мужчины должны были служить в армии, даже школьники и монахи должны были следовать приказам милитаристов и политиканов и убивать гражданских. Когда им было приказано разгромить забастовку рабочих, они были должны убивать даже собственных родственников, которые принимали участие в забастовке. Если это не пример жестокости, я не знаю в мире ничего другого, что могло бы быть более жестоким.

Мой довод против национализма - это то, что развитие национализма приведет Китай не к счастью, а к несчастью. Есть только один путь к счастью, и мы можем его достичь, сокрушив следующие системы:

1. Государство: государство - организация власти, которая защищает закон, убивает нас, отнимая наше право на средства к существованию, унижает нас и помогает капиталистам грабить бедных. Государство создает закон, чтобы ограничить нашу свободу, оно принуждает нас сражаться с нашей миролюбивой природой, оно поощряет нас состязаться с людьми других наций, в то время как мы хотели бы помогать друг другу. Государство всегда действует против нашей природы, оно никогда не делает ничего, что шло бы нам на пользу. Более того, государство - это источник национализма. Мы должны сокрушить государство, если мы ищем счастья.

2. Частная собственность: частная собственность - это награда за грабеж. Изначально собственность была общей для всех людей. Однако некоторые из них, используя свой интеллект или свою силу, начали захватывать общественную собственность и сделали многих людей бездомными. Они также начали нанимать людей, чтобы те на них работали. Продуктами, которые производят рабочие, обладают только их боссы. Это пример самой большой несправедливости во всем мире. Более того, система частной собственности заставляет людей соревноваться друг с другом, возрастает преступность и падает мораль. Мы также видим, что государство полагается на систему частной собственности, чтобы выжить. Поэтому, стоит нам отказаться от системы частной собственности, мы легко сокрушим государство.

3. Религия: религия ограничивает людской разум и препятствует человеческому прогрессу. Религия учит нас верить в суеверия, в то время как мы должны искать правду, религия поощряет нас быть консервативными, в то время как мы должны действовать прогрессивно. Христиане говорят: «Бог - всемогущ, Бог - это правда, справедливость, добродетель, красота, сила и жизнь, в то время как человек - это обман, несправедливость, порок, уродство, бессилие и смерть. Бог - это хозяин, а человек - это раб. Человек никогда не может найти справедливость и правду самостоятельно, бессмертие дается властью Бога. Бог создает мир и посылает королей и чиновников представлять себя. Поэтому люди должны также стать рабами наших королей и чиновников». (Это то, что английский король Чарльз I подразумевал под «божественным правом королей».) Это смысл христианства. Могущественное христианство является характерным примером и остальных религий. Бакунин прав, когда говорит, что если бы существовал реальный Бог, мы должны были бы его уничтожить. Так давайте попробуем!

Все перечисленные выше системы - это наши враги. Мы должны сокрушить их, чтобы найти наш путь к счастью. После того, как мы устраним их, мы перераспределим богатство, дадим людям независимость, чтоб они смогли организоваться и помогать друг другу. От каждого по его способностям, каждому - по его потребностям. Личность стремится принести пользу обществу, общество стремится защитить личность. Разве это не счастье? Но достижение счастья будет стоить нам огромной крови. Бакунин сказал: «Революция - это самое увлекательное и приятное предприятие! Вы предпочтете влачить жалкое существование, сгибаясь под пагубной властью, или честно рискнете своей жизнью, сражаясь против дьявола, не отступая назад!» Как захватывающе и смело! Я надеюсь, наши друзья присоединятся к нам с пламенным духом, чтобы исполнить самое увлекательное и самое приятное предприятие революции. Вместе пойдем вперед по дороге счастья!

1921

Подготовил Ильяс Фалькаев

http://www.pop-grafika.net/pgnews/bajing/bajing_full

«ОЧЕНЬ ПРИЯТНО, ЦАРЬ...»

Либертарный взгляд на историю Смутного времени

Пока привилегированные слои общества считают себя вправе поступать так, как им заблагорассудится, не обращая внимания на последствия для окружающих, угнетенным, как правило, крайне трудно добиваться удовлетворения собственных потребностей. Поэтому им приходится сочинять изощренные оправдания для легитимации своих желаний в терминах угнетателей. [При верстке этот кусок продублировать в выносе]

После смерти царя Ивана Грозного в 1584 году власть в России перешла в руки представителя аристократии Бориса Годунова. К концу века все дети Ивана были мертвы. Дмитрий, самый младший из них, умер при подозрительных обстоятельствах от ранения ножом в 1591-м. Это положило конец династии Рюриков, хотя, позже Кропоткин оказался способен доказать родственные связи своей семьи с потомками вождя варягов; революционеры-друзья Кропоткина часто шутили, что у Петра Алексеевича больше прав на трон, чем у Александра II из династии Романовых.

НЕУЯЗВИМЫЙ ДМИТРИЙ

Несмотря на это обстоятельство, 12 лет спустя в западной части царства объявился молодой человек, утверждавший, будто он и есть царевич Дмитрий, спасшийся от рук убийцы и вернувшийся, чтобы восстановить свои права на трон. Режим Годунова ненавидели по всей стране, поэтому под знамена нового царевича Дмитрия стали быстро стекаться враги существующей власти. В южной части страны горожане свергали местных правителей и объявляли о лояльности царевичу, связывая свои надежды на лучшую жизнь с армией восставших. После смерти Годунова в 1605-м большая часть царской армии перешла на сторону повстанцев. Наконец, население Москвы также восстало и сбросило правительство, приветствуя Дмитрия как нового царя. Мать настоящего царевича Дмитрия признала в лидере повстанцев своего сына, а вскоре нашлись и другие, подтвердившие его подлинность.

Менее чем через год, в результате заговора аристократов Дмитрий был убит. Тело было выставлено на обозрение на Красной Площади. В сюрреалистичной попытке уничтожить культ личности царя Дмитрия на всеобщее обозрение был выставлен детский труп — якобы эксгумированное, чудом сохранившееся тело настоящего Дмитрия. Православную церковь заставили канонизировать царевича, погибшего в 1591-м. Мать царевича, еще недавно признававшую своего сына в царе Дмитрии, заставили признать сына в трупе ребенка; правительственная армия шла в бой под благословления «во имя святого Дмитрия». Таким образом, осенью 1606-го и повстанцы, и правительственные войска сражались под знаменами двух мертвых лже-Дмитриев.

Несмотря на это, от имени убитого царя продолжали появляться указы и заявления, а в южных землях восстание вспыхнуло с новой силой. Объявился беглый крепостной по фамилии Болотников, в распоряжении которого оказалось письмо, написанное «самим царем Дмитрием», в котором Болотников объявлялся главнокомандующим царской армией. Этот человек и возглавил войска повстанцев. Вскоре, на стороне восставших сражалась половина страны, и Москва была взята в осаду. Сам Дмитрий публично нигде так и не появился, но повстанцы клялись, что царь жив.

Наконец, правительственным войскам удалось снять осаду и, в свою очередь, осадить лагерь Болотникова. Осенью 1607-го, когда повстанцы были уже почти разбиты, в западных землях объявился еще один человек, утверждавший, что он является чудом спасшимся царем Дмитрием, который начал собирать новую армию. Болотников договорился о сдаче в плен с условием, чтобы всех солдат его армии отпустили на волю.

Его заключили в тюрьму и там убили, но солдаты его армии получили возможность присоединиться к армии нового царя Дмитрия — и, вскоре, Москва снова оказалась в кольце осады.

Осада длилась полтора года. В 1608-м в лагерь повстанцев прибыла жена «царя Дмитрия» и признала в лидере восставших своего мужа. После того, как этот Дмитрий был убит в декабре 1610-го, не прошло и нескольких месяцев, как появился следующий. Смута продолжалась, пока Польша и Швеция не решили, наконец, вторгнуться в Россию, и правящая элита страны осознала необходимость консолидации населения, чтобы дать отпор иностранным агрессорам. Миф восставших Многие историки относятся к череде царевичей Дмитриев как к попыткам воспроизводить один и тот же циничный замысел, но личность

царя Дмитрия можно рассматривать и в качестве коллективной идентичности, мифа, инкарнацией которого мог бы стать любой восставший. Например, после убийства царя Дмитрия в 1606-м, его друг Молчанов «стал» новым Дмитрием, чтобы вдохновить новую вспышку сопротивления власти. Позже в тот же год «царевич Петр», сын бедного сапожника, выдавая себя за выдуманного родственника убитого Царя, отправился на поиски царя — хотя к этому времени Дмитрия уже убивали как минимум дважды, и, вне всякого сомнения, все прекрасно знали, что у царя Дмитрия нет племянника по имени Петр!

Аналогично, после убийства «царевича Петра», появился «царевич Федор» (во главе трех тысяч казаков), утверждавший, будто бы он приходится Петру младшим братом. Позже выяснилось, что у не существовавшего царевича был дядя, «царевич Иван-Август». Дюжины нищих, крестьян, беглых крепостных принимали на себя личины настоящих или выдуманных дворян, следуя описанной схеме. И, что самое невероятное, их соотечественники были явно настроены принимать самозванцев в этих ролях.

Возможно, в столь сильно стратифицированном обществе угнетаемому и разочарованному в правительстве народу оказалось проще поверить в подобие магического реализма, чем восстать и действовать от своего собственного имени. Покуда они оставались крестьянами и крепостными, их цели и идеалы казались бессмысленными и нелегитимными. Но как только во главе повстанцев вставал Царь, или хотя бы служащие Царю воеводы, бунт обретал легитимность и оправданность. Несмотря на все страдания, переживаемые низами общества в условиях царизма, недовольным оказалось проще развернуть борьбу, взяв за основу фантазии о справедливом Царе, чем отказаться от самой идеи царизма.

РЕЛИГИЯ ВЛАСТИ

Все вышеизложенное подводит нас к вопросу — а какой

Царь не является самозванцем? Каким образом наследственность, божественное провидение, или даже процесс выборов могут дать человеку права управлять другими? Вера в право Царя на власть, сама по себе — вера в чудодейственное. Возможно, многие простолюдины в России были морально готовы еще дальше раздвинуть сверхъестественное восприятие в вопросах царской власти, особенно, если это помогало им осуществить собственные желания бунтов и восстаний. С другой стороны, некоторые историки предполагают, что самый первый чудом спасшийся Дмитрий был столь успешен в своем замысле, потому что с самого детства воспитывался в убежденности, что он — настоящий наследник царского престола. В таком случае, что же необходимо, чтобы вырастить и воспитать весь народ в аналогичной убежденности правомочности его устремлений?

Сама идея о том, что восставший (в смысле, бунтующий) Царь — есть проявление божественной власти среди простого народа, чудо его выживания после попытки убийства со стороны светских властей, — одна из вариаций мифа о Христе. И действительно, описанный период истории России напоминает о восстаниях анабаптистов в Западной Европе столетием раньше, когда крестьяне оправдывали вооруженную борьбу апокалипсическими религиозными идеями.

Оба этих примера дают ясное представление о способности мифов наделять людей силой, которая позволяет им выходить за принятые рамки. В то же время, становится очевидным, как мифологии, сформулированные в терминах власть предержащих, навязывают свои собственные ограничения. Покуда угнетенные не почувствуют право действовать от собственного имени без отсылок к божественному провидению, наследственным правам, законам, гуманитарным соображениям, или великим историческим нарративам, все, на что они будут способны — это одолжить у своих угнетателей кусочек свободы на время.

Хочу быть свободным. Только Царь свободен? Значит, я должен быть Царем.

Агент CrimethInc

КРАСНО-ЧЁРНЫЙ ГАШЕК

О бурной молодости великого сатирика

«В сумасшедшем доме каждый мог говорить все, что взбредет ему в голову, словно в парламенте», — подметил чешский писатель Ярослав Гашек в первой части своего бессмертного романа «Похождения бравого солдата Швейка». Книга, ставшая заключительным и самым сильным произведением автора, полна острых атак не только на политиков и военных, но и на священников и весь церковный институт, богачей и дельцов, трусов и прислужников. Всех тех, кого Гашек высмеивал в течение всей своей писательской карьеры. Закалявшейся под черными флагами.

ДОРОГА К БУНТАРСТВУ

Конец XIX — начало XX веков ознаменовалось для Чехии небывалым всплеском политической активности населения. По всей стране возникали социалистические и националистические группы разных направлений, объединенные одной общей целью — борьбой за независимость. С 1867 года республика была частью Австро-Венгрии. При этом самих чехов не жаловали на важные посты, ими управляли в основном чешские немцы. На самих чехов, словаков и моравцев в империи смотрели как на недолюдей, этакий славянский довесок к великому Габсбургскому королевству. Идеальная обстановка для возникновения сепаратистских настроений. Чехи и словаки мечтали о свободе, многие надеялись на помощь России и даже считали, что новую Чехословакию должен возглавить кто-нибудь из династии Романовых. Те же, кто не хотел верить и в русского царя, как правило, шли к анархистам.

Именно анархо-коммунисты задавали тон на левом фланге борьбы против империи. На фоне скучной оппортунистской пропаганды социал-демократов они привлекали народ своей радикальностью, стремлением покончить с государством здесь и сейчас. Анархисты были популярны и среди деятелей культуры, их идеи привлекали таких писателей и поэтов как Иван Ольбрахт, Мария Майерова, Рудольф Тесноглидек, Франя Шрамек и многих других. Не мог не стать анархистом и Гашек. С детства он привык к лишениям. Его отец Йозеф Гашек преподавал в частной гимназии, но позднее, когда дети стали подрастать, устроился на работу в банк «Славия». Когда Ярославу было 13 лет, отец умер от болезни почек. На попечении вдовы Гашековой осталось два сына и осиротевшая племянница Мария. Через два года Ярослав был вынужден бросить гимназию, где числился на хорошем счету, и начать зарабатывать деньги. Он работал в аптеке, в магазине, был служащим банка «Славия», но нигде Гашек надолго не задерживался.

Виной тому беспечный характер будущего писателя, тяга к приключениям, которая постоянно срывала Гашека с места и несла то в Словакию, то в Венгрию и Румынию, то на Балканы. Впечатления от этих поездок превратились в путевые рассказы — первый литературный опыт Ярослава Гашека, который в своих скитаниях больше смахивал на бродягу, чем на путешественника. Ему не однократно приходилось ночевать в тюрьмах или полицейских отделениях, на улицах, нередко будущему писателю предоставляли ночлег случайные прохожие. Находясь на самом дне и общаясь с его обитателями, Гашек по-настоящему влюбился в народ и возненавидел сытых мещан и безразличных толстосумов. Возвращаясь в Прагу, он подолгу засиживался в кабаках, где заводил новых знакомых из бедной среды, слушал их истории, которые потом использовал в своих рассказах. Так родился Гашек-писатель, но так родился и Гашек-революционер.

БОРЬБА КИПИТ

Назвать точное время, когда молодой писатель примкнул к анархистам сложно. Эта дата, как и многие другие факты его биографии, покрыта туманом. Известно, что ещё будучи подростком, Ярослав участвовал в массовых антинемецких демонстрациях, часто заканчивавшихся погромами. Чего стоит один случай, описанный в последствии самим Гашеком: во время очередных уличных беспорядков он был задержан полицией, в его карманах были найдены камни, но юный бунтарь не растерялся, а сумел доказать, что это часть школьной минералогической коллекции, и был отпущен.

Большинство биографов писателя склоняются к тому, что Гашек стал участником анархического движения в 1904 году. По словам Радко Пытлика, ссылавшегося на полицейский рапорт того времени, мать Гашека в июле 1904 года сообщала, что ее сын в последнее время жил в местечке Лом у Духовца, бывшем оплотом северочешских горняков-анархистов. Также известно, что молодой писатель участвовал в антивоенной акции 22 февраля того же года. В тот день пражские городские советники устроили перед православным храмом св.Николая молебен во славу русского оружия — в те дни только начиналась русско-японская война. Анархисты смешались с молящимися и выкрикивали «Долой царя! Позор царю!», стараясь сорвать церемонию.

Вскоре неугомонный Гашек начал работать и жить в редакции анархо-журнала «Омладина». Он выступал на собраниях, распространял брошюры Кропоткина, читал лекции по политической географии, развозил по шахтам северочешского бассейна кипы газет и пачки листовок. [Вставить в вынос]. Конец следующего 1905 года ознаменовался бурными декабрьскими демонстрациями с требованием всеобщего избирательного права и расколом в рядах чешских анархистов. Движение разделилось на два крыла: интеллектуально-теоретическое и практическое. Несмотря на то, что писатели и прочие деятели культуры тяготели в основном к первому течению, Ярослав Гашек примкнул ко второму. Огромным авторитетом там пользовался опытный оратор и демагог Карел Вогрызек, основав-

ший вместе с Ладиславом Кнотеком журнал «Нова Омладина», после цензурного запрета получивший название «Комуна».

Почти в каждом номере этого издания печатались фельетоны и рассказы Гашека, ставшего уже достаточно известным в чешских литературных кругах. Писатель занимался и редактированием газетных полос, сотрудничал с другим анархистским изданием — «Худяс», продолжал выступать на митингах, участвовал в акциях прямого действия. Однажды Гашеку удалось сорвать предвыборную встречу с избирателями кандидата от клерикальной партии Вацлава Мыслица.

А после 1 мая 1907 года писатель был приговорен к месяцу тюремного заключенья за нанесение тяжкого увечья и призыв к нападению на стража порядка. Полицейский протокол утверждает, что Гашек при виде полицейских закричал «Бей», и огрел одного из них палкой по голове. Однако сам демонстрант это отрицал, заявляя на допросе, что кричал не «бей», а «гей», а кто ударил стража порядка, он не видел.

УХОД

Вскоре после выхода из тюрьмы, Ярослав Гашек разорвал с анархизмом. Как и почему это случилось? Снова нет точного ответа. Большевистские авторы любили рассуждать, что за месяц своего заточения будущий автор Швейка «одумался», посмотрел на свою жизненную позицию со стороны и понял, что «индивидуалистический» анархизм — не выход. Другие источники уверяют, что причиной ухода от анархистов стала личная ссора с Карелом Вогрызеком, который в последствии был разоблачён как полициейский провокатор, а в 1918 году эмигрировал в Бразилию. Сам Гашек в своих воспоминаниях писал, что разрыву с анархистами предшествовал разговор с полицейским советником Петрасеком.

После первомайского инцидента и последовавшего заключения, Петрасек, будучи отцом одного хорошего приятеля Ярослава, вызвал его на разговор и «по-отечески» предупредил, что сатирик попал под наблюдение не только пражской, но и венской тайной полиции, и что если он будет продолжать в том же духе, то может нарваться на более крупные неприятности. «Послушайтесь моего совета, уйдите оттуда. Ваша мать — порядочная женщина, ваш брат ожидает места в банке «Славия», идите к младочехам», — вспоминал писатель слова своего собеседника. Действительно ли тому удалось запугать Гашека или тот что-то не договаривает, неизвестно, но есть и еще одна версия причины разрыва с анархистами.

Имя ей Ярмила Майерова. Интеллигентная девушка из состоятельной семьи была возлюбленной оголтелого Гашека еще с 1905 года. Писатель не чаял в девушке души — обещал сложить к ее ногам голову многострадального клерикала Мыслица, а однажды во время загородной прогулки Ярмила вывихнула ногу, и Ярослав нес ее на руках несколько километров до железнодорожной станции. Вот только встречаться открыто влюбленные не могли — семья девушки была настроена против жениха. Первомайский угар Гашека, попавший на страницы прессы, стал для них последней каплей. Когда сатирик вышел из тюрьмы, пан Майер поставил перед ним два условия: устройство на нормальную работу и разрыв с анархистами. Надо сказать, что второе условие Гашек выполнил быстрее. Но и Ярмила Майерова все-таки стала Гашековой, правда лишь в 1910 году.

Дальнейшую довоенную деятельность писателя сейчас, наверное, назвали бы арт-акциями. Он продолжал писать рассказы сразу для нескольких политических сил — от социал-демократов до национальных социалистов. Кто ему больше платил, тем их и отдавал, так что оставалось только вписать нужные имена и сатира была готова. Перед выборами, вместе с двумя приятелями он создал пародийную партию умеренного прогресса в рамках закона и начал ее активно пиарить, выдвигая абсурдные лозунги. Устроился на работу редактором журнала

«Мир животных», где порой писал о вымышленных им самих зверьках — этот сюжет, кстати, в последствии присутствовал и в «Похождениях бравого солдата Швейка». Попав на мировую войну, Гашек быстро сдался русским. В плену он вступил в Чехословацкий легион, а после Октябрьской революции начал сотрудничать с большевиками и вступил в компартию. В Гражданскую войну он служил на восточном фронте. Гашек успел побывать в роли агитатора, коменданта Бугульмы, редактора нескольких большевистских газет. В 1920 году он вместе со своей новой женой Александрой Львовой возвратился в Прагу, где местные газеты успели написать на него уже не один некролог. Поначалу писатель пытался наладить связь с чешским коммунистическим подпольем, но вскоре, убедившись в том, что все его лидеры находятся в заключении, возвратился к прежней, «кабацкой», жизни.

В 1921 году Ярослав Гашек переехал из Праги в маленький городок Липнице, где начал работу над главным произведением всей своей жизни — романом «Похождение бравого солдата Швейка». Однако книга осталась незаконченной. 3 января 1923 года после нескольких месяцев тяжелой болезни, писатель скончался. В день смерти он попрощался с близкими и друзьями словами: «Швейк тяжко умирает». Писателю не было и сорока лет, но прожил он эти годы так, как другие не проживают и сто.

Тов. Аркадий

ВЛАСТЬ - НАРОДУ

Власть - народу!
Потерянное интервью с Джоном Ленноном и Йоко Оно

В прошлом году исполнилось 70 лет с рождения и 30 лет со смерти Джона Леннона. Он вряд ли нуждается представлении, но мало кому известны его политические взгляды. Редко поп-исполнители могут так четко обозначать свою точку зрения, как Джон в этом интервью, которое до сих пор актуально, несмотря на то, что публиковано 40 лет назад в английской троцкистской газете «Красный крот». Вторая его часть будет опубликована в «Автономе» #34.

Тарик Али: Твоя последняя пластинка, а также недавние публичные заявления, особенно интервью журналу «Rolling Stone», наводят на мысль, что твои взгляды становятся все более политизированными и радикальными. Когда это начало происходить?

Джон Леннон: Знаешь, я всегда имел склонность к тому, чтобы мыслить политически, всегда был против существующего порядка. А это крайне важно — когда растешь в страхе и ненависти к полиции, когда каждый коп становится твоим кровным врагом, а армия воспринимается как нечто, достойное лишь презрения, ведь в ней отправляют людей на верную смерть.

Я хочу сказать, что такая позиция — это некий базис для всего рабочего класса, хотя она и отходит на задний план по мере того, как люди взрослеют, обзаводятся семьями и все более вовлекаются в систему.

Если говорить о моем случае, я никогда не был аполитичен, хотя в мои «кислотные дни» (65-66 годы) религия затмевала для меня все остальное. И это увлечение религией было непосредственным результатом всего этого дерьма, связанного со статусом суперзвезды. Религия для меня была выходом из депрессивности. [...]

Однако, я всегда был определенным образом политизирован. В двух моих книгах, хотя они и напоминают абракадабру а-ля Джойс, содержится немало критики в адрес религии, а еще там есть пьеса о рабочем и капиталисте. Я с детства высмеивал систему — например, в журналах, которые издавал сам, и которые передавались из рук в руки — это было еще в школе.

Я всегда помнил, к какому классу принадлежу. Возможно, кто-то даже скажет, что я был чересчур заносчив, но ведь я помнил, как я рос, я прекрасно понимал, что такое классовое угнетение — для меня это все было реальными фактами. Просто ураган под названием «Битлз» закружил так сильно, что я оказался оторван от реальности на какое-то время.

ТА: На твой взгляд, какова причина успеха твоей музыки?

ДЛ: Раньше нам всем казалось, что рабочие наконец-то добились своего, но сейчас я вижу, что это была всего лишь фиктивная сделка — вроде того, как это было с черными, которым разрешили быть бегунами, боксерами, эстрадными артистами. Сегодня мне позволено быть суперзвездой — именно об этом я говорил в альбоме «Working class hero». Позволено людьми, в чьих руках находится власть. А классовая система нисколько не поменялась.

Конечно, кругом полно людей с длинными волосами, молодежи из среднего класса в красивых прикидах. Однако ничего не изменилось — мы, все такие разодетые, по-прежнему позволяем тем же ублюдкам делать то, что они делали и раньше.

Робин Блэкберн: Да, американским группам еще не удалось закрепиться в среде рабочего класса.

ДЛ: Это потому, что все они — выходцы из среднего класса, буржуазия, но не хотят это показывать. На самом деле, они боятся рабочих, ведь те, кажется, больше симпатизируют правым и цепляются за свое имущество. Но если эти группы из среднего класса поймут, что происходит и чего добилась классовая система, тогда у них появится возможность вернуть себе доверие людей и отказаться от всего этого буржуазного дерьма.

ТА: Когда ты начал понимать, что мало подходишь под роль, возложенную на тебя, как на участника Beatles?

ДЛ: Даже в период расцвета Beatles я пытался идти против всего этого. Точно также поступал и Джордж [Харрисон]. Мы несколько раз ездили в Америку, и всякий раз Эпстайн [Брайан Эпстайн — менеджер группы «Битлз» с 1962 по 1967 год] пытался уболтать нас не говорить ничего о Вьетнаме. Однако, пришел момент, когда мы с Джорджем ему сказали: «Слушай, в следующий раз мы ответим, что нам не нравится эта война, и американцы должны убраться оттуда». Так мы и сделали. Для того времени это было довольно радикально, особенно для «Великолепной четверки». Это был первый случай, когда я заявил о своих взглядах.

И, как уже было сказано, я постоянно чувствовал себя под давлением. Мы все были словно в тисках — в такой ситуаци сложно даже говорить о каком-то самовыражении — высокий темп работы, постоянные гастроли, и все это — в коконе мифов и мечтаний. Это довольно сложно, когда тебе, как королю, все говорят, сколь ты прекрасен, тебе достается все самое лучшее... Так вот, сложно отбросить все это и сказать: «Я не хочу быть королем, я хочу быть реальным». В этом русле лежало мое второе политическое высказывание, когда я заявил, что «Битлз популярнее, чем Иисус». Это по-настоящему раскололо сцену, меня тогда едва не застрелили. Кроме того, это было большой травмой для всех тех ребят, что шли за нами. [...]

Постепенное понимание того, что происходит, повергало меня

в стыд. Я не делал никаких заявлений. Я разрывался, потому что не мог больше играть в эту игру, это было уже слишком. Несомненно, большую роль в росте моего самосознания сыграла поездка в Америку, и особенно то, что она участвовала в войне. Мы оказались своего рода «троянским конем» - сначала поднялись на самый верх, а потом запели о наркотиках и сексе. Именно в то время я стал употреблять все более тяжелые вещества, а наши дела пошли на спад.

РБ: Разве не было ли некой двойной нагрузки во всем, что делали Beatles с самого начала?

Йоко Оно: Вы всегда высказывались прямо.

ДЛ: Ну да, первое, что мы сделали — провозгласили всему миру наше ливерпульское происхождение. Мы сказали: «Это нормально — быть из Ливерпуля. И разговаривать так тоже нормально». До этого всем выходцам из Ливерпуля — это Тэд Рэй, Томми Хэндли, Артур Эски — пришлось избавляться от своего акцента, чтобы попасть на БиБиСи. Они были просто комиками, не музыкантами, но именно они первыми прошли этот путь. Мы же отказались играть в эту игру. После того, как Битлз появились на сцене, все стали говорить с ливерпульским акцентом — даже те, кто ни разу не был в Ливерпуле.

ТА: В определенном смысле ты думал о политике даже тогда, когда критиковал революцию?

ДЛ: Ах, да, «Революция». Существует две версии этой песни, но андерграунд воспринял только одну — ту, в которой поется «если речь идет о разрушении... - я пас». Оригинальная же версия, выпущенная на LP, заканчивается словами «я в игре». Я включил в альбом оба варианта, так как не был уверен, какая из позиций более правильная. Была и третья версия, абстрактная, в которой были перемешаны окружающие нас звуки и людские голоса. Мне казалось, что с помощью звука я рисую картину революции, — однако, я допустил ошибку. Это была не революция, а анти-революция.

В версии, распространявшейся как сингл, были слова «если речь идет о разрушении... - я пас». Я не хотел, чтобы меня убили. Я практически ничего не знал о маоистах — лишь то, что их, вроде, было совсем немного, что они мазались зеленой краской, а потом стояли перед полицией, дожидаясь, когда их повинтят. На мой взгляд, все это выглядело довольно топорно и нелепо. Мне казалось, что настоящие коммунисты и революционеры координируют свои действия несколько лучше и не кричат о своих взглядах на каждом углу. Разве нет? В общем, вот такие вопросы занимали меня в то время. Как выходец из рабочего класса, я всегда интересовался СССР и Китаем, всем, что связано с пролетариатом, хотя сам и участвовал в капиталистической игре.

Но какой-то момент я оказался настолько вовлечен во все это религиозное дерьмо, что был почти готов отправиться по улицам с проповедью христианского коммунизма. Однако, как выразился Янов [Артур Янов (р. 1924) — американский психоаналитик, основоположник терапии «первичного крика»], «религия — это узаконенное сумасшествие». Помощь психоаналитика позволила мне отбросить прочь все это и почувствовать свою собственную боль.

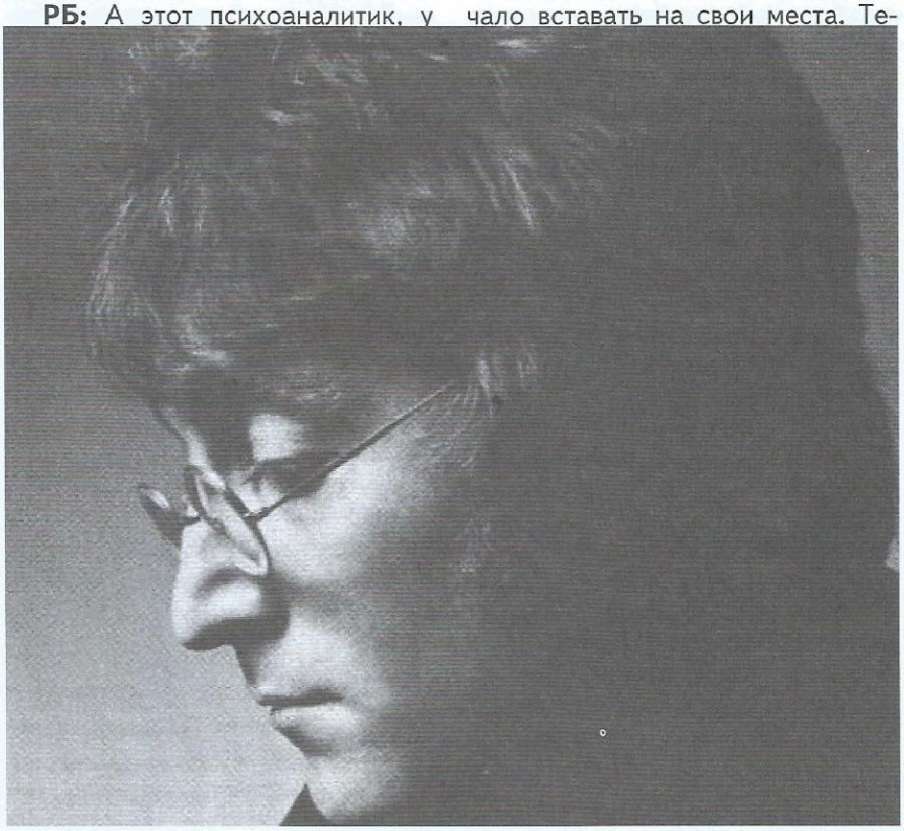
РБ: А этот психоаналитик, у которого вы проходили курс терапии, как его зовут?

ДЛ: Янов.

РБ: Кажется, в плане идей он близок к тому, о чем говорил Лэйнг [Рональд Дэвид Лэйнг (1927 — 1989) — шотландский психиатр, оказавший значительное влияние на развитие антипсихиатрического движения], — он также не хочет примирять людей с их страданием, адаптировать их к миру. Наоборот, они должны увидидеть непосредственные причины того, что с ними происходит.

ДЛ: Его подход состоит в том, чтобы дать пациенту почувствовать всю боль, накопившуюся у него внутри с самого детства. И мне тоже пришлось сделать это, чтобы по-настоящему разрушить все религиозные мифы. В ходе этой терапии действительно ощущаешь каждый болезненный момент своей жизни. Это мучительно. Приходится понять, что боль, которую ты испытывал и испытываешь, или страх, заставляющий тебя просыпаться ночью с колотящимся сердцем, — все это твое, только твое, и никакие небесные силы не имеют к этому никакого отношения. К этому имеют отношение только твои родители и среда, в которой ты вырос.

Когда я осознал это, все начало вставать на свои места. Те-



рапия помогла мне избавиться от всей этой божественной ерунды. Все мы, когда растем, постепенно привыкаем к боли. Хотя мы и пытаемся ее подавить, она все равно остается с нами. Самая страшная боль — боль от осознания собственной нежеланности, когда понимаешь, что твои родители не нуждаются в тебе настолько, насколько ты нуждаешься в них.

Ребенком я пережил подобные моменты — мне не хотелось видеть уродство мира вокруг, не хотелось чувствовать себя нежеланным. Эта нехватка любви вошла в мою душу и мой разум. Янов не просто говорит об этом — он заставляет вас это почувствовать, а потом уже можете двигаться дальше почти самостоятельно.

Когда просыпаешься, а сердце едва не выскакивает из груди, или когда не можешь спину разогнуть, или когда еще что-то подобное беспокоит — во всех этих случаях нужно сосредоточиться на восприятии боли, а не подавлении. Боль позволит вам вспомнить все самое важное. Следуя по такому пути, вы направляете боль в правильное русло, а не подавляете ее, принимая таблетки или ванну, в уверенности, что «все пройдет». Большинство направляют свою боль в русло религии, или мастурбации, или еще чего-нибудь воображаемого.

Эта терапия — как очень медленный кислотный трип, естественным образом происходящий в вашем теле. Знаете, довольно сложно говорить об этом, ведь слова, с помощью которых я мог бы передать свои ощущения — «Я есть боль», звучат как нечто совершенно абстрактное. Однако, физически прочувствовав все эти, столь многочисленные, случаи ее подавления, я стал воспринимать боль совершенно иначе. Казалось, будто я снял перчатки, и впервые почувствовал свою собственную кожу.

Дикое занудство, конечно, — говорить так, но я не уверен, что вы сможете меня понять - до тех пор, пока сами через это не пройдете. Хотя, я все-таки пытался отразить этот опыт в своих песнях. Так или иначе, все это позволило мне устранить фигуру Бога, фигуру Отца и взглянуть в глаза реальному миру, вместо того, чтобы беспрестанно метаться в поисках «небес».

РБ: Ты считаешь семью репрессивным институтом?

ДЛ: Ну, вы знаете, мой случай — особенный. Мои родители разошлись, отца я впервые увидел, когда мне было двадцать, с матерью я тоже виделся очень редко. А вот родители Йоко всегда были с ней, но это мало что меняло...

ЙО: Возможно, для ребенка это даже труднее... Когда ты голоден, фантазии о еде не насыщают — наоборот, хочется есть еще сильнее... В общем, пользы — ноль. В детстве мне часто хотелось, чтобы моя мать умерла — по крайней мере, это обеспечило бы мне хоть какое-то людское сочувствие. Но она была в порядке — моя прекрасная, милая мамочка.

ДЛ: Семья Йоко принадлежала к японскому среднему классу, но в ней существовало точно такое же подавление. Мне кажется, дети из среднего класса травмируются в наибольшей степени, когда у них приятные во всех отношениях родители, улыбчивые и красиво одетые... И в какой-то момент отпрыски должны сказать им: «Мама, папа, прощайте». Это непросто.

ТА: Как это отразилось в вашей музыке?

ДЛ: Искусство — лишь способ выразить боль. Я думаю, что Йоко не смогла бы делать такие авангардные вещи без того опыта боли, через который ей довелось пройти.

РБ: Многие песни Битлз — о детстве...

ДЛ: Да, в основном — те, что я сочинил...

РБ: И хотя все они очень хороши, есть в них какой-то недостающий элемент...

ДЛ: Недостающий элемент — реальность. Потому что я никому не был нужен по-настоящему. Только поэтому я и стал звездой. Я бы никогда не добился этого, будь я «нормальным»...

ЙО: ...и счастливым...

ДЛ: Я двигался вперед, чтобы в какой-то момент сказать: «Мама и папа, а сейчас вы будете меня любить?»

ТА: Однако, тебе удалось добиться того, о чем большинство людей даже и мечтать боятся...

ДЛ: О, господи... Все это — очень тяжелый груз. Мы были вынуждены пройти через множество унижений и глупостей. [...] Все пытались нас использовать. Мне было особенно сложно, потому что я не могу помалкивать, когда требуется. Чтобы выдержать это давление, приходилось постоянно напиваться или закидываться колесами. Это было черт те что...

ЙО: Это лишало его какого-либо реального опыта...

ДЛ: Это все было очень неприятно. За исключением, конечно, самого начала — и восторг, и волнение — все это было, когда мы впервые вышли на самый верх в чартах, впервые поехали в Америку. Тогда у нас была своего рода цель — стать такими же великими, как Элвис, добиться такой же популярности. Мы с усердием двигались вперед, и это было круто, но по мере приближения к этой цели нарастало разочарование в ней. Я понял, что постоянно вынужден угождать людям вроде тех, которых ненавидел в детстве. Это вернуло меня к реальности.

Я начал осознавать, что все мы находимся в состоянии угнетения, и мне хотелось сделать что-нибудь, чтобы эту ситуацию изменить, хоть я тогда и не очень представлял, что именно.

РБ: В любом случае, политика и искусство связанны, правильно? В том смысле, что культура, а не сила оружия является сейчас инструментом подавления рабочих...

ДЛ: ...оболванивания...

РБ: И культура, оболванивающая их, художником может либо создаваться, либо разрушаться...

ДЛ: Именно это я и пытаюсь делать в своих песнях и интервью. Пытаюсь повлиять на всех, до кого могу достучаться, поставить большой знак вопроса перед теми, кто еще не проснулся. Кислотный сон кончился — вот что я пытаюсь им сказать.

РБ: Знаешь, уже было такое, что люди переделывали песни «Битлз» на свой лад — например, существует несколько версий «Желтой подводной лодки».

Участники одной из забастовок пели так: «Все мы живем на хлебе и маргарине», у левых студентов был свой вариант: «Все мы учимся в красной Школе экономики».

ДЛ: И мне это нравится. [...] Еще я был очень обрадован, когда узнал, что американские пацифисты «взяли на вооружение» мою песню «Дайте миру шанс» - тем более, что именно о них я думал в момент ее написания. Мне хотелось, чтобы у них было что-нибудь посовременнее, чем это древнее «Мы преодолеем» [название популярной песни борцов за гражданские права 1960-х и участников антивоенного движения, обычно исполнявшейся на митингах и во время маршей протеста. Первоначально — баптистский гимн, слова которого неоднократно изменялись] — я посчитал своим долгом написать песню, которую люди могли бы петь в пабе или на демонстрации. Теперь вот мне хочется сочинять песни для революции...

РБ: У нас не так уж и много революционных песен, и все они были написаны в девятнадцатом веке... Как ты считаешь, существующая музыкальная традиция может быть материалом для революционных песен?

ДЛ: Когда я только начинал, рок-н-ролл сам по себе был революцией. Для всех нас. Нам было нужно что-то громкое и чистое, чтобы пробить стену бесчувственности и подавления, выстроенную теми, кто сидел на самом верху. Немного поразмыслив, мы решили начать с копирования американской музыки. Однако, позднее, уже уйдя в музыку с головой, мы обнаружили, что американская музыка на 50% — это кантри, которое имеет западные, белые корни, а другие 50% — это музыка черных, ритм-энд-блюз. Многие из лучших песен Боба Дилана — из Шотландии, Ирландии или Англии. Это был, своего рода, культурный обмен. Должен заметить, что меня всегда больше интересовала черная музыка, потому что она очень простая. И очень грубая, но по-настоящему новая — по крайней мере, для своего времени. Это были песни рабов, занятых на полях, о тех страданиях, через которые им приходилось пройти. Они не могли самовыразиться «по-умному», поэтому им приходилось всего в нескольких словах рассказывать о том, что с ними происходило. А еще был городской блюз — в этих песнях пелось в основном о сексе и драках.

Это все было по большей части самовыражением, которое только в последние годы нашло настоящий выход — в движении Black Power, или в антивоенных песнях Эдвина Старра [Эдвин Старр (1942 - 2003) — американский соул-певец, исполнивший, среди прочих, песню «War», ставшую гимном антимилитаристского движения]. До этого многие черные музыканты бились над проблемой бога, и в основном решали ее так: «Бог нас спасет». И все же, основной темой для песен было то, с чем они тогда сталкивались напрямую, — боль и секс. Поэтому, кстати, мне и нравится их слушать.

РБ: Ты говоришь, что кантри и западная музыка берут начало в европейской народной музыке. А тебе не кажется, что многие народные песни — это просто нечто ужасное, ведь их основная тема — это потери и неудачи?

ДЛ: В молодости мы все были настроены против народных песен, они для нас были выражением духа среднего класса. Все эти замотанные в шарфы студенты с кружкой пива в руке, дурными голосами распевающие «Работал я раз на шахте в Нью-Касле» — да, все это было просто ужасно. На самом деле, исполнителей настоящих народных песен было очень мало — может быть, только Доминик Биэн, да еще несколько человек, которых стоило послушать, в Ливерпуле. Просто иногда, бывает, случайно услышишь старые записи песен ирландских рабочих на радио или по телевизору, или если просто кто-нибудь поет их поблизости, и понимаешь, сколь велика и фантастична сила их воздействия.

Однако, сегодня народная музыка по большому счету ассоциируется со сладкоголосыми людьми, пытающимися продлить существование чего-то старого и мертвого. И все это скучно, как балет, например, — меньшинство пытается поддерживать нечто, что только ему, меньшинству, и интересно. Народная музыка сегодня — это рок-н-ролл. Хотя он зародился в Америке, это не так уж и важно — в конце концов, мы стали писать свою собственную музыку, и это перевернуло все.

Троцкистская газета The Red Mole, 1971 год. Перевод и примечания: VW

Беседовали Тарик Али и Робин Блэкберн

«МЫ ДОХОДЧИВЫ ДО ШИРОКОЙ ПУБЛИКИ»

Интервью с творческим лидером питерской анархо-группы «Электрические Партизаны» Вадимом Курылевым перед их выступлением на «Дне Дезертира 2011»

- Вы приехали на «День Дезертира»?

- Да, нас пригласили на этот фестиваль московские ребята. Вообще сейчас мы еще мало выступаем на анархических мероприятиях, но будем развивать эту линию. Уже много появилось знакомых в «Автономном Действии» и вообще среди анархистов.

- Как вы представляйте свою роль на таких мероприятиях? К примеру, Rage Against The Machine постоянно бесплатно выступала на концертах, организовываемых левыми.

- Мы с радостью будем поддерживать левые мероприятия и дальше, единственное, что авторитарные левые нам не близки. Все-таки мы позиционируем себя как анархистская группа. В отличии от групп звездного уровня, которые своим участием могут привлечь много народу, мы немножко в другой ситуации. Группа наша андерграундная, некоммерческая. Известная больше в узких кругах. Я, например, своим творчеством хочу развернуть людей, которые увлекаются музыкой и знают нас, в сторону анархистских идей, увлечь их. И одновременно с этим выйти на анархо-публику, чтобы подпитываться антифашисткой/анархистской энергетикой, так как мы до сих пор были сами по себе, а хочется как-то полноценно участвовать в движении. К сожалению, мы группа маломощная в финансовом плане. Мы не можем собрать хорошие пожертвования в «Черный крест», например. Зато идеологически, я считаю, мы доходчивы для широкой публики. Потому что большинство анархо-групп находятся достаточно в замкнутом сообществе и, мне кажется, надо прорвать эту стену. Да и другие артисты и их публика будут тоже вливаться в анархо-движение постепенно. Вот это основная наша задача.

- С какого года «Электрические Партизаны» начали выступать?

- Под таким названием существуем около шести лет. Но и до этого играли — с того момента, как в 2002 году я покинул группу ДДТ и в 2003 начал свою сольную «карьеру».

- Я всегда вас сравнивал с такими группами как «Телевизор» и «Монгол Шуудан». Что общего, на ваш взгляд, между вами?

- «Монгол Шуудан» я сейчас немножко покритикую. Мне кажется, некоторая лубочность в их анархизме присутствует, то есть анархизм образца советских кинофильмов. Не в современном понятии мирового анархо-движения, а как экзотика видится мне эта группа. Нельзя сказать, что это плохо. Они хорошие музыканты, у них много хороших вещей. Но они, мне кажется, к современному анархистскому движению мало имеют отношение. С Мишей Борзыкиным (лидером группы «Телевизор») мы в хороших дружеских отношениях, но он все-таки не анархист. Он, конечно, имеет отношение к оппозиционным движениям. У нас даже есть, мною инициированный, проект «Подпольный Фронт», где вместе с ним записали две песни. Одна была посвящена строительству газоскреба, которое, все-таки не состоялось — песня «Город проснись» и «Песня 31», посвященная «Стратегии 31». Анархисты не очень участвуют там, но вот очень в тему они в Питере вывесили на их акции традиционной баннер «Любая власть гавно — запрещать запрещено». Мне в «Стратегии 31» нравится противостояние народа с государством. Сама суть противостояния, когда народ показывает гражданское неповиновение.

- Конечно, анархисты должны участвовать в таких темах на таком уровне. Не упускать из виду широкие общественные движения. Но одновременно мы критикуем их, потому что в

итоге меняется шило на мыло.

- К сожалению, большинство людей считают, что надо власть на власть сменить — это главное заблуждение широких масс. Обязанность музыкантов, кто себя причисляет к анарходвижению, как можно большей публике рассказывать и объяснять — и в песнях, и в интервью — что любая власть — гавно. :) Как написали питерские анархисты 31 числа на крыше пассажа.

- Когда ваша творческая деятельность начала пересекаться с анархизмом? Когда вы стали вливать идеи в свое творчество?

- Это произошло за последнее десятилетие. Я, в принципе, был пролевых взглядов, с момента ухода из ДДТ. Но такие четкие анархо-взгляды у меня сформировались в последние три года. Постепенно я осознавал, в общем, то, зачем я живу теперь. Я даже раньше был скорее либертарианцем. Я это пережил и понял, что я левых анархистских взглядов.

- Почему ушли из ДДТ?

- Находясь в супер-группе, я видел мир через призму ДДТ. Когда я оттуда ушел, то окунулся в реальную жизнь. Видимо, мне этого не хватало, захотел вырваться. Я понял, что я проживаю жизнь не свою, а какого-то другого человека. С годами стало это тяготить, и я понял, что надо рвать когти. Понял, что хочу делать, то, что я хочу. Хотя знал, что будет тяжело. Андерграундный рок у нас вообще дело неблагодарное. Прожить на это тяжело, практически невозможно. Но и оставаться там ради зарплаты я больше не хотел. Хотя пришел в эту группу совершенно по другим соображениям в 1986 году, когда о зарплатах и речи не было. А то, что группа ДДТ превратилась в супер-группу и неплохо зарабатывает и имеет серьезный статус в стране, это отчасти и моя вина, мы все на это работали много лет. Я посчитал, что для группы ДДТ я сделал все что мог и все что хотел. Дальше просто не мог и не хотел. Поэтому и ушел.

- Я вот лично считаю, что вы играете русский рок. А как вы сами можете охарактеризовать свой стиль?

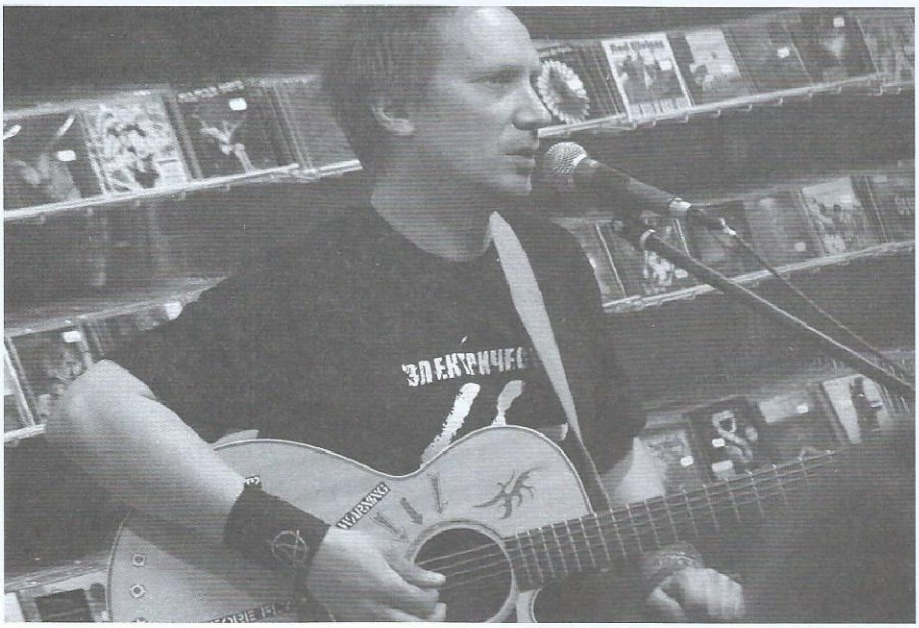
- Уклон идет в панк, и хардкор пытаемся делать. Может, сама суть песен такая, но формы музыкальные мы берем более жесткие, не вполне характерные для русского рока. Русским роком нас называют по инерции, отождествляя как продолжение идей ДДТ. У некоторой публики просто повешен ярлык на нас.

- Химкинский лес стал символом противостояния общества и низовых политических активистов с местечковой властью и федеральной администрацией. Это стало уже не защитой леса, а защитой гражданского общества. Так вот, насчет ситуации в Химках и мнения питерских музыкантов Шевчука и Шнура, которые они отразили в своих песнях. Как вы смотрите на их мнения, и расскажите ваше собственное?

- Я естественно за Химкинский лес. В одной из последних песен у меня попало словосочетание «Химкинский лес». Косвенно упоминается, но именно как символ. Что касается позиций Шевчука и Шнура, то о Шнуре и говорить нечего. Понятно, что человек просто зарабатывает деньги любыми методами. И прямо об этом заявляет, что он бизнесмен от музыки. Поэтому, как он может выразить какие-то идеи. Как можно верить в высказанное им, когда он этим зарабатывает деньги. Ему нужен был какой—то информационный повод, чтобы там встряхнуть публику перед концертом воссоединенной группы «Ленинград», вот он взял, схватил эту тему животрепещущую и написал гнусный пасквиль. Причем он обвинил экологов, что они участвуют за деньги, в продажности и меркантильности, хотя на самом деле сам таков. Персонаж мне лично неприятный он давно. Другого я от него и не ожидал никогда.

- Что сейчас важно для анархистской контркультуры?

- В России просто анарходвижение очень слабо развито, в отличие от Запада. У нас социальное гражданское самосо-



знание новой России еще не сформировалось. Раньше было одно — все были против совка. Там-то это уже давно сформированные движения и течения, противопоставляющие себя капиталистической системе. Они достаточно сильны, потому что у них давние традиции. У нас традиций таких нет. Мы свою историю черпаем в XIX веке. С революцией анархистов всех коммунисты порешили. К 30-му году мало кто в живых остался, если в лагерях только. И сейчас социальное гражданское сознание начинает просыпаться, сейчас важен момент формирования. И мы должны запустить идеи именно анархического сообщества в народ. Сейчас самый момент. Все ругают власть, но почему-то считают, что если сменить власть одну на другую, то все будет хорошо. Это главное заблуждение людей. У нас нет популярных анархо-групп, которые могли бы вливать в массы идеи. Может, мы прорвемся.

- Но надо как-то сохранять свои идеи при этом. Приходиться договариваться с менеджерами и звукозаписывающими компаниями...

- Мы пришли к тому, что полностью по возможности делаем сами почти все. Сейчас работаем с «Выргородом», который не имеет отношения к шоу-бизнесу. Это независимый лейбл. На свои и деньги друзей мы записываем альбомы. Издаем их диайвай-образом. Чтобы над нами не довлела волосатая рука шоу-бизнеса. Мы выпустили несколько альбомов на «Бомба-Питер», лэйбл этот не крупный, но и там давление мы иногда ощущали. Очень активно пользуем интернет для распространения своих записей.

- В каких городах выступали «Электрические Партизаны»?

- В Украине (Харьков, Кривой Рог, Киев). В Украину сделать выезд нам легче, чем по России. В Питере и Москве

тоже постоянно. А так, мало куда зовут в российские города. За границей пока тоже не были.

- Расскажите про первый альбом «Дзен-анархия». Почему такое название?

- Мне показалось, что это провокационное словосочетание. Должно было произвести яркую встряску в голове. А у меня это сложилось в одно понятие. Дзен буддизм это одна из анархических мировых религий. Там нет господина и раба как, например, в христианстве или мусульманстве, где человек это раб божий. В буддизме этого нет. Там считается что бог внутри каждого человека, где он сам может стать Буддой, если будет над собой работать. Совершенством. Это созвучно с анархо-идеей, когда человек без какого-либо понуканья и рабского повиновения сам себя совершенствует духовно и идеологически. Сам себя делает развитым индивидуумом. Словосочетание довольно странно звучит со стороны, но это в нем мне и нравится. Идеологии и религиозного течения само название под собой не подразумевает. Это художественный образ. Сама песня вообще психоделическая. Все остальные песни на альбоме про махновцев, RAF и мой дзен. Этот альбом помог нам выйти на анархическую стезю. И следующий альбом «Век неспокойного солнца» был уже в революционном настроении. Песни там призывно-лозунговые к борьбе, против рабства. Сейчас новый альбом пишем «Р.В.И.». Уже выложили несколько песен в интернет. Решили частями выкладывать.

- Почему «Р.В.И.»?

- У нас в Петербурге есть сепаратистское движение Ингерманландии. У меня был одноименный альбом. Достаточно психоделический. Его подхватили краеведы местные, которые были за самостоятельность Петербурга и края Ингрии. Сейчас выяснилось, что там большой уклон в ультраправую сторону. Я решил создать некий противовес этому. Придумал для начала художественный образ левого сепаратизма. Р.В.И. расшифровывается как Республика Вольная Ингрия. Такая задуманная мною анархо-сепаратистская страна, которая выходит из состава Российской Империи и на своей территории устанавливает анархический общественный строй. Я считаю, что Россия — слишком огромная страна, чтобы одновременно на всей территории начал существовать анархизм. Нужно действовать регионально. Когда один регион отделиться, то и остальные начнут. В каких-то регионах может быть будет более анархистский уклад, в каких-то менее. В любом случае нужно, чтобы империя распалась. В этом плане я антиимпериалист и антиглобалист.

- Основная анархистская критика сепаратистских движений в том, что к власти приходит национальная элита и возникает новое государство.

- Я хотел бы, чтобы в Ингрии возникла большая анархо-коммуна. Этот край может быть самостоятельным. Кремль выкачивает все ресурсы сейчас. Наш город — туристическая жемчужина, есть ресурсы и производство. Если где-то в регионе придет в массы анархистская идея, то надо сразу отделяться от российского государства. При этом солидаризироваться с другими анархистскими движениями, иначе сожрут внешние враги — капиталисты. Петербург должен быть вольным городом без Матвиенко, посаженной Кремлем. Мы ее даже не выбирали номинально. Власть сейчас централизуется, укрепляется ее вертикаль, регионы должны бороться за свою самостоятельность. Правые в этом плане шустрее, анархисты более осторожные. Я агитирую за независимость регионов, империю без этого не уничтожить. Мы задаем левый уклон. Воюем с правыми на этом идеологическом поле. У них самих большой раздор в этом вопросе. Кто на центристских позициях стоит, кто откровенные нацисты. В реальности сейчас ничего не делается, но, зная силу теории, что она может воплотиться в жизнь, надо разрабатывать свою. Мы так и поем «Буржуям и наци здесь не место. Эй, подпевай мой гимн протеста». Чтобы нас не ассоциировали с нацистами. Мы анархо-радикалы.

- Какая публика ходит на ваши концерты в Питере?

- Очень разная. Но субкультурных людей нет. Мы хотели бы, чтобы и они подтягивались на наши концерты. Чтобы происходили слияние и взаимодействие. Мы делали концерт в «V-клабе», вместе с «Бригадиром» и «Весной Народа». Собрали наши публики вместе, чтобы перезнакомились друг с другом. Перестали вариться в своих тусовках. Хотим видеть наших анархистов не только как нигилистов, но активных людей, которые хотят что-то менять, революционеров. Анархо-движение это больше, чем отделить себя от окружающего мира, наоборот, это стремление изменить мир в лучшую сторону. Поэтому мы не хотим быть только в панкроке, но и активно участвовать в анархо-темах.

- Какие у вас дальнейшие планы?

- Хотелось бы больше выездов. Пока получается делать их по Украине только. Играть больше концертов для всех желающих. Ну, остальное делать так, как рассказал в интервью.

Беседовал Алексей Иксрашиксов

"ПРО ПАБЫ" БОЛЬШЕ НЕ ПОЁМ

Интервью с группой «Военное положение»

На бурно развивающейся в последние годы российской скинхед-сцене музыкальных групп, пропагандирующих либертарные взгляды, не так много, как хотелось бы. Да и большинство из них распадается, не записав второго альбома. Нижегородский коллектив «Военное положение» ярко выделяется на этом фоне. Не только своей плодовитостью — за два с половиной года команда выпустила уже три диска и готовит четвертый — но и позициями, на которых стоят музыканты. Романтика высоких ботинок и подруг-хулиганок соседствует с темами об уличных боях с нацистами и классовой борьбе с эксплуататорами. Не стоит забывать и то, что трое из пяти музыкантов группы являются участниками «Автономного Действия». На вопросы «Автонома» отвечают вокалист группы Левый, гитарист Варяг и ударник Ваня.

- Начнем с конца. Чем сейчас занимается группа и какие у вас ближайшие планы?

Варяг: Сейчас мы репетируем пару новых песен, делаем пару каверов.

Левый: Хотелось бы записать новый альбом в этом году.

Варяг: И хотелось бы, чтобы он был на уровень выше.

- А что не так в предыдущих релизах?

Ваня: Каждый наш диск — это новая ступень и нам нужно расти и дальше. Когда мы записали альбом «Hools in the Boots» нам все понравилось, но после следующего EP «Улицы ждут твоей крови» мы его переслушали и поняли все свои косяки. Следующий релиз должен быть таким, чтобы его отличие от EP-хи было на лицо. Нужно постоянно развиваться.

- На кого будут новые кавера?

Варяг: Это будет песня для трибьюта What We Feel. А какая именно мы пока не скажем — секрет.

- Некоторые люди были разочарованы диском «Улицы ждут твоей крови»...

Варяг: Да, потому что мы исключили песни на пивную тематику. Хочется идти в ногу с движением и петь о тех проблемах, которые мы в нем видим. «Hools in the boots» же был таким... Более скиновским, раздолбайским.

- Какие проблемы вы видите в движении?

Ваня: Когда я пишу тексты, я ориентируюсь на себя и на то, что вижу вокруг. А вижу я спад интереса к анархотематике, превращение сцены в повод покутить и потусоваться с пацанами.

Варяг: Новые люди неподкованы, незаинтересованы, им нужны развлечения, а не действие.

- Какой вы видите выход из этого?

Ваня: Нужно следить за собой и стараться подать пример.

Варяг: Мы вот не поем больше песню «Наш паб», хватит уже алкохолокоста. На афишах наших концертов мы несколько раз писали, что алко- и нарко-личности не будут пускаться.

- А среди вас самих есть непьющие/некурящие люди?

Варяг: Есть непьющие и есть некурящие.

Ваня: Я позволяю себе выпить. Делаю это не особенно часто, в кругу друзей, на концертах, но одно дело выпивать и адекватно себя вести, понимать, что до тебя пытаются донести со сцены... По-моему, это вполне нормально. Другое — нажраться, наблевать и валяться в грязи с кодлой таких же как ты панк-рокеров. Эти люди — позор движения. Ну а о таких кадрах, для кого алкоголь или наркотики вообще становятся жизненной проблемой, и говорить-то не хочется.

- Что такое RASH Gorky Crew? Это и музыкальный лейбл, и граффити-комманда...

Варяг: Это творческая группа, которая занимается организацией концертов, выпуском дисков левых групп, а также настенным искусством и многим другим.

Ваня: Это объединение людей, которые давно друг друга знают и которые хотят нести какой-то посыл обществу, заниматься пропагандой наших идей. Все эти действия объединяются одним лейблом — RASH Gorky Crew.

- Кроме группы «Военное положение» туда входит много человек?

Ваня: Пара граффитчиков...

Варяг: Еще несколько рашей, помогающих с организацией концертов, один парень отвечает за финансовую помощь ребятам, попавшим в трудную ситуацию, несколько ребят, занимающихся спортом. На самом деле не так много людей. Да и в нижегородском движе их не так много.

- Как у вас самих со спортом?

Ваня: Я занимаюсь тайским боксом, но не сказать, что это у меня очень серьезно, по большей части для общего саморазвития и поддержании себя в форме.

Варяг: Басист давно занимается карате. Я раньше длительное время занимался боями без правил и тайским боксом.

Левый: Я работаю и учусь. Времени остается мало, поэтому посещаю только качалку.

Варяг: А наш второй гитарист пытается мутить кружок по рукопашному бою для молодых активистов.

- Откуда взялась мода на название Горький? По-моему у многих оно ассоциируется с тем периодом, когда город был закрытым?

Варяг: На мой взгляд, в городе Горьком жизнь была лучше. И мне не нравится название Нижний Новгород, потому что оно ни о чем, какое-то доисторическое. А Горький — это еще и великий пролетарский писатель.

Ваня: В городе Горький люди верили, что все будет строиться во имя трудового народа, что все будет нормально. Пусть их в итоге обманули, но сейчас у людей даже подобия такой веры нет вообще, а общество, живущее без какой-либо объединяющей цели, обречено, у него нет будущего. Как нет будущего и у этой страны, в которой мы с вами живем.

- Различаются ли политические взгляды внутри группы?

Варяг: Да, различаются, но в основном в «Военном Положении» — анархо-коммунисты. Представителем левацких взглядов в группе являюсь я. И мне кажется, что у анархистов существуют большие предубеждения по поводу «красных». «Все красные авторитарные», «предатели революции», «они за государственную власть»...

- То есть государственных социалистов у вас в группе нет?

Варяг: Нет. Я не государственник, но и не анархист. На мой взгляд, левые идеи слишком глубоки, чтобы их ограничить одним ярлыком. Они взаимодополняют друг друга. Я, скорее, интегральный левый или новый левый.

- Хорошо, кто же повлиял на твои взгляды?

Варяг: Маркс, Прудон, Штирнер, Бакунин, Негри, Диоген Синопский, Троцкий, Робеспьер, Жан-Поль Марат, Жак-Рене Эбер очень крутой мужик был, Ленин, Ошо, Фидель Кастро, Дима Нагель, Кампанелла, Савинков, Марио Моретти и Ренато Курчо, Мао, Сократ, Хьюи Ньютон.

- С первого вашего диска прослеживается тема пропаганды насилия. Песни о крови, пробитых головах... Вы осознаете, что сочиняя и исполняя их, вы несете ответственность за своих молодых слушателей 15-17 лет, которые, возможно, наслушавшись их, будут резать бока и проламывать черепа, а потом садиться или получать ножа?

Варяг: Мы и сами также получаем...

Ваня: На первом демо тексты писал бывший вокалист, который уже ушел из группы. В то время нам действительно казалось, что мы готовы всех уничтожать. Юношеский максимализм. Я тоже писал подобные тексты. Песню «Сколько можно терпеть» сочинил, когда на нас постоянно мутили боны, и терпеть уже дальше было нельзя, нужно было давать отпор. Со временем же я посмотрел на ту молодежь, которая под нас рубиться и понял, какая ответственность на мне лежит. Поэтому сейчас стараюсь отходить от открытых агрессивных тем, типа «нападай, режь, убивай». Пора прекращать эскалацию насилия. Одно дело — оправданное насилие, самооборона, а другое — порезанные карланы. Пользуясь случаем, хочу обратиться к нашим слушателям: ребят, не прыгайте на кого попало, подходите к делу с умом и ответственностью.

- Продолжается ли активное противостояние между ультралевыми и ультраправыми на улицах Нижнего Новгорода?

Варяг: Я бы так не сказал. Все сходит на нет.

Ваня: С правой стороны самых оголтелых посадили, те, кто были менее оголтелыми — прижухли. Органы вовремя спохватились. Мы тоже ощутили на собственной шкуре их прессинг. Значит, нужно двигаться в другую сторону, подзабить на уличное насилие и повышать организационный уровень.

Варяг: Но угроза со стороны правых все еще существует, и она провоцирует представителей нашего движения, как анархистов, так и аполитов, идти заниматься в спортзал. Если на улице не будет противостояния, если все это скатится к какому-то либеральному подполью, то это все на**й не нужно.

- Какие формы борьбы должны преобладать? Мы должны сплачиваться на почве скиновской культуры, вступать в большие организации или действовать маленькими законспирированными группами?

Ваня: Я сам состою в «Автономном Действии». В былые времена она была оплотом всего нижегородского движа. Тогда она развивалась, давала о себе знать, люди в нее шли, мы видели ее будущее, и это было классно. Сейчас же анархо-движ в городе пошел на спад, в том числе и АД. На это есть несколько причин. Многие люди под давлением органов уехали в другие города, а в Нижнем мы остались как говно в проруби. Организация дает о себе знать не так, как раньше и это большой косяк...

Варяг: Когда я вступал в АД, это было организация, которая являлась подпольем, занималась акциями, которые несли смысл, пользу для движения. Сейчас же движение создается не только вокруг «Автономного Действия» — появилось много инициативных людей из среды аполитичных антирасистов. От тех же мероприятий, которые раньше проводило АД сейчас больше вреда, чем пользы. Митинги — большое палево. В Нижнем теперь происходит ментовской винтеж даже после легальных мероприятий. Молодой парень, впервые пришедший на акцию, рискует сразу же очутиться в мусарне, где его скорее всего будут бить. Чтобы это перетерпеть, надо иметь какую-то моральную силу... Он приходит, винтится, палится, у него начинаются проблемы на учебе или работе и польза для движа при этом минимальная. На мой взгляд, нужно создавать полулегальные инфраструктуры, которые будут приносить пользу движению и обществу. Например, открывать ветеринарные клиники или спортзалы, где люди трудились бы в соответствии с теми принципами, которые мы предлагаем. Люди со стороны будут видеть пользу от движения, что это не оголтелые малолетки, которые умеют только орать на улицах. Многие поют про работу, про рабочий класс. Но главное не только усердно трудиться, но и приносить пользу обществу. А если это будет перекрещиваться с какими-то идеалами, то это будет вдвойне хорошо.

- Не будет ли это уходом от революционности?

Варяг: Нет, это только способ заинтересовать широкие массы нашими идеями, показать, что люди могут что-то делать не ради наживы, а по доброте душевной.

Ваня: По-моему, будет. Если мы говорим об анархистском или любом другом левацком движении, оно не должно заканчиваться созданием таких вот «полулегальных» структур, нужно открыто показывать власти и обществу, что мы радикально против. Я говорю сейчас именно об уличных протестах — митингах, акциях и пикетах, так набивших оскомину и надоевших нижегородским субкультурщикам. К тому же я решительно не понимаю, чем одно может помешать другому? Кто-то уже занимается организацией тренировок в спортзалах и это ему не мешает принимать участие в организации протестных мероприятий. Другое дело, что последнее именно в нашем городе стало очень сильно чревато постоянными проблемами с органами. Поэтому, я считаю, что в данное конкретное время в данном конкретном месте нужно уходить в максимально законспирированное подполье и действовать оттуда, нелегально, закрыто, но с минимальным риском для организации. И это не значит, что другим городам нужно действовать также. Там, где это пока еще возможно, нужно действовать открыто и массово, привлекая внимание к движению, расширяя его возможности и влияние.

- Несколько слов напоследок. Пожелания читателям и слушателям.

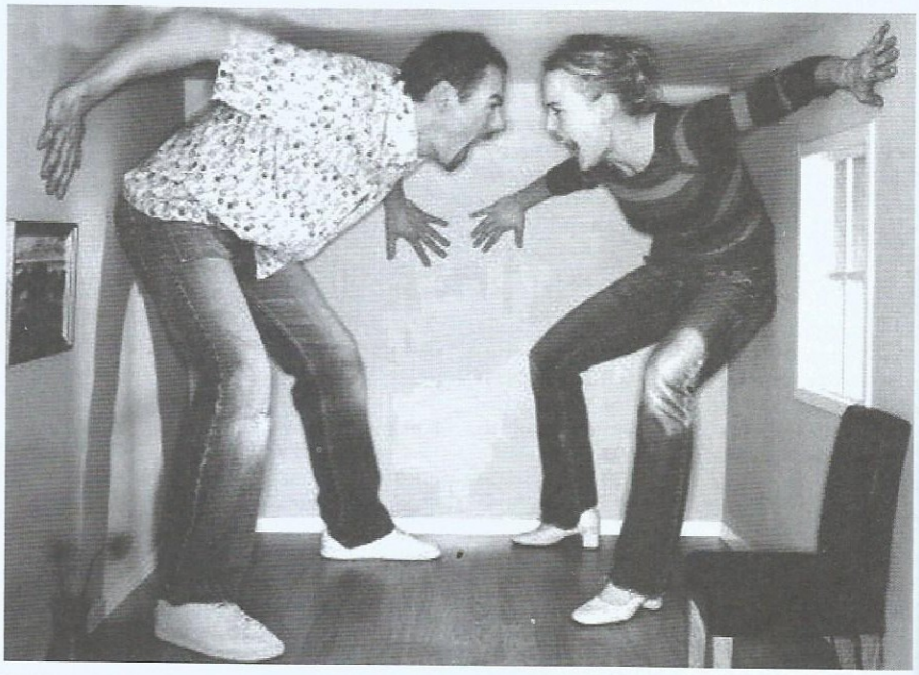
- Желаем всем ясно различать своих товарищей и врагов, как сказал один дядя: «Кадры решают все».

Беседовал Аркадий

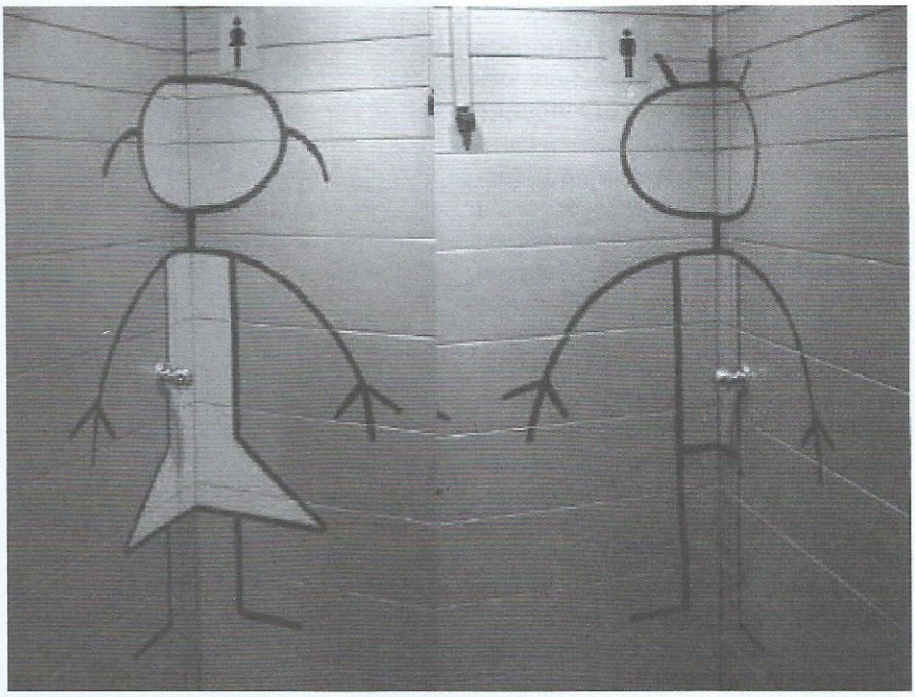
Мать ПОРЯДКА М и Ж

гендерные интересы системы отчуждения

Одной из знаковых черт капиталистической современности правомерно назвать гендерную стратификацию — феномен, куда менее развитый в советское время. Речь идет о повсеместно декламируемом сегодня существовании «мира мужчин» и «мира женщин». Это кажется настолько неопровержимым, что любому уже не терпится возразить: «А что, разве не разное это — мужчина и женщина? Разве можно отрицать пол?» Согласно определению энциклопедий, пол есть «совокупность генетических и морфофизиологических признаков, отличающих мужские особи от женских, и обеспечивающих половое размножение организма. Мужской или женский пол детерминирован генетически специальными половыми хромосомами». Охватывает ли это свойство сам феномен человека, или же является одной из множества его особенностей? Обратимся к тому, как вообще принято толковать слово «человек». Словарь Даля говорит о том, что человек «отличается от животного разумом и волей, нравственными понятиями и совестью и образует не род и не вид животного, а царство человека». Философский словарь гласит: «Человек — главная тема философии, центральная проблема всех философских школ и направлений, неисчерпаемая в силу своей бесконечной сложности, дающая пищу для самых разнообразных интерпретаций и толкований. <...> Человек — высшая ступень живых организмов на Земле, субъект общественно-исторической деятельности и культуры. Человек — предмет изучения различных областей знания: социологии, психологии, физиологии, педагогики, медицины и др.»; «Что касается души, то в этом плане человек отличается не столько сознанием вообще, сколько осознанием самого себя, своей историчности, своей приближающейся смерти. В то время как поведение животного связано с окружающим миром и направляется инстинктами, поведение человека, напротив, не определяется средой и является свободным. Эта независимость от окружающего мира дает возможность специализировать органы чувств и расширять их функции, создает условия для появления самостоятельного мышления, чувствования, волеизъявления и возникновения совершенно нового явления — памяти и фантазии». Даже навскидку приведенные ракурсы понимания человека — наиболее распространенные и легитимные — рассматривают человека как предельно многогранный феномен, выделяя в нем жизнь инстинктов лишь как один из факторов, одно из слагаемых его физиологической природы. Особенности функционирования этой физиологической природы самой по себе, разумеется, ни коим образом не смогли бы повлечь за собой напрямую возникновение, например, исторической рефлексии, гражданственности, социальности, творчества. В противном случае все это обнаруживалось бы и в животном мире. Выходит, специфически человеческим является отнюдь не генетически-инстинктивная сторона его бытия — будь то потребность в еде или размножении. Здесь со всей несомненностью проясняется подмена категорий, содержащаяся в декларации существования двух миров — «М»(мужского) и «Ж»(женского), а именно: либо мы согласны с тем, что человек является многомерной и сложной единицей, мыслящим и созидающим субъектом, и тогда идея об этих мирах разбивается об идею о мире, который следовало бы обозначить тогда как мир «Ч»(человека), а «М» и «Ж» скромно удаляются туда, где им

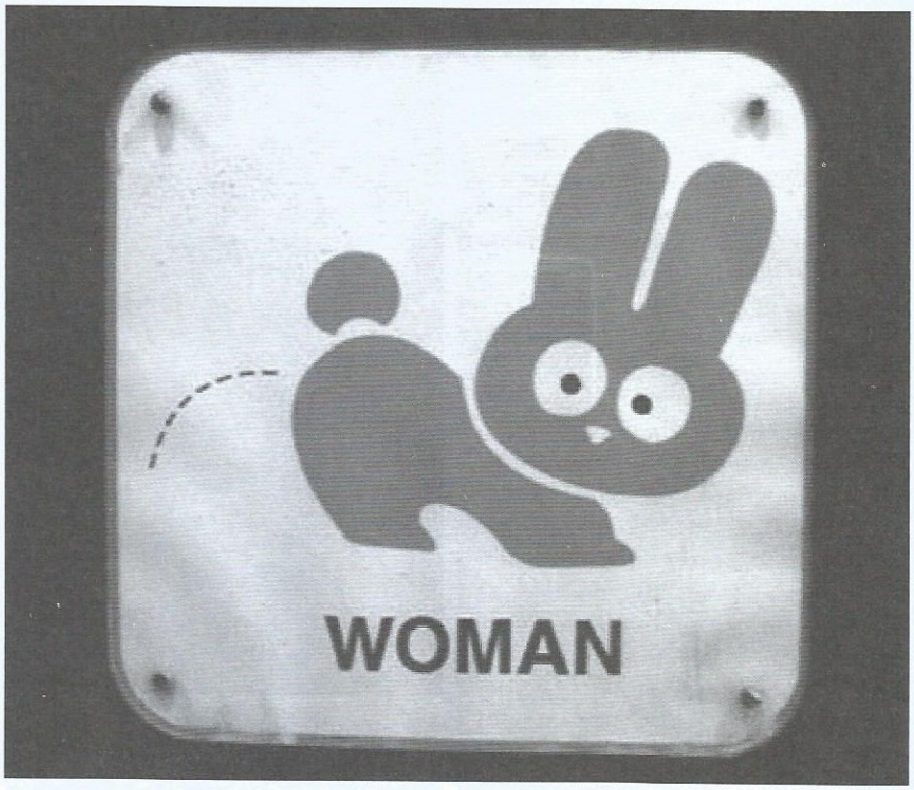


и место — в постель и прочие места выражения чувств. Либо же мы утверждаем, что мир, как общественный клозет, действительно распадается на «М» и «Ж», и все функции человека сводятся к его половой активности, а все прочее — аксессуар и случайность, и кроме совокупления и мыслей о нем — прямых или косвенных — нет ничего реального. Все ложь и предрассудок, культура — сексуальная галлюцинация, всё глубинное в человеческой мысли — плод воображения неврастеников, и так далее в том же духе. Любимый современным обывателем Фрейд даже обосновал подобный взгляд: обосновал так, что те, кому очень хочется верить в его истинность, сочтут аргументацию достаточной и убедительной. Но, как показывает история аналитической психологии и психоанализа, вскоре после этих обоснований стало ясно, что такие допущения и доводы — сильное преувеличение. Оно, вероятно, было вызвано трепетом оперирования поистине революционными идеями — каковыми идеи Фрейда, в общем и целом, конечно, были. Впрочем, если даже представить себе дальнейшее процветание (а не реально имевший место отход от идей монополии либидо) фрейдовского психоанализа, неясным остается следующее: если сублимация сексуальности в форме, например, физической агрессии, либо труда — еще понятна: как подобное к подобному, — то многообразие идей, абстракций, сложнейших интеллектуальных парадигм и всего прочего — половым влечением объяснить невозможно. Как объяснять явления системы одной координат процессами другой. Во многом поэтому дальнейшее направление поисков оснований самобытности человека все же происходили уже не в столь максималистском и категоричном ключе (см., например, Юнга, Адлера и других). Так, очевидной становится подмена общего частным в системе квазимиров ««М»ужчины» и ««Ж»енщины». В этой системе мы видим скрытое сведение человека к его половой функции.



Её сторонники, разумеется, яростно утверждают, что эти функции так безмерно глубоки и важны, что в корне влияют на мировоззрение, мышление и на все остальные составляющие человеческой жизни. Однако этот ангажированный блеф мгновенно спотыкается о простейший силлогизм: женщина и мужчина относятся к виду «человек» как пол относится к организму в целом. Человек имеет форму тела, а также — что отличает его от прочих живых существ планеты — является мыслящей и созидающей единицей. А уже после — мужчинами, женщинами, белыми, черными, высокими, низкими и так далее. **И даже такие апологеты пола, как, например, знаменитый певец мещанских восторгов Василий Розанов, все же незаметно для самих себя продолжают мыслить и много писать.** При этом они утверждают, что, в сравнении с любовными актами, деторождением и обеденно-семейными радостями, литература и прочие области интеллектуальной деятельности — ничто. Тем ярче противоречивость их позиций. Так, призывая девушек продолжать рождаться в мир не головой, но «животом» (цит. Розанова) — как то было испокон веков — и жить во имя совокуплений с последующими беременностями, они делают вид, будто и сами живут во имя простого, телесного, «нежного» (цит.), земного, которое невыразимо одухотворено — гораздо одухотвореннее всяких слов, категорий и прочих «выдумок». Однако при этом, в их текстах всё же то здесь, то там проскальзывает противопоставление животным людей — тех, кто приходит в мир именно головой. Поэтому идея о том, что кроме пола ничего нет, разоблачает в лицемерии самое себя, а заодно — попытку известного типа мужчин удержать за собой такую приятную привилегию быть именно человеком, а не только устройством по размножению и воспитанию. Иначе зачем бы этим «мудрецам» красной нитью через все свое творчество протягивать признания в каких-нибудь своих душевных особенностях — вроде необъяснимой печали, светлой грусти и долгих размышлений — раз ничто, кроме пола, действительно не важно? Предшествие мира ««Ч»еловек» мирам ««М»ужчины» и ««Ж»енщины» несомненно. И весь вопрос только в том, всем ли позволен легитимный доступ в него. Попытки доказать обратное не выдерживают никакой критики, потому как в противном случае должны рухнуть все науки о человеке — от естественных до гуманитарных, а также все науки о том, что человек постиг в мире — математика, физика, астрономия, химия

и другие. Заподозрить создателей «клозетной космологии» в скрытых интересах и тайных мотивах вполне можно. Особенно сегодня — когда эти интересы и мотивы позволяют себя обнаружить на самой поверхности и вполне осознаются своими создателями. Но прежде обратим внимание на любопытный момент. Исходя из того, что дискриминация в самом общем смысле представляет собой ограничение прав человека по определенному признаку, то, говоря о многовековой дискриминации женщин, мы, разумеется, имеем в виду то, что женщину не воспринимали как полноценного человека, как антропологическую (а не сексуально-репродуктивную) единицу. При этом истинность такого подхода обосновывалась с помощью увесистой риторики священных текстов, проповедей, уклада и т.п., даже будто бы наделявших такое ничтожное ее положение неким светлым и благородным ореолом. Однако если прежде речь о такого рода дискриминации шла только применительно к женщинам, то теперь все то же происходит и с мужчинами, хотя это почему-то не очень принято замечать. И это — один из подводных камней авторитарности специфически современного типа: мальчики и девочки, вырастая, воспринимают навязываемые им гендерные парадигмы как абсолютные. Фактически, сегодня они еще на школьной скамье интегрируются в «М» или «Ж». Раньше мальчики — в отличие от девочек — воспитывались, прежде всего, именно как люди, то есть изучали сложные науки, развивали мышление, составляли мнение по важнейшим проблемам современности, постигали мир и развивались универсально именно как люди. Сегодня же мальчики с самого детства воспитываются как представители мужского пола, которым пригодится то, что принято считать в данном обществе специфически мужским атрибутом (речь идет далеко не только о воинской службе, конечно). Лишним же для мальчика считается все то, что в такую группу понятий сегодня не входит: например, занятия поэзией,



философией, искусством, литературой. Мальчикам отныне полагается думать «по-мужски», а девочкам — «по-женски». **На практике это обыкновенно сводится к унылым солдафонско-патриархально- прагматичным клише из СМИ (под видом собственного мнения) у мужчин, и к абсолютной тарабарщине у женщин.** Однако здесь возникает резонный вопрос: если пол — как утверждалось выше — действительно не влияет ни на что, кроме своей системы координат (примерно от биологии до некоторых психологических аспектов), то как может быть «женский» или «мужской» поступок, образ жизни, взгляд? В самом деле: здесь и обнаруживается та искусственная софистика, которая вплелась между человеком и его бытием, чтобы выгнать его в одну лишь его функцию и заставить забыть свою глубинную природу. Такая софистика формирует произвольные образцы поведения и мышления, предписываемые впоследствии мужчинам и женщинам как изначальные, потому что естественным образом их никак не вывести из пола. Эти области — вне сферы его компетенции. Все позиции по мировоззренческим вопросам в скромном, но все же ассортименте уже предложены обывателю в консервированном виде. И обязательно — под соусом пола — мол, «так думают женщины, так думают мужчины, она видит эту проблему по-женски, а он — по-мужски, это интересует женщин, а это мужчин, ты замечаешь это потому, что ты женщина/мужчина». Именно такой ассортимент создает у обывателя иллюзию спокойствия относительно собственной осведомленности и свободы: он создает иллюзию наличия собственного мнения. Как, впрочем, и многое другое в медийном современном мире. Но главное — развернутые друг на друга, и мужчины, и женщины теперь не видят ничего вне и вокруг: если прежде хотя бы мужчина должен был быть видящим вовне — мыслящим, проницательным — тем, кто подлинно понимает происходящее вокруг (если не считать тех фильтров, которые ставятся уже на более высоком уровне — например, между личностью и государством), — то теперь этой чести не удостоен никто. И в этом смысле есть основания говорить о дискриминации человека вообще. Но кем она осуществляется? Очевидно, тем, кому интересна подобная экзальтированность всех людей, их неспособность видеть что-либо вне предложенной парадигмы. Излишне говорить, что каче-

ство это делает более удобным управление, манипулирование, гарантирует пассивность фигур и «выключенность» их из реального мира. Кроме того, можно производить и принуждать обывателя хотеть и покупать в два раза больше вещей, чем нужно — под видом того, что все они (даже самые нейтральные, с точки зрении пола, предметы — телефоны, ноутбуки, алкоголь, машины, интерьеры, канцтовары и прочее) якобы бывают мужские и женские. При этом, многие из них будут приобретаться не по мере надобности, ав связи с внезапно возникающей радостной самоидентификацией женщины/мужчины с предметом, якобы соответствующим по стилю ее/его внутреннему образу женщины/мужчины. Огромные деньги приносит также индустрия, связанная с коррекцией и декорированием внешности: оппозиция ««М»ужчина» и ««Ж»енщина» — самое важное, что лежит в ее основе, что мотивирует прибегать к ней вновь и вновь — на все более и более изощренных и абсурдных уровнях. Примеры можно увидеть хотя бы в простых перечнях услуг салонов красоты, постоянно множащихся и становящихся все безумнее и немыслимее. Тысячи мужских и женских журналов (а следовательно, голов и умов) из сезона в сезон заняты тем, что рассказывают, чем женщины отличаются от мужчин и дают «коды» и «шифры» к противоположному полу, нашпиговывая эти нехитрые коктейли еще боле безыскусными психологизмами. А в это время где-нибудь преспокойно решаются важнейшие вопросы, касающиеся не только человечества, но и планеты. Пока периодика пестрит «сверхважными» попытками понять отличие «метросексуалов» от «гламурных ребят» в глазах женщин, «стерв» от «дерзких девчонок» в глазах мужчин... Пока глянец шелестит попытками выявить отличие того, что делает тебя настоящим мужчиной от того, что делает тебя настоящей женщиной, уяснить, как найти общий язык с мужчинами, если ты женщина, с женщинами — если ты мужчина (и наоборот), как дружить в ситуациях «Ж»-«М», «М»-«М» и «Ж»-«Ж» — пока все это забивает тысячи сознаний, где-то ведутся кровопролитные войны, совершенствуется оружие, выкачиваются исчерпаемые ресурсы,захораниваются ядерные отходы, ведется беспрерывный геноцид природы и животных в гипериндустриальных масштабах, уничтожается аутентичность городов и стран, мир превращается в гигантский торговый комплекс, потребности в котором, впрочем, также подаются вместе с «М»-«Ж»-дискурсом. Но все это неважно. Ведь главное — пол и репродуктивная функция, помещенные в зону комфорта. А мысли о глобальных, или хотя бы социальных проблемах — удел чудаков и фантазеров, не понимающих правды бытия и, наверняка, закомплексованных в вопросах пола — только и всего. Мужчины и женщины не просто направлены друг на друга, не просто сконцентрированы на переживании себя и друг друга как мужчин и женщин, но также и сосредоточены на противостоянии друг другу («об этом (не) стоит говорить с женщиной/мужчиной», «это (не) женское/мужское дело», «это дело провалилось, так как его вела женщина»; «авария из-за того, что за рулем женщина/все мужчины хамят на дороге», «чего еще ждать от женщины/мужчины»; «не ходи на это собрание — там одни мужчины»; «не пойду в этот коллектив — там одни женщины»; и т.д.). Это противостояние окончательно изолирует внимание людей от всех прочих систем координат (коих, разумеется, множество, и намного более реальных). Попытка преодолеть такую разобщенность в некотором роде была предпринята в СССР, а также в некоторых более локальных околосоциалистических образованиях. Тогда предполагалось, что все люди — граждане и товарищи, имеющие общее дело, равную степень ответственности, а не извиняющие сегодня любое безумие так называемые женскую логику и мужскую импульсивность. В какой мере этот проект был осуществлен— разумеется, предмет отдельного анализа. Сложно предположить, что может вернуть человека как мыслящее и чувствующее существо, развенчав циничную оппозицию «М» и «Ж» как коллективную галлюцинацию, имеющую вполне конкретные цели и задачи.

Алексей Тихонов

КОРПУНКТЫ

Мы публикуем список корпунктов, но не гарантируем, что все из них имеют в наличии последний или более ранние номера журнала. Поэтому, если вам не отвечают с адреса корпункта в течение недели, напишите на адрес редакции - avtonom@avtonom.org

Россия

Барнаул
trraktorr@gmail.com

Владивосток
a-avtonom_vl@riseup.net

Вологда
blackflag@list.ru

Ижевск
avtonom18@yahoo.com,
avtonom.cinema@gmail.com

Иркутск
664058, Иркутск, а.я.166,
abejasiberia@gmail.com

Казань
avtonom16@riseup.net

Краснодар
skazka4711@gmail.com

Мурманск
1step.mad@gmail.com

Москва
109028, Москва, а.я.13,
avtonom@avtonom.org

Омск
libertad55@riseup.net

Нижний Новгород
603104, Нижний Новгород,
а.я.25, avtonom52@gmail.
com

Новосибирск
trraktorr@gmail.com

Орел
PunkWay.ru@gmail.com

Пермь
avtonom59@gmail.com

Санкт-Петербург
ad-spb@riseup.net

Тюмень
akbar@riseup.net

Уфа
ufa@riseup.net, ad@inufa.org,
inufa.org

Челябинск
avtonom.chel@gmail.com
Череповец
ssgengine@gmail.com

Беларусь

Минск
Belarus@avtonom.org,
avtonom_distro@riseup.net

Украина

Киев
kryaj161@gmail.com
Донецк
bazzzya@riseup.net]

Крым
ad.crimea@gmail.com
Севастополь
99005, Севастополь, а.я.8,
vlastinetu@gmail.com

Дальнее зарубежье

Болгария
Georgi Bonchev
Kniaz Boris I No.23 Momin
Prohod 2035 Bulgaria www.
aresistance.net aresistance@
riseup.net

Бразилия
ikotemadistro@yahoo.com.br
Caixa Postal 161 Araraquara-
SP, 14801-970 Brasil,
Телефон: 0-55-16-99627077

Македония
Инфошоп Терор 13,
anarhokomunist@gmail.com,
www.teror13.tk

Нидерланды
Het Fort van Sja koo,
Jodenbreestraat 24 1011 IMK
Amsterdam 020_6258979,
info@sjakoo.nl, www.sjakoo.
nl
Польша
Infoszop, ul Targowa 22,
Warszawa, Poland, www.
alter.most.org.pl/infoshop

Финляндия
Tasajako PL 60 00531
Helsinki, tasajako@anarkismi.
net, www.anarkismi.net/
tasajako

"Автоном": журнал движения "Автономное действие"

"Автоном" - самый многотиражный анархо-журнал на территории бСССР. Продолжает выходить, несмотря на происки врагов и критику злопыхателей. Родился в 1995 году в образе анархо-панк-зина в Краснодаре. В 2005-м сбежал в Москву из-за репрессий членов редакции. Подрос и возмужал. На сайте avtonom.org (в разделе «Автоном») доступны материалы номеров с 25 по 30 включительно.

ГДЕ КУПИТЬ?

Журнал продается на постоянной основе в Москве в книжных магазинах «Гилея», «Фаланстер», «Рок-арсенал», «Культура», ларьке «Новой газеты» и в некоторых других точках продаж, в том числе, в Питере и Перми. Более подробную информацию смотрите на сайте **www.avtonom.org**.

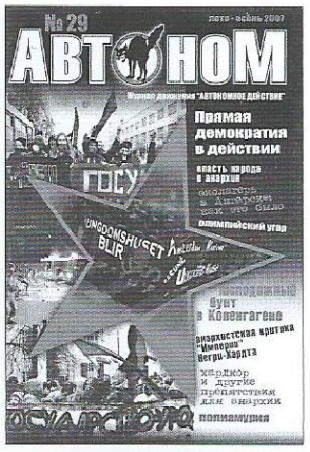
КАК ПОЛУЧИТЬ НАШ ЖУРНАЛ?

Печатную версию журнала можно получить по почте. Для этого нужно переслать или передать его стоимость + стоимость почтовой пересылки + стоимость упаковки на почте по адресу редакции. Передача журнала на распространение без предоплаты оговаривается с редакцией отдельно. Пересылка одного экземпляра по России в зависимости от номера составляет от 40 до 70 рублей. Стоимость пересылки большего количества журналов узнавайте дополнительно.

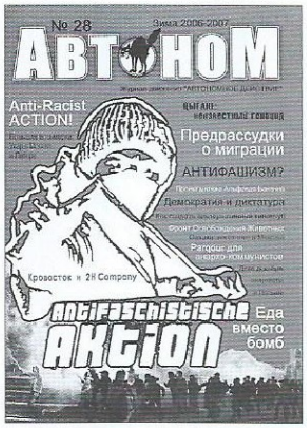
Ждем ваши материалы для публикации! Редакция нуждается в новых корпунктах и распространителях!

N31. Осень 2009 года.
1-9 экз - 70 руб.
от 10 экз - 60 руб.

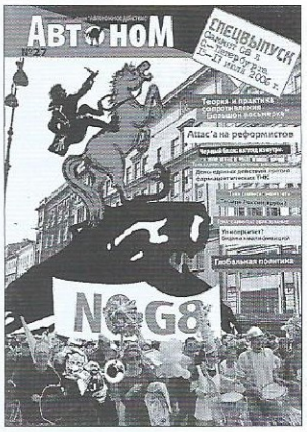
N30, "Тотальная конфронтация".
Лето-осень 2008 года.
1-9 экз - 40 руб.
от 10 экз - 35 руб.



N29, "Демократия".
Лето-осень 2007 года.
1-9 экз - 30 руб.
от 10 экз - 25 руб.

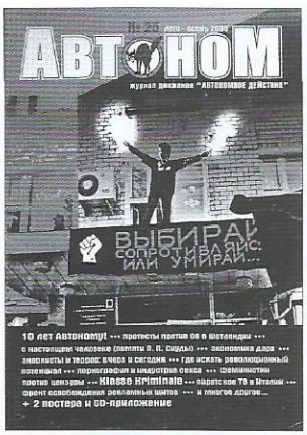


N28, "Антифашизм".
Зима 2006-2007 годов.
1-9 экз - 35 руб.
от 10 экз - 30 руб.

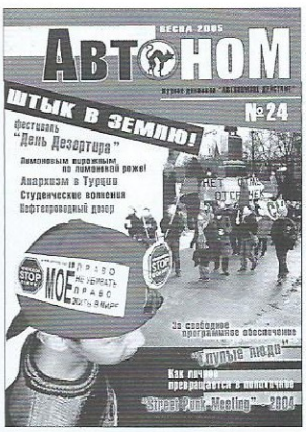


N27, спецвыпуск, посвященный саммиту G8 в Санкт-Петербурге.
Лето 2006 года. (Номер доступен только на сайте)

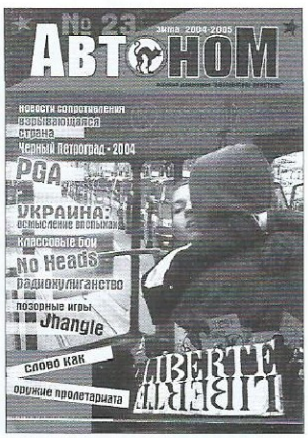
N26, "Гомофобия".
Зима-весна 2006 года.
1-9 экз - 35 руб.
от 10 экз - 30 руб.



N25. Лето-осень 2005 года.
1-9 экз - 35 руб.
от 10 экз - 30 руб.

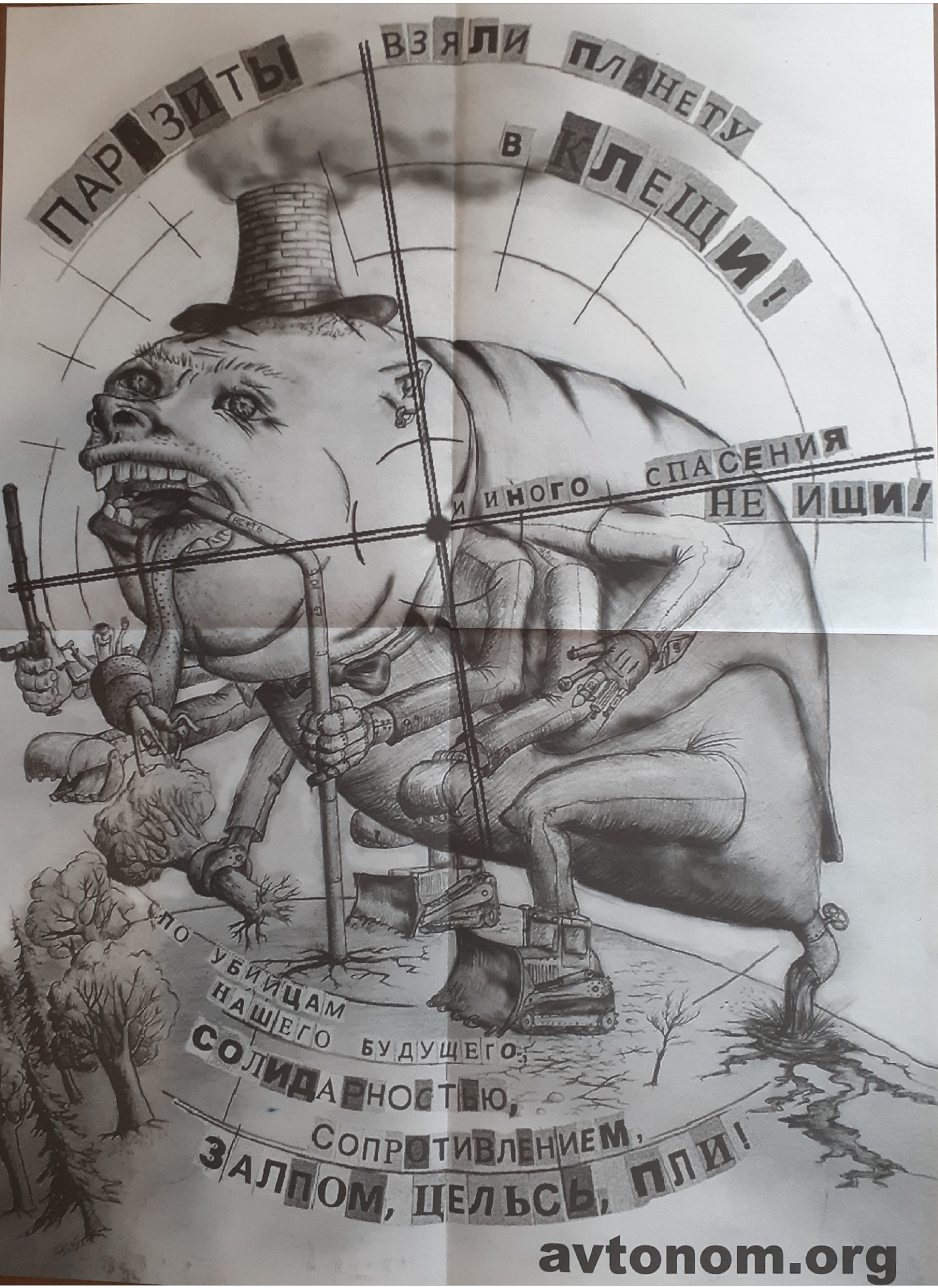


N24. Весна 2005 года.
Цена 30 руб.



N23. Зима 2004-2005 года.
Цена 30 руб.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 109028, МОСКВА, А/Я 13, E-MAIL: AVTONOM@AVTONOM.ORG


ПАРАЗИТЫ ВЗЯЛИ ПЛАНЕТУ В КЛЕЩИ!
И ИНОГО СПАСЕНИЯ НЕ ИЩИ!
ПО УБИЙЦАМ НАШЕГО БУДУЩЕГО:
СОЛИДАРНОСТЬЮ,
СОПРОТИВЛЕНИЕМ,
ЗАЛПОМ, ЦЕЛЬСЬ, ПЛИ!
avtonom.org